

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

NO 10

RECORD

17
25

RECORD OF THE
OFFICE OF THE
SECRETARY OF THE
NAVY

188

26
**ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ.**

ЖУРНАЛЬ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСЛѢДОВАНИЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ
ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВ-
НИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

Ж 19795
— ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ —

ВЫПУСКЪ V.

Воронежъ.

Въ Типографіи В. П. Исаева.

1889.

05
9557
85
1889.

КР. 00
m

— 0578684 —

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

СОДЕРЖАНІЕ У ВЫПУСКА.

Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенності. (Оконч.)

В. Плотникова.

Бъ вопросу объ улучшеніи преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ въ связи съ письменными упражненіями.

Ю. Н. Верещагина.

Зачатки русской литературной критики.

И. М. Бѣлоруссова.

Приложеніе свѣдѣній изъ логики къ чтенію и писанію сочиненій. (Добавленіе «къ Методикѣ преподаванія русскаго языка»).

А. В. Барсова.

О домашнемъ чтеніи книгъ учениками. (Изъ рѣчи на годичномъ актѣ).

Его-же.

Какое значеніе имѣютъ слова Нестора: «собравше кости, вложиху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ еже творять Вятчи и нынѣ»? (Поли. Собр. Р. Л. 1, 6).

И. Д. Четыркина.

Подписка на «Филологич. Записки» на 1890 годъ открыта.

Объявленіе будетъ въ слѣдующей книжкѣ.

ОБЪ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВООБЩЕ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

(Окончаніе).

Отъ государственнаго и вообще социальнаго быта народа умственное развитіе послѣдняго зависитъ въ томъ отношеніи, что онъ благоприятствуетъ свободѣ мысли или подавляетъ ее. Свобода же мысли составляетъ одно изъ существенныхъ условий успѣшнаго развитія умственной дѣятельности. Примѣръ вреднаго вліянія социальныхъ порядковъ на умственную дѣятельность можно видѣть въ исторіи государствъ съ рѣзко опредѣленнымъ кастовымъ устройствомъ, которое каждый классъ народа заставляетъ непремѣнно заниматься одною какою-нибудь отраслью труда, закрывая для него всякій другой трудъ. Такъ было, на примѣръ, въ Индіи и въ Египтѣ. Примѣръ благотворнаго вліянія социальныхъ условий жизни народа на умственное развитіе послѣдняго виденъ въ исторіи особенно Греціи, гдѣ принципъ индивидуальной свободы былъ проведенъ гораздо шире, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны слова англійскаго историка философіи Блеки (Blakey): «гдѣ свобода служить основаніемъ общественной жизни и гдѣ народъ имѣетъ возвышенныя понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, тамъ непремѣнно должно оказаться процвѣтаніе здоровой философіи духа. Вся исторія Греціи служитъ поразительнымъ доказательствомъ этого положенія» *). Но и помимо такого общаго вліянія, социальные условия жизни народа могутъ имѣть и болѣе близкое вліяніе на интеллектуальную культуру, т. е. могутъ опредѣлять собою самое ея содержаніе. Какъ на примѣръ такого рода зависимости умственной дѣятельности отъ условий общественной жизни, можно указать на софистику, получившую такое сильное развитіе передъ временемъ появленія Сократовой философіи и бывшую въ силѣ при жизни самого Сократа и его учениковъ. Въ то время, т. е. въ эпоху Пелопонезской войны, Аѳинская демо-

*) Blakey. History of the philosophy of mind. Vol. I. 1830. London. P. 8.

кратія достигла высшей степени своего могущества, и уже успѣлъ обнаружиться весь вредъ народнаго своеволия, не сдерживаемаго ничѣмъ. Борьба политическихъ партій, разгаръ народныхъ страстей, проявленія честолюбія и властолюбія, все это было прямымъ слѣдствіемъ и обнаруженіемъ общаго направленія Аѳинской общественной жизни того времени. Времена Аристиды и Мильтіада тогда уже прошли. Теперь почти исключительнымъ мотивомъ общественной и личной жизни сдѣлался эгоизмъ; на первомъ планѣ у всякаго стояло свое я, свои собственные, личные интересы. Удивительно-ли послѣ этого, что положеніе Протагора: «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей», было основнымъ принципомъ софистики, служившей полнымъ выраженіемъ своего времени?

Подобное же вліяніе оказываютъ на философію и политическія отношенія народа. Изъ опыта исторіи извѣстно, что когда государственное и политическое состояніе страны бываетъ такъ неудовлетворительно и печально, что не подаетъ никакихъ надеждъ на поправленіе дѣлъ, то лучшіе умы, недовольные дѣйствительностью, отвертываются отъ нея и сосредоточиваются въ себѣ самихъ, замыкаются въ тѣсномъ кругѣ своей личной жизни. Въ подобныхъ случаяхъ интеллигентные люди, не находя для своихъ стремленій къ истинѣ благоприятныхъ условій во-внѣ, естественно «ограничиваются сами собою, своею личною дѣятельностью, занимаясь попеченіями о собственномъ духѣ, объ усовершенствованіи субъективнаго мышленія и хотѣнія, и чѣмъ неудовлетворительнѣе внѣшнія обстоятельства, тѣмъ исключительнѣе должны искать опоры для себя въ собственномъ сознаніи» *). Продуктомъ такого рода направленія умственной жизни является въ философіи крайній субъективизмъ и идеализмъ. Такъ, послѣ смерти Александра Македонскаго, когда государственная и по-

*) Новицкій. Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. 1860. Кіевъ. Стр. 165.

литическая жизнь грековъ представляла неутѣшительное зрѣлище нескончаемыхъ междуусобій и кровопролитій, когда свобода Греціи была потеряна и такимъ образомъ прегражденъ былъ путь къ свободной гражданской дѣятельности, лучшіе люди стали искать себѣ утѣшенія въ занятіяхъ философіею, и философія эта во всѣхъ школахъ того времени приняла субъективный характеръ *). Въ новѣйшее время аналогичное этому явленію мы видимъ въ исторіи германскаго субъективизма, которому положилъ начало своею философіею Фихте. Политическія обстоятельства, при которыхъ совершалась философская дѣятельность Фихте, были самага неутѣшительнаго свойства: какъ извѣстно, время Фихте было временемъ владычества Наполеона I и связанныхъ съ нимъ крайнихъ неустойствъ и униженія Германіи. Впрочемъ, субъективизмъ германской философій конца прошлаго и первой половины настоящаго столѣтія былъ уже до извѣстной степени подготовленъ критическою философіею Канта. Вообще всякое философское ученіе есть произведеніе своего времени. Оно является, какъ продуктъ многоразличныхъ условій жизни народа, постепенно и незамѣтно подготовлявшихъ его, пока оно не созрѣетъ вполне въ народъ и не будетъ сознано вполне кѣмъ-либо изъ его членовъ. Поэтому, начала каждаго философскаго ученія нужно искать не исключительно въ жизни и дѣятельности извѣстныхъ индивидуальныхъ умовъ, но главнымъ образомъ въ духѣ и обстоятельствахъ времени. Отдѣльные лица служатъ только выразителями и носителями философскихъ идей. Извѣстныя идеи, до которыхъ доходитъ умъ человѣческой путемъ постепеннаго развитія, носятъ, такъ сказать, въ атмосферѣ духовной жизни народа, пока наиболѣе даровитыя лица не усвоятъ себѣ вполне и не доведутъ до полнаго сознанія этихъ идей. Послѣ того такія избранныя лица выражаютъ эти идеи въ доступной для пониманія другихъ формѣ, и такимъ образомъ онѣ дѣлаются

*) Ibid. стр. 158—166.

общимъ достояніемъ народа и всего образованнаго человечества. Обыкновенно думаютъ, что эти идеи въ первый разъ зародились въ умѣ тѣхъ людей, которые служатъ выразителями ихъ, и что онѣ вполнѣ и всецѣло обязаны своимъ появленіемъ на свѣтѣ именно дѣятельности этихъ людей. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Различіе между сознаніемъ философскихъ идей философами и усвоеніемъ ихъ массою народа лежитъ главнымъ образомъ во времени: философы, какъ люди съ высшими умственными дарованіями, раньше другихъ дошли до полнаго сознанія этихъ идей; рано или поздно если не эти, то другіе люди пришли бы наконецъ къ этимъ идеямъ и выразили бы ихъ съ большею или меньшею ясностью.

Теперь иллюстрируемъ изложенныя общія соображенія нѣкоторыми частными примѣрами. Зависимость умственной жизни и дѣятельности отъ первой категоріи условій жизни народа, какъ сказано выше, всего сильнѣе и замѣтнѣе въ ранніе періоды интеллектуальнаго развитія. Чтобы фактически подтвердить это положеніе, возьмемъ для примѣра нѣсколько философскихъ ученій древняго міра. Впрочемъ, на характеръ этихъ ученій вліяла не одна только природа, но и соціальныя условія жизни народа. Поэтому древнія философскія ученія могутъ служить примѣромъ зависимости просвѣщенія и отъ условій жизни, отнесенныхъ нами ко второй категоріи.

Нѣтъ, можетъ быть, другой страны въ мірѣ, въ которой по всему ея протяженію былъ бы такой ровный климатъ, какъ въ Китаѣ. Отовсюду окруженный естественными границами: частію высокими горными хребтами, частію морями, Китай представляетъ собою огромную равнину, однообразный видъ которой, за исключеніемъ сравнительно небольшого террасообразнаго плоскогорія, нигдѣ не нарушается замѣтными возвышеніями почвы. Рѣки «срединной имперіи» не отличаются быстротою своего теченія; онѣ спокойно и ровно несутъ свои мутныя воды въ Тихій океанъ. Такой характеръ

страны не могъ не отразиться и на характеръ самой націи, ее населяющей. Въ самомъ дѣлѣ, національный характеръ китайцевъ поражаетъ наблюдателя своею невозмутимой ровностью и спокойствіемъ, своею холодностью и безстрастностью. Почва Китая производитъ все, что нужно для жизни цѣлаго народа. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ естественными границами, отдѣляющими Китай отъ другихъ націй, вызвало въ характерѣ китайцевъ стремленіе къ замкнутой жизни, къ отчужденію отъ другихъ народовъ, къ исключительному предпочтенію всего своего и къ пренебреженію всѣмъ иностраннымъ *). Присоединимъ ко всему этому еще вліяніе социальныхъ порядковъ въ китайской жизни и образа правленія, и мы получимъ общія черты національнаго характера китайцевъ. То, что разумѣется обыкновенно подъ именемъ нравственной индивидуальности и субъективности, подавляется въ китайцѣ обязанностью самаго скрупулезнаго исполненія законовъ, всецѣлаго и безусловнаго подчиненія личности нравамъ и обычаямъ, господствующимъ въ странѣ **). Понятно отсюда, почему философія китайцевъ представляетъ собою самый грубый матеріалистическій пантеизмъ; почему китаецъ представляетъ себѣ жизнь міра въ формѣ неизмѣнно-правильнаго, ровнаго и однообразнаго порядка, который ничѣмъ не нарушается, въ которомъ все хорошо и все течетъ своимъ неизбѣжнымъ, естественно разумнымъ путемъ; понятно также, почему нравственная сторона Китайской философіи поражаетъ отсутствіемъ всякихъ идеаловъ будущаго, своимъ консервативно-оптимистическимъ характеромъ, своею исключительной приуроченностью къ существующему порядку вещей; почему главной обязан-

*) Weber G. Allgemeine Weltgeschichte, mit besonderer Berücksichtigung des Geistes-und-Culturlebens der Völker und mit Benutzung der neueren geschichtlichen Forschungen. Band 1. S. 34—34.

***) Веберъ, 34—35, 46.

ностью китайца служить соблюденіе порядка, установленнаго вѣками *).

Совсѣмъ другаго рода характеръ носить на себѣ умственная жизнь народа, сосѣдственнаго съ китайцами. Какъ тамъ философія отражаетъ въ себѣ особенности національнаго характера китайца, такъ здѣсь такое же значеніе имѣетъ преимущественно характеръ страны, въ которой появилась философія или, лучше сказать, теософія браминовъ, а затѣмъ буддистовъ. Природа этой страны отличается богатствомъ и разнообразіемъ величественныхъ и роскошныхъ формъ растительной и животной жизни. Здѣсь и самыя громадныя растенія, и самыя сильныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя опасныя животныя; климатъ жаркій; почва въ изобиліи приноситъ все потребное для жизни человѣка. Вообще природа здѣсь поражаетъ человѣка необыкновеннымъ великолѣпіемъ фауны и флоры, крайнимъ разнообразіемъ, силою, красотой, роскошью всѣхъ своихъ формъ и проявленій жизни вообще. Все это неотразимо должно было дѣйствовать на психическую жизнь обитателей этой страны, развивая въ нихъ до крайней степени фантазію и чувство, и предрасполагая ихъ къ созерцательной и самоуглубленной жизни. Потому, индеецъ, въ противоположность китайцу, по преимуществу идеалистъ. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго преобладанія въ немъ созерцательнаго направленія, дѣйствительная жизнь съ ея дробными, разрозненными явленіями привлекаетъ его всего менѣе; онъ стремится понять все въ общемъ, въ цѣломъ, въ идеальной сущности бытія, въ противоположность бытію индивидуальному, единичному, разрозненному; онъ старается объять природу и весь міръ болѣе *in abstracto*, чѣмъ *in concreto*. Поэтому же и божество для индійца есть цѣлый міръ, вся природа во всей совокупности ея явленій и формъ, но міръ, природа, разсматриваемые не въ своей непосредственной дѣйствительности, какъ это мы видѣли въ китайской философіи, а въ своемъ

*) Ibid. 40—43. 51.

отвлеченіи, въ своей идеальной, неуловимой сущности, въ своей идеѣ. Вотъ почему философія индійцевъ представляетъ собою идеалистическій пантеизмъ. Развивая въ человѣкѣ склонность къ созерцанію, внушая ему идеалистическій взглядъ на бытіе, природа Индіи въ то же время производитъ на него тяжелое, подавляющее дѣйствіе; поэтому неудивительно, что на взглядъ индійца жизнь есть только печальная драма, полная обольщеній и разочарованій, есть только пустой, жалкій сонъ, исполненный мучительныхъ призраковъ, сновидѣній, въ которыхъ душа человѣка томится, страдаетъ.

Совершенный контрастъ съ національнымъ характеромъ китайцевъ и индійцевъ составляетъ характеръ умственной жизни и дѣятельности древнихъ грековъ. Климатъ Греціи—умѣренный, но пріятный и здоровый; онъ не на столько суровъ, чтобы сдѣлать характеръ народа грубымъ и мрачнымъ, но и не слишкомъ жарокъ, чтобы разслаблять его энергію и бодрость. Почва плодородна и доставляетъ человѣку все необходимое для удовлетворенія существенныхъ его потребностей. Обильно вознаграждая трудъ человѣка, природа страны служить прочнымъ основаніемъ народнаго богатства, а съ этимъ вмѣстѣ является досугъ, столь необходимый для умственныхъ занятій. Растительное и животное царство, возбуждая любознательность человѣка, не вызываютъ въ немъ здѣсь суевѣрнаго отношенія къ себѣ. Устройство поверхности отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ, происходящимъ отъ того, что невысокія горы и плоскогорія здѣсь чередуются съ ровными мѣстностями и долинами. Такой видъ природы производитъ въ характерѣ народа особенную живость и подвижность. Чрезвычайно извилистая береговая линія, естественно, привлекаетъ народъ къ мореплаванію и торговлѣ, дѣлая для него удобными сношенія съ образованнѣйшими народами, плоды цивилизаціи которыхъ легко сообщаются воспримчивымъ грекамъ и усваются ихъ собственной культурѣ. Естественныя границы, раздѣляющія Грецію на множество самостоятельныхъ политическихъ единицъ, способ-

ствують развитію гражданской дѣятельности, патріотизма и стремленія къ политической и личной свободѣ. Стремленіе къ индивидуальной свободѣ необходимо отражается и на изслѣдованіяхъ природы, которыя требуютъ возможно большей свободы мысли и возможно большей независимости отъ различныхъ постороннихъ вліяній на изслѣдователя. Вообще въ Греціи все соединилось, чтобы содѣйствовать развитію здѣсь обширной и разнообразной умственной дѣятельности. Кромѣ того, красота и разнообразіе мѣстной природы дѣлаетъ воображеніе обитателей живымъ и сильнымъ. Этимъ и обуславливается то обстоятельство, что философскій слогъ Грековъ отличается особенною пластичностью и картинностью; самыя отвлеченныя идеи грекъ старается облечь въ пластичныя, конкретныя образы, говорящіе не только разуму, но и воображенію. Разнообразіемъ же природы, вмѣстѣ съ энергичнымъ, свободолюбивымъ гениемъ греческой націи, объясняется, почему содержаніе и общій характеръ греческой философіи чужды той односторонности въ направленіи, которая отличаетъ индійскую и китайскую философію, почему философія грековъ приняла столько самыхъ разнообразныхъ направленій.

Хотя древняя философская мысль, какъ сказано выше, въ значительной степени зависѣла отъ социальныхъ условій жизни и вообще отъ культуры, однако эта зависимость, благодаря сильному вліянію природы на философію, не такъ замѣтна въ древней философіи, какъ въ новой. Поэтому, для болѣе обстоятельной провѣрки высказанныхъ общихъ соображеній относительно зависимости философіи отъ условій жизни, принадлежащихъ ко второй категоріи, возьмемъ какое-нибудь изъ новыхъ философскихъ ученій, на примѣръ, самое популярное изъ новѣйшихъ философскихъ ученій, позитивизмъ. Впрочемъ, какъ древняя философія зависѣла не только отъ природы, но и отъ народной культуры, такъ и новѣйшія философскія системы, завися главнымъ образомъ отъ социальныхъ условій и вообще отъ культуры народа, въ то же время обнаруживаютъ все-таки и вліяніе мѣстной

природы, хотя это вліяніе очень незначительно и имѣеть только косвенное значеніе для философіи.

Позитивизмъ, какъ извѣстно, появился около половины текущаго столѣтія во Франціи (основатель этой системы, Огюсть Контъ, умеръ въ 1857 году). Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, насколько появленіе позитивной философіи было обусловлено народною жизнію, сводится къ двумъ частнымъ вопросамъ: во-первыхъ, почему позитивизмъ появился именно въ это время, а не раньше и не позже? Во-вторыхъ, почему онъ возникъ именно во Франціи, а не въ другой какой-либо странѣ? Для рѣшенія перваго вопроса, мы должны обратить особенное вниманіе на тѣ условія жизни, которыя указаны подъ первымъ, вторымъ и третьимъ пунктами второй категоріи, т. е. на состояніе научныхъ познаній въ данное время, на характеръ общественной жизни и на отношеніе общества къ религіи. Какъ извѣстно, еще въ XVIII вѣкѣ самую интересною и самую популярною отраслю знанія сдѣлалось естествознаніе. Еще Бэконъ выставилъ принципомъ науки то положеніе, что всякое знаніе должно оцѣниваться по той долѣ пользы, какую оно приноситъ. Но ни одна отрасль знанія не приноситъ такой очевидной, ощутительной для всѣхъ, несомнѣнной пользы, какъ естествознаніе. Поэтому, общее вниманіе обратилось въ особенности на естественныя науки, какъ по преимуществу практическія. Но требованіе пракческаго значенія отъ науки скоро переступило границы законнаго. Старая и давно уже избитая истина, что одна крайность вызываетъ другую, оправдалась и по отношенію къ естествознанію. Значеніе науки многіе стали измѣрять исключительно только ея прямою и непосредственною приложимостью къ жизни, ея очевидною практичностью, стали утверждать, что научно только полезное для жизни знаніе. При этомъ жизнь начали понимать въ исключительномъ смыслѣ матеріальной жизни. Но такъ какъ только одно естествознаніе имѣеть прямое приложеніе къ матеріальной жизни человѣка, то, естественно, возникло мнѣніе, что толь-

ко естествознаніе есть наука, всякое же другое знаніе не достойно вниманія человѣка: оно или міеологія, или схоластика, или метафизика. Впрочемъ, къ области науки отнесли и математику, по той причинѣ, что, хотя она и не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ жизни, но за то имѣетъ прямое отношеніе ко многимъ естественнымъ наукамъ; такъ, напримѣръ, безъ математики не могла бы существовать астрономія, не могла бы достигнуть высокаго развитія физика и другія точныя науки; къ такому взгляду на область науки просоединилось еще вліяніе практическаго, утилитарнаго духа времени. Съ открытіемъ новыхъ странъ и со множествомъ изобрѣтеній техническихъ, тѣсно связанныхъ съ процвѣтаніемъ естественныхъ наукъ, чрезвычайно усилилось торговое и промышленное движеніе. Множество предприимчивыхъ людей всѣ силы своего ума и воли обратили единственно на коммерческія предпріятія, на биржевую игру, на приращеніе своихъ капиталовъ. Большинство людей стало заботиться только о томъ, какъ бы сдѣлаться богаче и получше устроить свою жизнь съ матеріальной стороны. При такомъ, чисто практическомъ, направленіи жизни, естественно, должно было окрѣпнуть мнѣніе, что только естествознаніе соотвѣтствуетъ потребностямъ и духу времени, что только оно одно есть современное знаніе; всякое же другое знаніе отжило свой вѣкъ и теперь можетъ имѣть только историческое значеніе, какъ фактъ переживанія въ культурѣ. Такимъ образомъ, взглядъ на естествознаніе, какъ на знаніе единственно научное, нашелъ себѣ поддержку въ обстоятельствахъ времени. Подобный взглядъ, конечно, не могъ бы получить широкаго распространенія, если бы къ нему не пришло еще на помощь отношеніе многихъ образованныхъ и даже ученыхъ людей прошлаго и настоящаго столѣтія къ религіи. Разрушительная дѣятельность англійскихъ деистовъ, французскихъ энциклопедистовъ и германскихъ раціоналистовъ приготовила почву для распространенія антихристіанскихъ и антирелигіозныхъ идей въ Европѣ. Уже французскіе энциклопедисты (Дидро,

Д'Аламберъ и др.) были явными противниками всякой положительной религіи, а большая часть изъ нихъ и религіи вообще. Но съ особенною силою атеизмъ выраженъ былъ у французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка, въ сочиненіяхъ, напримѣръ, Де-ля-Метри («L'homme machine» и пр.), барона Гольбаха («System de la nature») и другихъ. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія антирелигіозныя идеи были уже въ сильномъ ходу въ образованной Европѣ. Вотъ главные элементы, изъ которыхъ образовался позитивизмъ Конта. Всѣ эти идеи уже давно носились въ европейскомъ обществѣ, а около половины настоящаго столѣтія достигли высшей степени своей силы и распространенія, но онѣ не были еще сведены къ одному общему принципу. Это сдѣлалъ Огюсть Контъ. Онъ усвоилъ себѣ эти идеи, какъ несомнѣнную истину, соединилъ ихъ между собою и выразилъ въ одной цѣльной системѣ. Вотъ почему явился позитивизмъ и вотъ почему онъ явился въ указанное время, а не въ другое.

Для рѣшенія втораго вопроса, т. е. почему позитивизмъ явился именно во Франціи, а не въ другой странѣ, нужно принять во вниманіе національный характеръ Французовъ, зависящій отъ природы ихъ страны. Климатъ Франціи пріятный, теплый, почва плодородна и способна приносить разнообразныя произведенія, свойственныя странамъ съ умѣренно-теплымъ климатомъ. Устройство ея поверхности очень разнообразно. Горы Франціи, пересѣкающія ее въ разныхъ направленіяхъ, не высоки; лѣса, покрывающіе ихъ, придаютъ красоту мѣстнымъ ландшафтамъ. Равнины и долины, засѣяныя по мѣстамъ различными хлѣбными, техническими и плодовыми растеніями, въ изобиліи орошаются многочисленными рѣчками и большими судоходными рѣками; берега ихъ усѣяны красивыми виллами, замками, многолюдными городами и селеньями. Вся природа Франціи должна оказывать такое вліяніе на ея жителей, что въ нихъ необходимо развиваются веселость, живость характера, свѣтлый взглядъ на природу и жизнь, вообще въ нихъ дол-

женъ былъ выработаться сангвиническій темпераментъ. Сангвиническій же темпераментъ обусловливаетъ собою сильную степень воспріимчивости человѣка, но сравнительно слабое воздѣйствіе, т. е. на сангвиника производятъ сильное впечатлѣніе внѣшнія событія, но его мысль не въ такой мѣрѣ способна къ рефлексіи по поводу этихъ впечатлѣній, въ какой способенъ къ ней, напримеръ, меланхоликъ. Вслѣдствіе этого, сангвиникъ вообще менѣе склоненъ къ тѣмъ умственнымъ работамъ, которыя требуютъ полного отвлеченія отъ дѣйствительности, чѣмъ къ тѣмъ умственнымъ операціямъ, которыя, хотя тоже требуютъ большаго или меньшаго отвлеченія отъ непосредственной дѣйствительности, однако прямо относятся къ внѣшнему бытію, къ извѣстнымъ его свойствамъ. Такимъ образомъ, французы, какъ сангвиники, болѣе склонны и способны къ занятіямъ математикой и естественными науками, чѣмъ къ занятіямъ философскими науками въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему большинство лучшихъ математиковъ или естествоиспытателей—французы; вотъ почему ни одинъ изъ новѣйшихъ народовъ не сдѣлалъ такъ много для точныхъ наукъ, какъ французы. Послѣ этого понятно, что философія, полагающая въ основаніе всякаго истиннаго знанія математику и проповѣдующая, что все содержаніе научнаго знанія должно состоять только въ изслѣдованіи о явленіяхъ и ихъ законахъ и ни въ чемъ болѣе, такая философія должна была появиться скорѣе во Франціи, чѣмъ въ другой какой-нибудь странѣ.

Резюмируя все сказанное о ходѣ развитія философіи, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Какъ возникновеніе, такъ и развитіе философіи обусловливается, во-первыхъ, природою страны, населяемой извѣстнымъ народомъ, во-вторыхъ общимъ умственнымъ и социальнымъ его состояніемъ и развитіемъ. Въ силу этихъ условій, философія не во всякой странѣ можетъ развиваться и, кромѣ того, для самаго возникновенія ея требуется уже извѣстная, довольно высокая, степень культурнаго развитія народа. Но не одно только возник-

новеніе и дальнѣйшее существованіе философіи зависитъ отъ названныхъ факторовъ: они вліяютъ и на самое содержаніе, на специфическій характеръ философіи. Впрочемъ, вліяніе природы на философію сильно только на низшихъ ступеняхъ умственнаго развитія, да и вообще значеніе ея для философіи чисто относительное. Гораздо болѣе вліяютъ на философію условія культурной жизни народа, и особенно важное значеніе для нея имѣетъ общій уровень знанія въ данной странѣ и въ данное время. Такимъ образомъ, состояніе философіи каждаго народа вообще вполнѣ зависитъ отъ условій жизни этого народа.

Тѣ общія начала, на основаніи которыхъ мы объясняли явленія въ области развитія философской мысли и философской литературы, имѣютъ одинаковое значеніе и при объясненіи различныхъ явленій въ области развитія изящной литературы. Даже нужно сказать болѣе: факты изъ исторіи философіи труднѣе поставить въ прямую связь съ условіями жизни народа, чѣмъ произведенія поэзіи, потому что всякое философское ученіе гораздо дальше отстоитъ отъ дѣйствительности, чѣмъ какое-нибудь поэтическое произведеніе. Причина понятна: каждая философская система состоитъ изъ абстракцій, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ непосредственно даннаго; содержаніе же поэзіи всегда облечено въ конкретные образы. Съ этой стороны философія относится къ поэзіи, какъ абстрактное къ конкретному. Правда, и философія, и поэзія идеализируютъ данную дѣйствительность; но тогда какъ философская идеализація осуществляется посредствомъ понятій, поэтическая идеализація даетъ типы. Философская концепція предметовъ схватываетъ между ними только общее; поэтическая концепція объединяетъ въ одномъ художественномъ образѣ всѣ характеристическія черты данныхъ объектовъ, хотя бы эти черты встрѣчались въ нихъ отдѣльно. Отсюда понятно, что поэзія по своей формѣ ближе стоитъ къ непосредственной дѣйствительности, чѣмъ философія. Вотъ почему всегда легче опредѣлить

связь между поэзією и данными условіями жизни, чѣмъ между философією и исторической обстановкой ея развитія. Каждое оригинальное поэтическое произведеніе почти во всѣхъ его подробностяхъ можетъ быть объяснено изъ физико-географическихъ, соціально-политическихъ и культурно-историческихъ условій, при которыхъ оно явилось. Возьмемъ для примѣра гомерическія поэмы. Прежде всего не трудно видѣть, почему этотъ первый памятникъ греческой поэзіи явился именно среди населенія Іонійскихъ колоній въ Малой Азіи. Прекрасный климатъ, выгодное географическое положеніе при морѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ наиболѣе промышленными странами, предприимчивый духъ жителей, все это соединилось, чтобы вызвать здѣсь процвѣтаніе промышленности и торговли, этихъ первыхъ условій матеріальнаго благосостоянія народа. Богатство, удобства обезпеченной жизни и являющійся отсюда досугъ для развитія высшихъ интеллектуальныхъ и эстетическихъ интересовъ, содѣйствовали тому, что эти колоніи достигли двѣтцаго культурнаго состоянія гораздо раньше своей метрополи. Греческая философія, поэзія и исторіографія родиною своею имѣютъ эти колоніи. Странствующие рапсоды, объединенные впоследствии въ личности слѣднаго Гомера, своими пѣснями удовлетворяли эстетическимъ потребностямъ націи. Въ этихъ пѣсняхъ съ большой полнотою и наглядностью отражаются природа и климатъ страны, море съ его бурями, подводными камнями и другими опасностями для мореплаванія, характеръ и нравы грековъ героическаго періода, ихъ религіозныя вѣрованія, ихъ государственный, общественный и домашній бытъ, съ мельчайшими подробностями, относящимися ко внѣшнему и внутреннему виду жилищъ, утвари, оружію, костюму и пр. Историки справедливо смотрятъ на гомерическія поэмы, какъ на лучшій документъ для изученія жизни грековъ въ тотъ отдаленный періодъ, который принято называть героическимъ. Вообще разсматриваемое произведеніе представляетъ продуктъ совокупнаго вліянія всѣхъ условій тогдашней жи-

зни на духовную дѣятельность его творцевъ. Тоже самое можно сказать и о каждомъ явленіи въ области литературы.

Стоя въ извѣстныхъ отношеніяхъ ко внѣшней природѣ и человѣческой культурѣ, явленія интеллектуальной жизни человѣчества въ то же время находятся въ близкомъ соотношеніи и тѣсной связи и между собою. Каждое интеллектуальное явленіе органически и генетически связывается съ цѣлою группою другихъ явленій того же рода. Какое бы мы ни взяли явленіе умственной жизни человѣка, мы увидимъ, что оно возникло изъ прежнихъ интеллектуальныхъ продуктовъ, что оно переплетено со множествомъ современныхъ ему интеллектуальныхъ явленій и вмѣстѣ съ этими послѣдними служитъ основаніемъ для послѣдующаго умственнаго развитія. Какъ предметъ, подлежащій развитію, умственная жизнь человѣка слѣдуетъ тѣмъ же общимъ законамъ, какіе усматриваются во всякомъ процессѣ развитія, именно законамъ дифференціаціи и интеграціи. Первый законъ состоитъ въ томъ, что развивающійся предметъ постоянно и постепенно расчленяется и осложняется, отъ простаго и однообразнаго переходитъ къ сложному и болѣе разнообразному состоянію. Второй же законъ состоитъ въ томъ, что осложненный и расчлененный путемъ дифференціаціи предметъ, по мѣрѣ этого осложненія, соединяетъ въ себѣ всѣ свои составныя части. Для поясненія процесса дифференціаціи въ исторіи умственнаго развитія, можно указать на слѣдующій примѣръ изъ исторіи литературы. Преданія и сказки, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, разбиваются на отрывки, которые при дальнѣйшемъ обращеніи въ народѣ дѣлятся на отдѣльныя, еще болѣе мелкія, части. Каждый, такимъ образомъ образовавшійся, отрывокъ древней саги получаетъ самостоятельное значеніе, дополняется разными подробностями и становится особенной сказкой. Отсюда получается множество варіантовъ одного и того же основнаго сюжета, каковы, на примѣръ, варіанты сказки о Лисѣ (Renard). Этому процессу распаденія одного

первоначальнаго сказанія на нѣсколько независимыхъ отрывковъ, варьирующихъ его на разные лады, противоположенъ другой процессъ—соединеніе сходныхъ преданій въ одну сагу, которая, поэтому, отличается своею сложностью и разнообразіемъ содержанія отъ тѣхъ простыхъ и не многосложныхъ элементовъ, изъ которыхъ она выработалась: это процессъ такъ называемой интеграціи. Древнѣйшіе литературные памятники, каковы, на примѣръ, индійскія Веды, представляютъ въ смѣшеніи всѣ роды и виды литературы: драму, эпосъ, лирику, гимны, элегіи и прочее. Въ послѣдующемъ развитіи литературы эти литературные роды и виды начинаютъ выдѣляться и получаютъ самостоятельное существованіе, какъ особыя формы литературнаго творчества. Въ то же время всѣ произведенія одного рода соединяются вмѣстѣ, какъ нѣчто цѣлое, отличное отъ другихъ литературныхъ родовъ и, наконецъ, вся совокупность литературныхъ произведеній интегрируется въ одно расчлененное цѣлое подъ общимъ названіемъ литературы. Законъ дифференціаціи и интеграціи, господствующій во всѣхъ процессахъ развитія, какъ во внѣшней природѣ, такъ и въ психической жизни человѣка, составляютъ общую черту сродства между той и другою сферами бытія. Но, кромѣ этой общей черты, можно указать много бросающихся въ глаза аналогій между интеллектуальными явленіями и явленіями, совершающимися во внѣшней природѣ, физическими, химическими и біологическими. Такъ, многіе факты умственной жизни человѣка сильно напоминаютъ собою явленія химическаго средства. Сюда относятся всѣ тѣ случаи, когда изъ различныхъ элементовъ составляется новое, отличное отъ нихъ образованіе; таковы всѣ ассоціаціи по сродству и всѣ сложные интеллектуальные продукты, примѣрами которыхъ могутъ служить іудейско-александрійская теософія, неоплатонизмъ, гностицизмъ и другія подобныя явленія, составляющія результатъ смѣшенія разнородныхъ элементовъ. Такія же аналогіи умственная жизнь представляетъ и съ физическими яв-

50761 ж

леніями. Подобно тому, какъ нѣкоторые тѣла находятся въ движеніи, а другіе въ покоѣ или равновѣсіи и состояніе первыхъ въ механикѣ называется динамическимъ, а вторыхъ статическимъ, такъ и въ умственной жизни человѣка—одни явленія подвержены измѣненію, другія же, напротивъ, остаются неизмѣнными, неподвижными; состояніе первыхъ можно назвать динамическимъ, а вторыхъ—статическимъ. Въ наукѣ о языкѣ статику звуковъ составляютъ звуковые законы и соотвѣтствія, проявляющіяся въ одинъ данный моментъ существованія языка, динамика же звуковъ имѣетъ дѣло съ фактами и законами, проявляющимися въ ходѣ развитія языка. Подобное различеніе можетъ имѣть мѣсто и въ исторіи литературы. Замѣтимъ вообще, что нѣкоторые термины, употребляемые въ естественныхъ наукахъ, полезно было бы ввести въ гуманитарныя науки, для выраженія тѣхъ понятій, для которыхъ въ этихъ наукахъ еще не выработано особыхъ терминовъ; при такомъ общемъ употребленіи нѣкоторыхъ терминовъ и въ наукахъ о природѣ, и въ наукахъ гуманитарныхъ, пропасть между тѣми и другими не казалась бы столь великой, какой многими она представляется. Напримѣръ, законъ борьбы за существованіе, терминъ, получившій со времени появленія теоріи Дарвина такое широкое употребленіе въ биологическихъ наукахъ, очень легко могъ бы быть примѣненъ и къ явленіямъ, рассматриваемымъ въ гуманитарныхъ наукахъ. Лингвисты, дѣйствительно, употребляютъ его, и не безъ успѣха, въ приложеніи къ наукѣ о языкѣ. Терминъ этотъ съ большимъ удобствомъ можно примѣнить къ явленіямъ интеллектуальнаго развитія вообще и въ частности къ фактамъ исторіи литературы. Исторія умственнаго развитія представляетъ много фактовъ, вполне подходящихъ подъ общую идею борьбы за существованіе. Сюда относятся всѣ тѣ случаи, когда два или нѣсколько мировоззрѣній или умственныхъ направленій борются между собою за преобладаніе въ обществѣ, не рѣдко даже за самое свое существованіе. Напримѣръ, укажемъ

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

0578684-

на борьбу христіанства въ древности съ языческою философіею и особенно съ неоплатонизмомъ, а въ новѣйшее время съ матеріализмомъ. Нашъ расколъ старообрядчества есть не что иное, какъ результатъ борьбы за существованіе старорусскаго обрядоваго благочестія съ новымъ направлениемъ церковной жизни. Въ исторіи литературы также не мало можно указать фактовъ, подходящихъ подъ законъ борьбы за существованіе. Характеромъ борьбы бываютъ особенно запечатлѣны такъ называемыя переходныя эпохи, когда происходитъ столкновение между старыми и новыми литературными началами. Такова борьба гуманизма съ схоластическою ученостью въ началѣ новаго времени и ложноклассическаго направленія съ ново-романтическимъ въ прошломъ столѣтіи.

Въ тѣсной связи съ закономъ борьбы за существованіе находится законъ приспособленія органической жизни къ окружающей средѣ. Законъ этотъ вполне примѣнимъ къ объясненію многихъ явленій въ области интеллектуальнаго развитія. Для доказательства этого положенія, обратимъ вниманіе на одно изъ самыхъ интересныхъ проявленій этого закона, изслѣдованное въ послѣднее время. Мы имѣемъ въ виду явленія мимитизма въ области органической жизни, съ особенною тщательностью наблюденныя и описанныя извѣстнымъ біологомъ Уоллесомъ. Явленія эти состоятъ въ томъ, что органическое существо, приспособляясь къ данной средѣ какъ бы подражаетъ ей (отсюда и названіе мимитизма отъ греч. глагола μιμῆσθαι—подражать). Напримеръ, многія насѣкомыя совершенно принимаютъ цвѣтъ тѣхъ древесныхъ листьевъ, на которыхъ они обыкновенно находятся. Это сходство въ цвѣтъ помогаетъ имъ скрываться отъ своихъ враговъ и такимъ образомъ служить прекраснымъ средствомъ въ борьбѣ за существованіе. Ящерицы принимаютъ цвѣтъ почвы или травы, гдѣ постоянно они находятся; то же самое замѣчается относительно лягушекъ и пр. Имѣютъ-ли мѣсто подобныя же явленія и въ области интеллектуальнаго развитія?

мы не колеблясь можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ положительно. Въ самомъ дѣлѣ, если, напримѣръ, іудейское богословіе, попавъ въ среду эллинской духовной культуры, принимаетъ въ себя многіе элементы эллинской образованности и облекается въ философскую форму платонизма, не имѣемъ ли мы права видѣть здѣсь проявленіе миметизма, т. е. одно изъ проявленій закона приспособленія, вызванное борьбою за существованіе? Не то-ли же самое случилось и съ современнымъ іудействомъ въ Германіи, гдѣ, какъ извѣстно, существовало особое направленіе раввинской учености, стремившееся объяснить іудейскую религію по началамъ гегеліанской философіи? Подобныхъ фактовъ не мало въ исторіи умственного развитія. Рядъ аналогій, представляемыхъ исторіею умственной жизни человѣчества, съ явленіями, происходящими во внѣшней природѣ, можно было бы продолжить далѣе, но и указанныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, что исторія интеллектуальнаго развитія допускаетъ такіа же обобщенія, какія дѣлаются въ наукахъ о природѣ, что явленія ея представляютъ порядокъ, правильность и закономерность, подобные тѣмъ, какіе замѣчаются въ явленіяхъ внѣшней природы, что поэтому интеллектуальныя явленія вполне доступны строго научному изслѣдованію. Слѣдовательно, исторія просвѣщенія можетъ быть такою же положительною наукою, какъ и науки о природѣ. Само собою разумѣется, что все сказанное объ исторіи просвѣщенія относится и къ частнымъ наукамъ, входящимъ въ ея составъ, т. е. къ исторіи литературы, науки, философіи, а равно (*mutatis mutandis*) и къ другимъ гуманитарнымъ наукамъ—къ исторіи морали, религіи, искусства, соціально-политической жизни и проч.

Такимъ образомъ, гуманитарныя науки по своему научному достоинству могутъ быть не ниже наукъ о природѣ. Правда, до сихъ поръ онѣ отставали отъ этихъ послѣднихъ въ положительности и общности своихъ выводовъ, но такова судьба всѣхъ наукъ, предметъ которыхъ отличается особенною сложностью. Чѣмъ сложнѣе

и разнообразіе явленія, изслѣдуемая въ извѣстной наукѣ, тѣмъ позднѣе эта наука возникаетъ и тѣмъ медленнѣе она доходитъ до болѣе или менѣе совершеннаго состоянія. Это положеніе вполнѣ подтверждается всею исторіею науки. Математика и астрономія, имѣющія дѣло съ наиболѣе простыми отношеніями, прежде другихъ наукъ достигли сравнительно высокой степени развитія. За ними слѣдовали физика, гораздо позднѣе химія и наконецъ біологическія науки. Чтò же касается до социальныхъ наукъ, то онѣ появились, какъ науки, только въ новѣйшее время. Нѣкоторыя отрасли гуманитарныхъ наукъ были разрабатываемы еще въ древности, на примѣръ, общая исторія человѣчества; но эта разработка не имѣла научнаго характера, а представляла только занимательные рассказы, да болѣе или менѣе остроумныя догадки и предположенія.

Исторія просвѣщенія, какъ наука, явилась только въ послѣднемъ столѣтіи. Причина такого поздняго явленія этой науки заключается въ томъ, что предметъ ея имѣетъ особенную сложность; какъ по своему происхожденію и характеру, такъ и по своимъ разнообразнымъ отношеніямъ къ физико-географическимъ, социально-политическимъ и культурно-историческимъ условіямъ своего развитія, явленія умственной жизни человѣчества представляютъ большія трудности для изслѣдователя, который долженъ выяснить и оцѣнить каждое изъ этихъ отношеній для того, чтобы представить въ надлежащемъ свѣтѣ то или другое изъ этихъ явленій. Вообще ни одна изъ наукъ о природѣ не имѣетъ дѣла съ такими многосложными и разнообразными объектами, какъ исторія просвѣщенія. Изъ всего этого понятно, почему исторія просвѣщенія находится не въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ науки о природѣ.

Хотя явленія умственной жизни человѣчества могутъ и должны быть предметомъ положительной науки, но методъ ихъ разработки не можетъ быть одинаковымъ съ методомъ наукъ о природѣ. Кромѣ своего особеннаго происхожденія и характера, обуславливающаго ихъ

крайнюю сложность, явленія умственной жизни человѣчества въ ея историческомъ движеніи отличаются отъ явленій виѣшней природы еще тою чертою, что они суть факты прошлаго. Строго говоря, терминъ: явленіе, не приложимъ къ исторіи просвѣщенія, какъ и къ исторіи вообще. Явленіемъ мы называемъ обыкновенно какую-нибудь перемѣну въ феноменальномъ бытіи, происходящую въ данное (настоящее) время. Перемѣну, происшедшую въ прошломъ, мы обыкновенно уже не называемъ явленіемъ, но фактомъ; на примѣръ, походъ Александра Македонскаго въ Индію теперь уже будетъ не явленіе, но фактъ. Исторія же имѣетъ дѣло съ явленіями, происходившими въ прошедшемъ; предметъ ея составляютъ факты прошлаго. Если мы называемъ историческія факты явленіями, то лишь потому, что мы не можемъ мыслить ихъ иначе, какъ представляя ихъ совершающимися, т. е. представляя ихъ въ формѣ явленій. Впрочемъ, предметомъ исторіи вообще и въ частности исторіи просвѣщенія отчасти служатъ и явленія, но не какъ перемѣны, происходящія предъ глазами изслѣдователя, а какъ факты опыта въ ихъ *statu quo*; таковы всѣ вещественные и письменные памятники прошедшей жизни. Всѣ эти памятники относятся къ человѣческой дѣятельности, ихъ произведшей, какъ явленія въ статическомъ состояніи къ явленіямъ въ состояніи динамическомъ.

Какъ историческая наука, исторія просвѣщенія должна быть разрабатываема историческимъ и методомъ. Въ основаніи этого метода лежитъ понятіе о развитіи, потому что всякая исторія представляетъ собою процессъ развитія. Въ чемъ долженъ состоять историческій методъ въ приложеніи къ разсматриваемой наукѣ, это можно выяснитъ на примѣръ исторической науки о литературѣ.

Литература есть особаго рода явленіе, развивающееся по извѣстнымъ законамъ изъ данныхъ свойствъ чувственно-разумной природы человѣка, подъ вліяніемъ различныхъ условій его жизни. При объясненіи какого-

нибудь явленія, прежде всего бываетъ необходимо опредѣлить ту среду, въ которой оно происходитъ. Той средой, въ которой развивается литература, служитъ жизнь человѣка, какъ разумнаго существа. Отсюда первый шагъ въ дѣлѣ научной разработки этого предмета долженъ состоять въ выясненіи антропологическихъ данныхъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторіи литературы. Здѣсь имѣются въ виду тѣ психо-физическія свойства, которыя лежатъ въ основѣ разумной жизни человѣка и которыми обусловливается дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ на психическую жизнь человѣка и воздѣйствіе со стороны послѣдней. Опредѣленіе этихъ психо-физическихъ данныхъ приведетъ изслѣдователя къ раскрытію генезиса языка, какъ главнѣйшаго выраженія психической жизни человѣка. Неразрывно съ вопросомъ о происхожденіи языка связывается вопросъ о первыхъ произведеніяхъ словесности, какими у всѣхъ культурныхъ и некультурныхъ народовъ являются прежде всего самъ языкъ и, въ тѣсной связи съ нимъ, мифическія представленія. Безъ надлежащаго выясненія происхожденія языка и мифологии нельзя правильно понимать исторію словесности, потому что первый служитъ матеріаломъ и вмѣстѣ орудіемъ словесности, а послѣдняя однимъ изъ существенныхъ элементовъ ея содержанія въ извѣстный періодъ. Поэтому, къ упомянутымъ выше антропологическимъ даннымъ должны присоединяться въкоторыя данныя изъ лингвистики и сравнительной мифологии, необходимыя для правильнаго пониманія историческаго хода словесности. Изложеніе всѣхъ этихъ данныхъ, насколько оно необходимо для пониманія изслѣдуемаго предмета, составляетъ общее генетическое введеніе въ историческую науку о литературѣ. Въ концѣ этого введенія изслѣдователь приходитъ къ вопросу объ обозначеніи человѣческаго слова съ помощью условныхъ знаковъ, т. е. къ вопросу о происхожденіи письма. Изобрѣтеніе письма представляетъ первый моментъ въ исторіи литературы, какъ совокупности письменныхъ произведеній. Поэтому, исторія ли-

тературы начинается собственно съ раскрытія генезиса письма. Этотъ вопросъ составляетъ предметъ той части исторіи литературы, которую, пользуясь терминомъ естественныхъ наукъ, можно назвать эмбриологіею письменности. Въ этой части должны быть выяснены антропологическія и соціально-историческія условія происхожденія письма. Въ частности, должны быть раскрыты тѣ потребности, которыми было вызвано изобрѣтеніе письма, и тѣ цѣли, для которыхъ первоначально употреблялось послѣднее, должно быть обращено вниманіе на тѣ соціальныя группы и классы, которымъ принадлежала инициатива и функционирующая главная роль въ изобрѣтеніи и первоначальномъ употребленіи письма (жреческія корпораціи, административныя и коммерческія слои общества и проч.), должны быть опредѣлены физико-географическія и бытовыя условія, при какихъ первоначально развивалось письмо и, наконецъ, должны быть указаны элементы и первоначальныя формы письма у разныхъ народовъ. Послѣ раскрытія происхожденія письменности, изслѣдователю остается перейти къ разсмотрѣнію памятниковъ ея, но прежде онъ долженъ намѣтить порядокъ, въ которомъ долженъ быть излагаемъ историко-литературный матеріалъ. Распредѣленіе историко-литературнаго матеріала по извѣстнымъ группамъ имѣетъ такое же значеніе, какое въ естественныхъ наукахъ имѣетъ классификація. Эту часть науки можно назвать систематикой историко-литературнаго матеріала. Систематика исторической науки о литературѣ не тождественна съ систематикой теоріи литературы. Въ этой послѣдней наукѣ произведенія литературы раздѣляются на роды, виды и разновидности по особенностямъ ихъ содержанія и формы; въ исторіи же литературы распредѣленіе ихъ имѣетъ историческій характеръ и основывается на географическихъ, этнографическихъ и хронологическихъ отношеніяхъ. Такъ какъ литературныя произведенія тѣсно связаны съ языками, на которыхъ они написаны, то въ распредѣленіи историко-литературнаго матеріала удобнѣе всего слѣдовать класси-

фикаціи самихъ языковъ. Въ современной лингвистикѣ принято раздѣленіе языковъ по генеалогическому типу, по которому всѣ языки раздѣляются на семь группъ: 1) аріо-европейскую, 2) семитическую, 3) хамитическую, 4) финско-татарскую, или урало-алтайскую, 5) дравидійскую, или деканскую, 6) полинезійскую и 7) южно-африканскую *). Литература существуетъ не на всѣхъ этихъ языкахъ, но, главнымъ образомъ, на языкахъ, принадлежащихъ къ двумъ первымъ группамъ и отчасти двумъ слѣдующимъ. Аріо-европейская группа языковъ состоитъ изъ слѣдующихъ идиомовъ: индійскаго, персидскаго, греческаго, латинскаго, кельтскаго, германскаго, литовскаго и славянскаго. Литература существуетъ также не на всѣхъ этихъ языкахъ. На литовскомъ языкѣ вовсе не сохранилось памятниковъ письменности; памятниками же кельтской письменности служатъ только такъ называемыя руническія надписи на камняхъ, найденныя во Франціи и Англій. Семитическая группа состоитъ изъ языковъ: финикійскаго, еврейскаго, сиро-халдейскаго и арабскаго. Финикійскій языкъ до настоящаго времени совсѣмъ не сохранился; существуетъ только мифіе, что первыя письмены были изобрѣтены для этого языка; но всего вѣроятнѣе, что они появились одновременно въ нѣсколькихъ странахъ. На остальныхъ семитическихъ языкахъ существуютъ болѣе или менѣе обширныя литературы. Руководствуясь генетической классификаціей языковъ, изслѣдователь исторіи литературы можетъ и долженъ принимать во вниманіе также хронологическія данныя, какъ руководительныя начала для распредѣленія историко-литературнаго матеріала. На основаніи хронологическихъ данныхъ изложеніе исторіи семитическихъ литературъ должно предшествовать изложенію исторіи аріо-европейскихъ литературъ, такъ какъ развитіе первыхъ началось раньше послѣднихъ. Такимъ образомъ, систематика историко ли-

*) П. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ. Ж. М. Н. П. 1871 г. февраль.

литературнаго матеріала служить непосредственнымъ введеніемъ въ изложеніе частныхъ литературъ, которое составляетъ предметъ особой части исторической науки о литературѣ, именно прагматической исторіи частныхъ литературъ. Къ этой части науки собственно и прилагается историческій методъ изслѣдованія. Исходнымъ началомъ этого метода, какъ сказано выше, служитъ понятіе развитія. Изложеніе историко-литературнаго матеріала должно имѣть такой характеръ, чтобы всѣ разсматриваемыя явленія находились между собою во внутренней органической связи и въ своей совокупности составляли одинъ процессъ развитія. Этимъ требованіемъ уже опредѣляется другое руководительное начало историческаго метода, именно принципъ этиологическій, состоящій въ томъ, что для каждаго явленія должна быть указана извѣстная причина. Напротивъ, телеологическому принципу должно быть даваемо какъ можно меньше значенія, потому что съ субъективной точки зрѣнія можно навязать историческому ходу литературы такія цѣли, какія въ немъ вовсе не преслѣдовались. Правда, литература, какъ явленіе, развивающееся въ области разумной жизни человѣка, есть дѣло въ одно и то же время и свободы, и необходимости, но самая свобода человѣка состоитъ не въ произволѣ, а въ выборѣ между различными мотивами. Эти мотивы и отношеніе къ нимъ человѣка служатъ причинами человѣческихъ дѣйствій. Поэтому, признавая, что каждое литературное явленіе обусловливается извѣстными причинами, мы вовсе не отрицаемъ участія свободной воли человѣка въ ходѣ развитія литературы. Говорятъ, что человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдуетъ извѣстныя цѣли; но то, что съ субъективной стороны представляется, какъ цѣль, съ объективной стороны оказывается причиной. Въ наукѣ, для избѣжанія сбивчивости понятій, проистекающей отъ того, что одно и то же обстоятельство опредѣляется то какъ цѣль, то какъ причина, лучше держаться одного уже принципа—этиологическаго.

Каждое явленіе въ исторіи литературы, стоя въ извѣстной причинной связи съ цѣлою группою явленій того же рода, вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени зависитъ отъ той среды, въ которой оно развивается. Подъ этой средой разумѣются природа и исторія, опредѣляющія собою ходъ развитія литературы. Отсюда вытекаетъ третье руководительное начало историко-литературнаго метода: изслѣдователь всегда долженъ ясно представлять себѣ тѣ физико-географическія, социальнополитическія и другія культурно-историческія условія, среди и подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ развитіе литературы даннаго народа. Впрочемъ, въ исторіи литературы есть много такихъ фактовъ, которые не могутъ быть объяснены ни изъ хода развитія литературы извѣстнаго народа, ни изъ различныхъ условій жизни этого народа. Такіе факты могутъ быть объяснены только при ближайшемъ знакомствѣ съ литературами другихъ народовъ, которыя часто вліяютъ одна на другую путемъ перехода литературныхъ произведеній отъ одного народа къ другому и путемъ подражанія. Такимъ образомъ, чисто историческій методъ оказывается недостаточнымъ для объясненія всѣхъ литературныхъ фактовъ, но является еще необходимостью сравнивать между собою литературы разныхъ народовъ. На этомъ основывается употребленіе сравнительнаго метода въ современной исторической наукѣ о литературѣ. Въ новѣйшее время сравнительный методъ начали прилагать съ большимъ усиліемъ къ различнымъ наукамъ о природѣ; явились сравнительная анатомія и сравнительная физиологія. Затѣмъ методъ этотъ былъ примѣненъ къ нѣкоторымъ гуманитарнымъ наукамъ, и всѣмъ извѣстно, къ какимъ блестящимъ результатамъ привелъ онъ въ наукахъ о языкѣ и мифологіи. Важность и плодотворность этого метода заключается въ томъ, что онъ содѣйствуетъ раскрытію общихъ законовъ и типовъ развитія изслѣдуемыхъ явленій. Въ исторіи литературы сравнительный методъ, давая возможность объяснить такіе факты, для объясненія которыхъ оказывается недостаточнымъ чисто исто-

рической методъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ и въ другихъ наукахъ, приводитъ къ открытію общихъ основныхъ законовъ и формъ развитія литературы. Сравнивая между собою литературы разныхъ народовъ въ ихъ историческомъ развитіи, изслѣдователь замѣчаетъ многія общія черты, принадлежащія всѣмъ литературамъ, отдѣляетъ эти черты отъ особенностей литературнаго развитія, опредѣляемыхъ національными и мѣстными условіями жизни каждаго народа и заключаетъ ихъ въ опредѣленные общія формулы. На основаніи такихъ обобщеній и выводовъ, добытыхъ путемъ сравненія различныхъ частныхъ литературъ въ ихъ историческомъ развитіи, можетъ быть построена философія исторіи литературы. Въ этой части исторической науки о литературѣ должны быть раскрыты общіе историко-психологическіе законы и основные типы литературнаго развитія, по которымъ можетъ быть построена теорія всего процесса развитія литературы, какъ особаго явленія въ жизни человѣчества. Здѣсь же должно быть указано значеніе литературы въ социальной и личной жизни и должны быть опредѣлены ея отношенія къ другимъ высшимъ проявленіямъ разумной жизни человѣчества: наукѣ, философій, религій, морали, праву, воспитанію и пр. Такимъ образомъ, въ планъ исторической науки о литературѣ должны входить слѣдующія части: 1) общее генетическое введеніе, излагающее нѣкоторыя данныя изъ антропологии, лингвистики и сравнительной мифологій, необходимыя для пониманія процесса развитія словесности и литературы; здѣсь же разсматривается эмбриональный процессъ литературы и дѣлается систематика историко-литературнаго матеріала; 2) прагматическая исторія частныхъ литературъ и 3) философія исторіи литературы. Этимъ планомъ опредѣляются особенности метода изслѣдованія въ приложеніи къ различнымъ частямъ исторической науки о литературѣ. Первая часть составляется отчасти на основаніи данныхъ изъ другихъ наукъ, и потому методъ ея долженъ быть сообразенъ съ этими науками, но литературная эмбриологія должна быть разрабатываема специаль-

нымъ историко-психологическимъ методомъ, хотя въ ней большое значеніе имѣеть и сравнительный методъ. Вторая часть разрабатывается сравнительно-историческимъ методомъ. Наконецъ, третья часть построится при помощи дедуктивнаго метода, такъ какъ въ ней излагаются выводы и обобщенія того, что изложено въ предшествующихъ частяхъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о практическомъ значеніи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности. Говорятъ, что эти науки вовсе не приложимы къ жизни человѣка, слѣдовательно не имѣютъ никакого пракческаго значенія. Для того, чтобы опредѣлить, насколько справедливъ этотъ взглядъ, нужно напередъ согласиться относительно того, какъ понимать самую жизнь человѣка. Если подъ жизнью человѣка разумѣть только внѣшнія, физическія отправленія и физическое его развитіе, то нужно сказать: да, исторія просвѣщенія и исторія литературы, вмѣстѣ со всѣми гуманитарными науками, не имѣютъ никакого пракческаго значенія, потому что прямо и непосредственно эти науки не могутъ содѣйствовать матеріальному прогрессу человѣчества, подобно наукамъ о природѣ, въ особенности подобно физикѣ, химіи и біологіи, съ ихъ прикладными науками (технологія, медицина и пр.). Но если подъ жизнью человѣка разумѣть, кромѣ физическихъ отправленій его организма, еще проявленія психической жизни, тогда вопросъ получаетъ другое рѣшеніе. Психическая жизнь человѣка также имѣеть свои отправленія и свои потребности, и эти потребности также требуютъ себѣ удовлетворенія, какъ и потребности физическаго организма. Мы не будемъ здѣсь говорить о томъ, какое глубоко-образовательное и развивающее значеніе имѣеть изученіе исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ частности; не будемъ также указывать на то, что изученіе произведеній литературы, а слѣдовательно и исторіи литературы, оказываетъ моральное, облагораживающее вліяніе на жизнь человѣка. Здѣсь достаточно указать на то, что если въ

разумной жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ имѣютъ какое-нибудь значеніе идеалы и вообще высшія, истинно-гуманныя начала жизни и дѣятельности, то исторія просвѣщенія и, въ частности, исторія литературы—науки вовсе не безполезныя для самой практической жизни. Въ этихъ наукахъ и особенно въ исторіи литературы раскрывается развитіе идеаловъ человечества въ разныя эпохи его исторической жизни, равнымъ образомъ раскрывается развитіе высшихъ, истинно-гуманныхъ проявленій человеческой природы. Для яснаго сознанія и вѣрной оцѣнки идеаловъ и вообще высшихъ принциповъ человеческой жизни, господствующихъ въ данное время и въ данномъ обществѣ, исторія ихъ представляетъ самое лучшее пособіе. Кромѣ того, выводы исторіи просвѣщенія и, въ частности, исторіи литературы могутъ имѣть немаловажное значеніе при рѣшеніи вопросовъ философскихъ, религіозныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ.

В. Плотниковъ.

разумной жизни отрываясь от природы и общества, ищет какое-нибудь сверхъестественное начало, к которому возлагает все свои надежды. В истории философии и в истории культуры — наука вовсе безразлична для самой природы вещей. В этих науках и особенно в истории культуры расширяется значение идеологии, которая не столько является частью истории жизни, сколько является ее историческим содержанием. В истории культуры расширяется значение идеологии, которая не столько является частью истории жизни, сколько является ее историческим содержанием. В истории культуры расширяется значение идеологии, которая не столько является частью истории жизни, сколько является ее историческим содержанием.

В. Платонов

В. Платонов, философ, историк философии, автор ряда трудов по истории философии и культуры. Его работы посвящены анализу философских систем и их историческому развитию. Платонов подчеркивает роль философии в формировании культуры и общества. Он рассматривает философию как процесс, который постоянно развивается и изменяется. В своих работах Платонов обращает внимание на то, как философия взаимодействует с другими областями знания, такими как искусство, литература и наука. Он также исследует влияние философии на политическую жизнь и общественные отношения. Платонов считает, что философия должна быть не только теоретическим занятием, но и практическим делом, направленным на улучшение человеческого бытия.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УЛУЧШЕНИИ ПРЕПОДАВАНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПИСЬМЕННЫМИ УПРАЖНЕНІЯМИ.

III.

«Человѣкъ учится не столько говорить, сколько понимать».

Steinthal:

«Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft». 2 Aufl. Berlin. 1881. s. 84.

Указавъ идеаль преподаванія русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ, переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ частныхъ средствъ, которыми, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, можно было хотя бы въ самой незначительной степени содѣйствовать осуществленію этого идеала.

Первое письменное упражненіе не исключительно грамматическаго характера, которое обыкновенно даютъ ученикамъ младшихъ классовъ нашихъ гимназій—это пересказъ или простое воспроизведеніе прочитанныхъ легкихъ статей повѣствовательнаго содержанія. Это упражненіе считается наиболее легкимъ, а между тѣмъ оно на ряду съ писаньемъ выученнаго наизусть, должно, какъ думаютъ, путемъ подражанія, или вѣрнѣе заповинданія, выработать въ ученикѣ технику и даже изящество рѣчи вмѣстѣ съ умѣньемъ развивать и располагать мысли въ логической послѣдовательности. Упражненіе этого рода, заставляя говорить ученика не своимъ, еще неразвитымъ, языкомъ, а языкомъ образцоваго писателя, должно приучить воспитанника выражаться болѣе или менѣе образцово ⁴³⁾. Но едва-ли это такъ. Не говоря уже о теоретической сомнительности этого положенія, указанной нами выше, достаточно попрактиковать эти пересказы, чтобы заподозрить и легкость, и цѣлесообразность этихъ упражненій. Въ самомъ дѣлѣ, учитель прочитываетъ ученикамъ извѣстную легонькую, удобопонятную статейку повѣствовательнаго содержанія—прочитываетъ ее разъ, прочитываетъ—два, заставляетъ одного—другаго уче-

⁴³⁾ Ояириовскій: «О курсѣ чтенія въ четырехъ нижнихъ классахъ гимназій». С.-Петербург. 1883 г., стр. 39.

ника устно пересказать прочитанное. Это многократное повтореніе данной статьи, эти поправки, которыя дѣлаетъ учитель въ устномъ пересказѣ учениковъ, приближая его, какъ можно болѣе, къ прочитанному тексту— все это убѣждаетъ учениковъ въ томъ, что отъ нихъ желаютъ слышать не ихъ, а чужія слова, которыя они, стало быть, должны запомнить, какъ можно лучше. И вотъ мальчики, и безъ того всегда охотнѣе работающіе памятью, чѣмъ соображеніемъ—окончательно сосредоточиваются на запоминаніи прочитанныхъ имъ словъ. Но такъ какъ это запоминаніе не должно быть заучиваніемъ статьи наизусть, то оно касается лишь большинства, а не всѣхъ словъ. Все, что требуетъ въ статьѣ запоминанія, всѣ мелочи, подробности разсказа запоминаются учениками съ особенною ревностью; надъ этими-то мелочами они особенно и поработали, онѣ—то для нихъ и цѣнны—а все, что требуетъ больше соображенія, чѣмъ запоминанія, отступаетъ въ данномъ случаѣ для учениковъ на второй планъ. Ходъ и связь мыслей прочитанной статьи наименѣе усваиваются учениками, потому что они наиболѣе требуютъ размышленій, независимыхъ отъ усилій запомнить словесныя выраженія этихъ мыслей. Требуя прежде всего воспроизведенія словесныхъ выраженій прочитаннаго разсказа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усвоенія хода его мыслей, учитель русскаго языка поступаетъ подобно тому, какъ поступилъ бы учитель ариѳметики, заставляя учениковъ непременно держать въ памяти, а не записывать условія данной имъ задачи. Развѣ это усиліе запомнить задачу не затрудняло бы совершенно бесполезно для ученика ходъ рѣшенія этой задачи?! Усложняя такимъ образомъ совершенно безцѣльно ученическую работу, учитель рискуетъ встрѣтить со стороны ученика ту именно тупую дѣнь и пассивность которая, по словамъ Спенсера, потребуетъ обильныхъ и постоянныхъ разъясненій учителя. Но какъ бы учитель ни бился, ни разъяснялъ зависимость мыслей прочтенной статьи, какими бы наводящими вопросами онъ ни закидывалъ учениковъ—все это будетъ той хлопотливой

вредною услужливостью, о которой было говорено выше; все это будетъ сказано или подсказано ученику, а не добыто и открыто имъ самимъ; вслѣдствіе этого и не будетъ имѣть для него той цѣнности, которую должно было бы имѣть: все это окажется для него важнымъ только съ формальной стороны, онъ будетъ во всемъ этомъ ловить только одни слова и слова, а самый процессъ размышленія надъ взаимнымъ отношеніемъ мыслей прочитаннаго разсказа, такъ сказать, живое ощущеніе этого процесса—совершенно ускользнетъ отъ ученика, потому что учитель своими наводящими вопросами ослабилъ, механизировалъ и замаскировалъ этотъ процессъ до неузнаваемости. Требованіе, чтобы ученикъ запомнилъ извѣстныя словесныя выраженія для изложенія извѣстнаго хода мыслей—врядъ ли соотвѣтствуютъ дѣйствительному отношенію слова и связаннаго съ нимъ значенія. «Новорожденное дитя, замѣчаетъ Прейеръ⁴⁴⁾, приноситъ съ собою въ міръ скорѣе разумъ, чѣмъ даръ слова; не языкъ произвелъ разумъ, а разумъ открылъ (erfand) языкъ. Правда, безъ слышимаго слова ребенокъ во множествѣ случаевъ не образовалъ бы себѣ новыхъ представленій, а удовольствовался бы уже имѣющимися—такъ онъ не употреблялъ бы, напр., мѣстоименій, имѣя возможность обходиться собственными именами, но при всемъ томъ слово не дастъ ребенку представленія, а только намекаетъ ему на то, что другой человекъ имѣетъ какое-то представленіе, которое и ребенокъ можетъ и даже долженъ образовать самъ; такимъ образомъ соотвѣтствующее данному слову представленіе или значеніе создается самимъ ребенкомъ.⁴⁵⁾ Такъ какъ

⁴⁴⁾ Preyer: «Die Seele des Kindes». 2-te Aufl. Leipzig. 1884. s. 280.

⁴⁵⁾ Lazarus: «Das Leben der Seele». Berlin 1856. II, 136—7. Этотъ процессъ походить на астрономическое открытіе какой-нибудь звѣзды, которая еще не найдена, но существованіе которой уже предполагается наукой: только звѣзда для астронома нѣчто внѣшне-данное, а значеніе слова для ребенка нѣчто имъ же самимъ создаваемое. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что вновь составленное представленіе не всегда совершенно и правильно. Пояснимъ примѣромъ. Ребенокъ слышитъ слово «печь»; онъ никогда не видалъ, какъ цукать

эта работа производится собственными духовными силами ребенка, то естественно, что результаты ея не могут равняться по своимъ достоинствамъ съ подобною же работою чловѣка взрослого: воспитанникъ далеко не соединить того значенія съ отдѣльными словами, выраженіями и связями словесныхъ выраженій прослушаннаго имъ разсказа, который соединяетъ со всѣмъ этимъ авторъ прочитанной статьи. Правда, самымъ выборомъ читаемаго повѣствованія, наводящими и разъясняющими вопросами учителя—разница умственнаго развитія воспитанника и автора прочитанной статьи до нѣкоторой степени сглаживается, но все-таки должна оказаться больше, чѣмъ между умственнымъ развитіемъ того же автора и въ томъ же случаѣ отъ развитія, положимъ, его литературнаго критика или образованнаго взрослого читателя, а между тѣмъ никто не вздумаетъ отъ пересказа этихъ послѣднихъ требовать почти буквального воспроизведенія даннаго разсказа, хотя бы этотъ разсказъ отличался совершенствомъ своей словесной формы, какъ по точности и мѣткости, такъ и по изяществу выраженій. Стать на точку зрѣнія автора образцоваго произведенія, заговорить его языкомъ не по одной памяти и механическому навыку, а сознательно—дѣло, если до нѣкоторой степени и возможное, то во всякомъ случаѣ далеко не легкое и требующее проникновенія въ духъ автора—чего отъ ребенка ни ждать, ни тѣмъ болѣе требовать, нельзя. Требуя, чтобы уче-

что-нибудь, такимъ образомъ то представленіе или значеніе, которое онъ слышитъ въ данномъ случаѣ со словомъ «печь»—не могутъ быть взяты имъ изъ непосредственнаго воззрѣнія. Но онъ слышитъ, что булки, крендели и многое другое, ему извѣстное—пекутъ. Представленія, связанныя съ этими словами и даютъ нѣкоторое значеніе вновь услышанному слову «печь». Это значеніе на первый разъ будетъ, конечно, очень темно, такъ что для ребенка предложеніе «хлѣбъ испеченъ» будетъ первоначально обозначать, къ примѣру, хлѣбъ приготовленъ. Ясно, что вновь составленное въ головѣ ребенка представленіе соединяемое имъ съ услышаннымъ впервые словомъ въ большей части своего содержанія зависитъ отъ имѣвшихся уже представленій, изъ которыхъ нѣкоторыя входятъ теперь въ своеобразную, новую комбинацію, причемъ эта вновь созданная комбинація до нѣкоторой степени можетъ видоизмѣнить тѣ или другія изъ бывшихъ прежде комбинацій представленій.

нигъ воспроизвелъ прочитанную статью какъ можно ближе къ словеснымъ выраженіямъ подлинника, мы приучаемъ воспитанника говорить чужими словами, не связывая съ ними тѣхъ чужихъ мыслей, для выраженія которыхъ они высказаны. Ясно, что такого рода воспроизведеніе не только не приучаетъ мальчика выражаться языкомъ точнымъ, правильнымъ и яснымъ, но какъ разъ обратно заставляетъ его выражаться неопредѣленно и неточно, потому что эти качества зависятъ именно отъ несоотвѣтствія значенія съ выражающимъ его словомъ. Правда, безъ того, чтобы запомнить слово, невозможно имѣть его значенія, такимъ образомъ нельзя не желать, чтобы ученикъ запомнилъ слова и выраженія прочитаннаго ему образцоваго произведенія; но запомнить ихъ онъ можетъ или какъ нѣчто данное, или какъ нѣчто искомое, все равно какъ ходъ какойнибудь математической задачи можно запомнить, просматривая эту задачу уже сдѣланною къмъ либо, готовою, а можно запомнить, или вѣрнѣе усвоить ея ходъ, продѣлывая ее самому. Очевидно, что послѣдній способъ запоминанія естественнѣе и надежнѣе.

Изъ сказаннаго ясно, что первымъ письменнымъ упражненіемъ учениковъ, имѣющимъ цѣлью научить ихъ правильно, точно и ясно выражаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ не теряющимъ изъ виду обогащеніе ихъ новыми словами и выраженіями—долженъ быть не пересказъ прочитаннаго и не буквальное по возможности воспроизведеніе слышаннаго, а такое упражненіе, которое, давая ученикамъ извѣстныя слова и выраженія дѣлало бы ихъ условіями произведенія того именно смысла и тѣхъ самыхъ связей мыслей, которыя соединены съ ними какимъ-нибудь образцовымъ писателемъ. Условія такого произведенія образца могутъ, разумѣется, быть до безконечности разнообразны: количество и постепенность усложненія ихъ будетъ всегда зависѣть отъ педагогическаго такта и умѣнья преподавателя, но типъ этого рода упражненія долженъ бы составить нѣчто настолько постоянное въ новой системѣ пись-

менныхъ ученическихъ работъ, насколько въ существующей системѣ постоянно и характерно воспроизведеніе прочитаннаго. Предлагаемый типъ письменныхъ упражненій рассчитываетъ въ элементарныхъ своихъ формахъ на большее равновѣсіе продуктивной дѣятельности ученика съ репродуктивной его дѣятельностью, а на высшихъ ступеняхъ своего развитія предоставляетъ большій просторъ продуктивной дѣятельности, сравнительно съ тѣмъ, что даетъ существующій типъ упражненій. Я бы думалъ организовать первое упражненіе такого типа слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ учениковъ вызываетъ къ доскѣ, а всѣ остальные пишутъ въ своихъ тетрадяхъ диктуемая учителемъ за извѣстными №№ фразы, которыя, будучи надлежащимъ образомъ потомъ подобраны—составятъ цѣльную связную статью. Положимъ, что учитель диктуетъ три первыя строфы стихотворенія Плещеева: «Изъ жизни», но диктуетъ фразы не въ естественномъ ихъ порядкѣ, а перемѣшавъ, ну хоть такъ: 1) Вотъ у крыльца, хвостомъ виляя, встрѣчаетъ ихъ мохнатый песь. 2) «Пришли, небось ужъ захотѣлось покушать птенчикамъ моимъ». 3) Они погладили барбоску. 4) Стучатся въ двери. 5) Изъ школы дѣтки воротились. 6) Онъ нѣжно ихъ лизнулъ въ лицо. 7) Отворяетъ съ улыбкой доброй няня имъ. 8) И съ звонкимъ хохотомъ вбѣжали малютки живо на крыльцо. 9) Какъ разрумянилъ ихъ морозъ. Когда орфографическія ошибки поправлены какъ въ написанномъ на доскѣ, такъ и въ тетрадяхъ, учитель заставляетъ учениковъ подобрать продиктованныя фразы такъ, чтобы онѣ составили одинъ связный рассказъ. Ученики внимательно перечитываютъ все ими записанное и пишутъ №№ фразъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, эти фразы должны слѣдовать одна за другою. Въ приведенномъ выше примѣрѣ ученикъ, вѣрно подобравшій—запишетъ сталобыть №№ фразъ въ такомъ порядкѣ: 5, 9, 1, 3, 6, 8, 4, 7, 2. Отчасти для провѣрки своей работы, отчасти же для упражненія въ правописаніи и лучшаго запоминанія данныхъ словъ и выраженій ученикъ, подобравшій про-

диктованныя фразы и обозначившій указаннымъ способомъ ихъ послѣдовательность—долженъ переписать весь рассказъ уже въ связномъ и цѣльномъ, по его мнѣнію видѣ. Когда эта работа окончена всѣми учениками, а это бываетъ приблизительно въ одно время—учитель, разлиневавъ въ клѣтки чистую сторону доски, пишетъ въ первой вертикальной клѣткѣ сокращенныя фамиліи учениковъ, а въ горизонтальныхъ отмѣчаетъ соответствующими №№ порядокъ данныхъ фразъ, найденный каждымъ ученикомъ. Чѣмъ хуже удалась ученикамъ работа, тѣмъ больше, конечно, можетъ оказаться разногласія между ними относительно порядка данныхъ фразъ. Въ нашемъ примѣрѣ при самомъ худомъ результатѣ ученической работы, учитель отмѣтитъ на доскѣ, на примѣръ, такъ:

Фам. уч.	№№ подобранныхъ фразъ.								
А.	5	9	1	3	6	8	4	7	2
Б.	9	1	5	8	3	4	6	2	7
В.	1	3	9	5	2	6	4	7	8
Г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Д.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Е.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
З.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
И.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
К.	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Когда составлена такая таблица, можно заставить прочесть первую фразу того ученика, у котораго она указана вѣрно, затѣмъ читаетъ одинъ изъ учениковъ, указавшихъ ее невѣрно; происходитъ разъясненіе, почему именно нужно начать съ такой то фразы, а не съ такой, предлагается тѣмъ, которые невѣрно указали первую фразу, подумать не произойдетъ ли какого нибудь измѣненія въ указанномъ ими порядкѣ остальныхъ

фразъ; когда извѣстна уже первая фраза, всѣ указанныя измѣненія занести на доску и приступить такимъ же порядкомъ къ чтенію и опредѣленію второй фразы и т. д. до тѣхъ поръ, пока всѣ данныя фразы не будутъ подобраны. Въ концѣ концовъ ученики прискиваютъ статью заглавіе. Если упражненіе вообще не удалось, къ слѣдующему уроку, въ случаѣ недостатка времени еще въ текущемъ урокѣ, можно задать переписать данную статью въ ея цѣльномъ и правильномъ видѣ. Упражненія, подобныя только что изложенному, я пробовалъ давать ученикамъ втораго класса въ первое учебное полугодіе—и нужно сказать, что оно въ большинствѣ случаевъ удавалось совершенно: ученики дѣлали подборъ фразъ съ удовольствіемъ, довольно скоро и очень удовлетворительно, такъ какъ подобная работа интересуетъ ихъ. Судя по ихъ вопросамъ, мнѣ видно было, что они стараются вникнуть въ смыслъ отдельныхъ словъ и выраженій, при чтеніи подобранныхъ фразъ въ нихъ сказывается желаніе отстоять, обосновать тотъ именно порядокъ, который они нашли. Заключая въ себѣ и списыванье, и диктантъ и отчасти даже заучиванье наизусть, означенное упражненіе главнымъ образомъ полезно, на мой взглядъ, тѣмъ что оно вызываетъ умственную дѣятельность ученика, даетъ ему возможность быть судьей въ своей работѣ и развиваетъ этимъ въ извѣстной мѣрѣ его мышленіе, да притомъ, что очень важно, мышленіе не съ формальной его стороны, а мышленіе, какъ выражается Срезневскій, опредѣленное, т. е. словами. Подбирая фразы, ученикъ много разъ прочитываетъ ихъ со вниманіемъ, вдумывается въ значеніе словъ и выраженій, судить и находить зависимость мыслей и послѣдовательность словесныхъ выраженій этихъ мыслей. Само собой разумѣется, что, какъ уже было сказано выше, степень легкости или трудности упражненій этого типа можно понимать и видоизмѣнять самымъ различнымъ образомъ. Я бы съ своей стороны предложилъ слѣдующія группы письменныхъ упражненій:

I. Подборъ данныхъ фразъ.

1) Въ простыхъ и сложныхъ статьяxъ, т. е. въ статьяxъ не распающихся и распающихся на самостоятельныя части.

2) Подборъ фразъ, соединенныхъ между собой: а) непосредственно, б) посредственно. Посредственнымъ соединеніемъ я называю связь фразъ, рядомъ, непосредственно зависящихъ другъ отъ друга.

3) Въ статьяxъ: а) повѣствовательныхъ, б) описательныхъ и с) въ разсужденіяхъ, понимая подъ этими послѣдними сочиненія, указывающія на взаимную зависимость данныхъ мыслей.

4) а) Въ мѣрной рѣчи: а) въ рифмованныхъ, б) въ бѣлыхъ стихахъ; б) въ нестихотворной (прозаической) рѣчи.

5) Въ рѣчи, состоящей изъ: а) простыхъ предложеній, б) изъ сложныхъ предложеній.

6) Въ рѣчи: а) съ грамматически выраженной и б) съ грамматически невыраженной связью предложеній.

II. Подборъ и восполненіе фразъ.

1) Простыхъ и сложныхъ статей.

2) Фразъ непосредственно и посредственно связанныхъ.

3) Повѣствованій, описаній и разсужденій.

4) Простыхъ и сложныхъ предложеній.

5) Грамматически соединенныхъ и несоединенныхъ.

Число и трудность пропускаемыхъ фразъ, отъ которыхъ зависятъ или которыя сами зависятъ отъ тѣхъ или другихъ изъ данныхъ наличныхъ фразъ все увеличивается, такъ что ученики постепенно приготавливаются восполнять (изобрѣтать) цѣлое сочиненіе по данному плану, въ которомъ намѣчены лишь существеннѣйшіе моменты въ развитіи темы. Этимъ они переходятъ къ упражненіямъ 3-ей группы.

III. Восполненіе фразъ.

- 1) Восполненіе: а) подчиняющихъ и б) подчиненныхъ предложеній.
- 2) Въ простыхъ и сложныхъ статьяяхъ.
- 3) Повѣствовательнаго, описательнаго и демонстративнаго характера.

IV. Самостоятельныя сочиненія (безъ даннаго плана).

1) На выбранныя самими учениками темы, которыя они могутъ развить по аналогіи съ какимъ-нибудь извѣстнымъ образцомъ.

2) На данныя темы, безъ аналогіи ихъ развитія.

Изъ приведенной таблицы видно, что упражненіе группы I и II должны практиковаться по преимуществу въ первыхъ четырехъ классахъ, замѣняя собою, если не окончательно, то, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ—пересказъ или простое воспроизведеніе. Это послѣднее упражненіе могло бы быть допущено въ 3 и 4 классахъ, но только, какъ воспроизведеніе самостоятельно произведеннаго (составленнаго) образца.

III группа упражненій, восходя отъ болѣе подробныхъ указаній существенныхъ положеній въ развитіи данной темы къ сравнительно краткимъ даннымъ зависимыхъ положеній, могутъ занять учениковъ 5 и 6 классовъ.

Самостоятельныя сочиненія безъ даннаго плана могутъ быть отнесены къ седьмому и восьмому классамъ. Само собой разумѣется, что переходъ отъ упражненій одной, низшей, группы, къ другой, высшей, долженъ быть настолько постепененъ, чтобы его можно было назвать незамѣтнымъ: одни упражненія должны, такъ сказать, переходить въ другія.

Предлагая извѣстную таблицу письменныхъ упражненій нашимъ гимназистамъ, я нисколько не имѣю претензіи видѣть въ этой таблицѣ что нибудь полное, законченное и совершенное, совсѣмъ напротивъ, я убѣжденъ въ ея неполнотѣ, незаконченности и несовершенствѣ. Но, будучи вполне готовымъ отказаться отъ нея при первой болѣе удачной систематизаціи упражненій, я не считаю пока возможнымъ, чтобы мнѣ пришлось измѣнить тотъ принципъ, то основаніе, на которомъ построена моя система: пусть рубятъ дерево—вырастетъ новое, если только остался невредимымъ корень.

Наглядный методъ, составлявшій основу всѣхъ современныхъ педагогическихъ теорій—одностороненъ. Для дополненія его необходимъ самодѣятельный методъ, который исходитъ изъ той мысли, что человекъ есть существо не только воспринимающее, но и самостоятельно творящее. Наглядный методъ даетъ дѣтямъ только одни познанія, не дѣйствуя на ихъ производительныя силы, тогда какъ принципъ творческой самодѣятельности приводитъ ихъ къ тому же результату посредствомъ самостоятельной работы, развивая въ нихъ понятія посредствомъ живой дѣятельности. Слѣдовательно, самодѣятельный методъ заключаетъ въ себѣ и наглядный методъ. Человекъ, прежде всего, существо активное. Самостоятельная дѣятельность выше пассивнаго пониманія, потому что посредствомъ дѣйствій проявляются высшія силы человека. Вслѣдствіе этого основой воспитанія должно бы служить развитіе производительныхъ силъ ребенка. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ эта цѣль воспитанія была отодвинута на задній планъ; главное вниманіе было обращено на пассивное пониманіе въ ущербъ активному. Самодѣятельный методъ требуетъ, чтобы воспитатель подготовлялъ ребенка съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ дѣятельной жизни, доставляя всѣмъ его способностямъ и умственнымъ силамъ случай и возможность къ самостоятельнымъ проявленіямъ. Упражненіе производительныхъ силъ ребенка развиваетъ и умственные

его силы; дѣйствуя самостоятельно, ребенокъ учится думать, сравнивать, обсуждать и дѣлать заключенія. Къ тому же прослѣдить степень развитія ребенка, его индивидуальность и наклонности всегда легче и вѣрнѣе всего въ его дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ истинная система воспитанія должна быть основана на живой, творческой дѣятельности человѣка, первое проявленіе которой должно начаться въ дѣтскихъ играхъ, и затѣмъ, переходя постепенно отъ легкаго къ трудному, отъ простаго къ сложному, проходитъ по всѣмъ ступенямъ человѣческаго развитія ⁴⁶⁾.

П Р И Л О Ж Е Н І Е .

«Чѣмъ больше мы будемъ таяться и прятаться съ нашей несовершенной теоріей, тѣмъ больше останется она въ такомъ положеніи».

Тихомировъ: «Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку». 2 изд. Москва 1875 г. стр. IV.

Для окончательнаго разъясненія того, какъ производить письменныя упражненія II и III указанныхъ мною группъ—представляю примѣры, взятые изъ собственной моей практики.

1) Диктуется изъ второй части «Русской хрестоматіи» Поливанова статья: «Жнитво». Не сказавъ ученикамъ заглавія диктуемой статьи, учитель произноситъ ея фразы, ну хоть въ томъ порядкѣ, который мы сейчасъ, предлагая эту статью читателю, обозначимъ №№, поставленными передъ каждымъ самостоятельнымъ предложеніемъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя при диктан

⁴⁶⁾ «Новое воспитаніе». Москва 1872 г. Изданіе Солдатенкова. Стр. 8, 14.

тѣ должны быть выпущены и восполнены, восстановлены (конечно, не буквально) самими учениками по требованію данныхъ и подобранныхъ ими фразъ. О выпущеніи и о количествѣ выпущенныхъ фразъ можно сначала предувѣдомлять, а потомъ и не предувѣдомлять учениковъ. 4) «Въ длинныхъ крестьянскихъ роспускахъ отправились мы съ отцомъ въ поле. По колеямъ степной дороги роспуски спускались такъ низко, что растущіе высоко травы и цвѣты хлестали меня по ногамъ и по рукамъ. (№ передъ этой фразой пропущенъ: еѣ нужно восполнить). 1) Я даже успѣвалъ срывать цвѣточки. 5) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рожь не наклонялась, «не вылегла», какъ говорится, она стояла такъ высоко, что васъ съ роспусками и лошадьми не было видно. Долго мы ѣхали межами, и вотъ началъ слышаться издалека какой-то странный шумъ и говоръ людей (эта фраза при диктантѣ опускается). 2) Чѣмъ ближе мы подѣзжали, тѣмъ становился онъ слышнѣе, и наконецъ сквозь косматую рожь стали мелькать блестящіе серпы и колосья горстей срѣзанной ржи, которыми кто-то взмахивалъ въ воздухъ. 6) Вскорѣ показались плечи и спины согнувшихся крестьянъ и крестьянокъ. 7) Когда мы въѣхали на десятину, которую жали человекъ десять, говоръ прекратился; но за то шарканье серповъ по соломѣ усилилось и наполняло все поле необыкновенными и неслышанными мною звуками. 3) Мы остановились, сошли съ роспусковъ, подошли близко къ жнецамъ и жницамъ, и отецъ мой сказалъ: «Богъ на помочы!» Вдругъ всѣ оставили работу, обернулись къ намъ лицомъ, низко поклонились, а нѣкоторые крестьяне, постарше, поздоровались съ нами (фраза пропущена при диктантѣ). 9) На загорѣлыхъ лицахъ была написана радость; нѣкоторые тяжело дышали: у иныхъ были обвязаны грязными тряпичами пальцы на рукахъ и ногахъ, но всѣ были бодры. 8) Отецъ мой спросилъ, сколько людей на десяти-нѣ, не тяжело ли имъ, — и получилъ въ отвѣтъ, что «тяжеленько, да какъ же быть, рожь сильна, прихватимъ вечера».... сказалъ: «такъ жните съ Богомъ».... и въ

одну минуту засверкали серпы, горсти ржи замелькали надъ головами работниковъ, и шумъ отъ рѣзки житной соломѣ еще звучнѣе, сильнѣе разнесся по всему полю.» Подобравъ въ извѣстный порядокъ данныя фразы и обозначивъ (знакомъ V^-) между какими фразами надо вставить или возстановить пропущенныя предложенія, ученики получаютъ, такъ сказать, числовую схему данной статьи, которая при вѣрной формулировкѣ приметъ въ данномъ случаѣ такой видъ 4, V^- , 1, 5, V^- , 2, 6, 7, 3, V^- , 9, 8. Когда подобная формула найдена, ученики возсоздаютъ пропущенныя фразы. Такъ какъ о пропускѣ предложенія можно судить только по недостаточной понятности, по требованію смысла какого-либо изъ данныхъ предложеній, то ученики стараются отдать себѣ отчетъ, въ чемъ именно состоитъ непонятность извѣстныхъ данныхъ фразъ, чего онѣ требуютъ, для того что бы быть совершенно понятными и вполне связанными съ другими данными предложеніями. Въ нашемъ примѣрѣ предложеніе, продиктованное за № 1: «я даже успѣвалъ срывать цвѣточки» — требуетъ, чтобы было что-нибудь сказано о возможности срывать во время ѣзды цвѣточки. Я могъ бы во время поѣздки срывать цвѣточки, если бы мы съ отцомъ для этого останавливались—но тогда зачѣмъ же въ данной фразѣ сказано «даже успѣвалъ»? Не останавливаясь, я могъ срывать цвѣточки только при болѣе или менѣе близкомъ моемъ разстояніи отъ земли и при болѣе или менѣе медленной ѣздѣ. Но близко отъ земли, сидя на роспускахъ, я могъ находиться или при томъ условіи, что роспуски были низки, или потому что по дорогѣ были большія колеи. Вотъ какъ приблизительно долженъ разсуждать ученикъ, желая возсоздать пропущенную въ данномъ мѣстѣ фразу. Что мысли учениковъ работаютъ именно подобнымъ образомъ—въ этомъ я убѣждался изъ вопросовъ учениковъ о высотѣ роспусковъ сравнительно съ телѣгой и т. п.

Предложеніе данной статьи, продиктованное за № 2 требуетъ возсозданія такой фразы, въ которой было бы существительное, относительно котораго въ данной фра-

зѣ сказано: «онъ становился слышиѣ»... Казалось бы, что можно было бы вставить передъ фразой № 2 предложіе: слышался (какой-то) шумъ.... но фраза, продиктованная за № 7 требуетъ словами: «говоръ прекратился»..., чтобы въ томъ предложіи, которое надо вставить передъ фразой № 2, упоминалось именно о говорѣ. Пропускъ передъ фразой № 9 долженъ содержать въ себѣ указаніе на приостановку работы, иначе является непонятной 8 фраза, въ которой говорится о возобновленіи работы; кромѣ того въ означенномъ пропускѣ должно быть упомянуто о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на крестьянъ привѣтствіемъ отца: иначе чѣмъ же объяснить ихъ радость, о которой говорится въ 9 фразѣ? Это упражненіе въ томъ видѣ, какъ я его здѣсь представилъ, давалъ я ученикамъ 5-го класса, до сихъ поръ писавшимъ только пересказы и сочиненія повѣствовательныя и описательныя по даннымъ образцамъ. Вотъ какъ они (всѣхъ учениковъ десять) подобрали и воссоздали фразы продиктованной имъ статьи *).

I.

4, V⁻, 1, V⁻, 5, V⁻, 2, 6, 7, 3, 9, 8: а) мы ѣхали по пашнѣ, покрытой разными цвѣтами, изъ которыхъ нѣкоторые были на длинныхъ стебелькахъ. б) Вскорѣ мы выѣхали на дорогу, ведущую между двумя стѣнами ржи. с) Вдругъ слышался говоръ.

II.

4, V^a, 5, 1, 6, 2, 7, 3, 9, 8. а): Когда мы въехали въ рожь, тутъ мнѣ показалось удивительно, какъ весело! NB. Надо замѣтить, что этотъ ученикъ въ своихъ прежнихъ письменныхъ работахъ отличался цвѣтностью слога и, если можно такъ выразиться, глубокомысленностью, на манеръ извѣстнаго «метафизика».

*) Удержано правописаніе учениковъ.

III.

4, $\overset{a}{V^-}$, 1, 5, $\overset{b}{V^-}$, 2, 6, 7, 3, 8, $\overset{c}{V^-}$, 9. а) Въѣхавъ на полѣ, колеса до того врѣзались въ землю, и мы поѣхали такъ медленно, что (ученикъ, очевидно, позабылъ условіе работы—не измѣнять данныхъ фразъ). б) Еще не добѣжая до поля, я услышалъ какой-то шумъ. с) Я оглядѣлъ крестьянъ.

IV.

4, $\overset{a}{V^-}$, 5, $\overset{b}{V^-}$, 1, $\overset{c}{V^-}$, 2, 6, $\overset{d}{V^-}$, 7, 3, 9, 8. а) Намъ приходилось ѣхать по мягкой дорогѣ между двумя стѣнами ржи. б) Мы ѣхали тихо. с) Скоро послышался какой-то шумъ. d) Мы подѣхали къ нимъ: говоръ доносился до насъ.

V.

4, $\overset{a}{V^-}$, 5, $\overset{b}{V^-}$, 1, $\overset{c}{V^-}$, 2, 6, 7, 9, 3, $\overset{d}{V^-}$, 8. а) Дорога была вязкая, съ глубокими колеями, и колеса нашихъ роспусковъ постоянно были на половину въ землѣ. Мы ѣхали между стѣнами ржи. б) Мы ѣхали тихо. с) Вдругъ я услышалъ какой-то звукъ. d) Тѣ, въ свою очередь, привѣтствовали насъ.

VI.

$\overset{a}{V^-}$, 4, $\overset{b}{V^-}$, 5, $\overset{c}{V^-}$, 1, $\overset{d}{V^-}$, 2, 6, 7, 3, 8, $\overset{e}{V^-}$, 9. а) Однажды отецъ предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ на жнитво, на что я согласился. б) Наша рожь была громадная. с) Мы ѣхали по такой дорогѣ, что ежеминутно экипажъ наклонялся то направо, то налево и такъ низко, что нѣкоторые изъ растущихъ при дорогѣ цвѣтовъ залѣзали въ роспуски. d) Вдругъ послышался какой-то незнакомый мнѣ звукъ. e) Пока отецъ разговаривалъ, я рассматривалъ еще невиданное мною зрѣлище.

VII.

4, ^a V^- , 2, 5, 6, 3, 9, ^b V^- , 1, 7, 8. а) Издали слышался какой-то шумъ. б) Мы съѣли въ распуски и медленно поѣхали къ слѣдующей десятиѣ.

VIII.

4, ^a V^- , 1, ^b V^- , 2, 5, 6, 7, 3, 9, ^c V^- , 8. а) Мы подвигались впередъ черезъ нескошенный лугъ довольно медленно. б) Вдали слышался непонятный и неслышанный мною шумъ. с) Къ отцу подошелъ староста.

IX.

4, ^a V^- , ^b V^- , 2, 5, 6, 7, 3, 9, 8. а) Мы ѣхали такъ медленно, что... (забыто условіе работы). б) Скоро мы услышали говоръ людей.

X.

4, ^a V^- , 1, 5, ^b V^- , 2, 6, 7, 3, 9, 8. а) Доѣхавъ до поля, мы увидѣли, что жнецы находятся на другой сторонѣ: мы поѣхали дальше; съ обѣихъ сторонъ насъ окружала рожь; подвигались мы медленно, такъ какъ колеса вязли въ рыхлую землю. б) Иногда долеталъ къ намъ говоръ жнецовъ.

Подборъ и воссозданіе фразъ было сдѣлано въ продолженіи 20—30 минутъ. Сравнительная неудовлетворительность *) указанной работы объясняется, по моему мнѣнію, во-первыхъ непривычкой учениковъ къ такого рода работамъ (это всего третья работа подобнаго рода), а во вторыхъ уже достаточно вкоренившуюся привычкою выражаться неточно и неопредѣленно, какъ приучаютъ выражаться всѣ эти изложенія и подражанія. Это по-

*) «Сравнительная», говорю я, потому что въ Гельсингфорской гимназій ученики вообще мало усвѣдаютъ по русскому языку: для многихъ изъ нихъ онъ является языкомъ иностраннымъ.

слѣднее обстоятельство до нѣкоторой степени доказы-
вается тою сравнительною успѣшностью подобнаго рода
упражненій, которая замѣчена мною во 2-мъ классѣ,
гдѣ ученики еще не искусились въ той болтовнѣ, кото-
рая въ большинствѣ случаевъ вырабатывается «образ-
цовымъ» методомъ веденія письменныхъ ученическихъ
работъ по русскому языку. Я давалъ ученикамъ 2 го
класса работы однородныя съ только что мною изло-
женной и получалъ гораздо лучшіе результаты. Такъ,
напр., совершенно удачно сошла у второклассниковъ
слѣдующая работа. Изъ второй части «Русской хресто-
матіи», Поливанова, я продиктовалъ ученикамъ статью
«Подъ дубомъ» въ томъ видѣ, порядкѣ и съ тѣми
выпущенными фразами, какъ она предлагается здѣсь
читателю.

3) Около оголившихся корней того дуба, подѣ ко-
торымъ я сидѣлъ, кишмя-кишѣли муравьи. Они одинъ
за другимъ торопились по пробитымъ ими торнымъ до-
рожкамъ (эта фраза при диктантѣ была пропущена).
1) Я взялъ въ руки хворостину и загородилъ ею дорогу.
7) Надо было видѣть, какъ одни подлѣзали подѣ нее,
другіе перелѣзали черезъ. 4) Отъ этихъ интересныхъ
наблюденій я былъ отвлеченъ бабочкой съ желтыми
крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась
предо мною. Какъ только я обратилъ на нее вниманіе,
она отлетѣла отъ меня шага на два, появилась надѣ
почти увядшимъ бѣлымъ цвѣткомъ дикаго клевера и
сѣла на него (фраза была пропущена). 2) Видно было,
что ей хорошо. 6) Она изрѣдка взмахивала крылыш-
ками и прижималась къ цвѣтку. 5) Я положилъ голову
на обѣ руки и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее. Изъ
двадцати работавшихъ надѣ подборомъ и восполненіемъ
указанныхъ фразъ учениковъ только 2-е не восполнило
фразу о цвѣткѣ; 1 спросилъ (и этимъ вызвалъ смѣхъ
остальныхъ учениковъ), не относится ли 7-я фраза къ
бабочкѣ; человекъ 6 поставили 5-ю фразу не послѣд-
нею, а послѣ 4-й фразы и наконецъ 4 человекъ въ до-
полненной фразѣ о дорогѣ, вмѣсто слово «дорога», упо-

требили не совсѣмъ точныя и подходящія слова въ родѣ: тропинка, сторона, направленіе и т. п. II

Образцомъ для упражненій III группы можно дать слѣдующую работу. Изъ «Методической русской хрестоматіи», Поливанова, въ третьемъ изданіи III тома «Русской хрестоматіи» — берется статья: «Рабство». Статья эта читается такъ:

Происхожденіе рабства, происхожденіе разныхъ видовъ частностей зависимости человѣка можно прослѣдить въ преданіяхъ народовъ. Конечно, война должна была доставить значительное число рабовъ; побѣдитель имѣлъ право или убить побѣжденнаго или подарить ему жизнь, и въ послѣднемъ случаѣ побѣжденный дѣлался рабомъ, собственностью побѣдителя. Экономическая неразвитость первоначальныхъ обществъ содѣйствовала сильно къ распространенію рабства: для человѣка было чрезвычайно удобно имѣть разумное орудіе, разумную животную силу для работъ всякаго рода при невозможности вольнонаемнаго труда. Скоро оцѣнили выгоду охотиться за человѣкомъ, добывать его съ оружіемъ въ рукахъ и торговать имъ. Но кромѣ захвата и купли число рабовъ увеличилось и другимъ способомъ: обѣдненіе отъ холода или отъ другаго физическаго бѣдствія, лишеніе семьи или рода, безсемеинность и безродность, страшное бѣдствіе въ древнемъ обществѣ, гдѣ человѣкъ могъ держаться самостоятельно только съ помощью первоначальнаго кровнаго союза, — всѣ эти бѣдствія должны были принуждать человѣка просить принятія въ чужую семью или родъ для полученія средствъ къ существованію; но единственное условіе, при которомъ онъ могъ быть принятъ, это — работа, рабство. Рабство продолжалось и въ новомъ христіанскомъ мірѣ; мы съ нимъ хорошо знакомы; но все же въ христіанствѣ, понявшемъ личное значеніе человѣка, какъ храмъ Духа Св., какъ существа, искупленнаго кровію Спасителя, мы все болѣе и болѣе отвыкали отъ представленія о рабѣ, жившемъ въ языческой древности.

Пусть изъ всей этой статьи учитель сообщить уче-

никамъ только нѣкоторыя положенія, требуя восполненія остальныхъ. Пусть эти сообщенныя положенія будутъ:

- 1) Побѣдитель имѣлъ право или убить побѣжденнаго или подарить ему жизнь, и въ послѣднемъ случаѣ побѣжденный дѣлался рабомъ, собственностью побѣдителя.
- 2) Для человѣка было чрезвычайно удобно имѣть разумное орудіе, разумную животную силу для работъ всякаго рода при невозможности вольнонаемнаго труда.
- 3) Кромѣ захвата и купли, число рабовъ увеличилось и другимъ способомъ: извѣстныя бѣдствія должны были принуждать человѣка просить принятія въ чужую семью или родъ для полученія средствъ къ существованію; но единственное условіе, при которомъ онъ могъ быть принятъ—это работа, рабство.
- 4) Рабство продолжалось и въ новомъ христіанскомъ мірѣ; но все же въ христіанствѣ люди все болѣе и болѣе отвыкали отъ представленія о рабѣ, господствовавшаго въ языческой древности.

Давъ эти четыре положенія, можно потребовать отъ учениковъ формулировки темы (заглавія) предложенной имъ работы. Затѣмъ требуется видоизмѣнить данныя положенія сообразно съ найденной темой, измѣнить какъ по способу ихъ словеснаго выраженія, такъ и по выраженію ихъ зависимости. Результатомъ этихъ видоизмѣненій, сообразныхъ съ тѣмъ, что во всѣхъ положеніяхъ должно кратко говориться о «рабствѣ»—получится приблизительно слѣдующій планъ: I. Условія возникновенія рабства: 1) война, 2) экономическая неразвитость первоначальныхъ обществъ, 3) охота, 4) торговля *), 5) обѣдненіе и вообще физическія бѣдствія, 6) безродность и безсемейность. II. Условіе уничтоженія рабства: 1) христіанство, какъ подъемъ личнаго значенія человѣка, 2) когда планъ готовъ, происходитъ его развитіе, сооб-

*) Охоту и торговлю мы зачислили въ непосредственныя условія возникновенія рабства лишь для большей легкости плана: собственно онѣ условія посредственныя, такъ какъ сами возникаютъ, благодаря экономической неразвитости первоначальныхъ обществъ.

разно съ данными фразами и выработаннымъ планомъ. Въ планѣ, сравнительно съ данными фразами, новымъ является только точка зрѣнія, съ которой разсматривается данный матеріаль: всѣ данныя фразы указываютъ на положительныя и отрицательныя условія рабства. Изложеніе (опредѣленіе) этой точки зрѣнія, съ которой долженъ разсматриваться данный матеріаль, предшествуетъ самому разсмотрѣнію, болѣе или менѣе независимо отъ самаго матеріала, въ нашемъ случаѣ, не требуется ни одной изъ данныхъ фразъ въ отдѣльности, и составляетъ, такъ называемое, введеніе, вступленіе *). Въ изложенномъ видѣ данная работа шла отъ извѣстныхъ зависимыхъ мыслей къ неизвѣстнымъ мыслямъ, отъ которыхъ зависятъ данныя извѣстныя мысли. Можно эту же работу совершать обратнымъ путемъ; можно дать ученикамъ такія положенія, отъ которыхъ искомыя фразы находились бы въ зависимости. Пусть будутъ даны ученикамъ слѣдующія положенія той же статьи «Рабство»:

- 1) Конечно, война должна была доставить значительное число рабовъ.
- 2) Экономическая неразвитость первоначальныхъ обществъ содѣйствовала сильно къ распространенію рабства.
- 3) Скоро оцѣнили выгоду охотиться за человѣкомъ, добывать его съ оружіемъ въ рукахъ и торговать имъ.
- 4) Объдненіе отъ холода или другаго физическаго бѣдствія, лишеніе семьи или рода, безсемейность и безродность, страшное бѣдствіе въ древнемъ обществѣ, гдѣ человѣкъ могъ держаться самостоятельно только съ помощью первоначальнаго кровнаго союза—всѣ эти бѣдствія вели къ рабству. Найти зависимыя предложенія отъ этихъ данныхъ предложеній—упражненіе гораздо труднѣйшее, чѣмъ по зависимымъ предложеніямъ отыскать тѣ предложенія, отъ которыхъ

*) Эту задачу я предлагалъ въ 7 и 5 классахъ, причемъ въ 7 классѣ ее дѣлали во время урока, а въ 5-мъ на дому. Результатъ работы 5 класса оказался несравненно лучшимъ, чѣмъ результатъ работъ 7 класса. Объясняется это тѣмъ, что въ 7 классѣ это была первая работа подобнаго рода.

они зависятъ. Надо замѣтить, что всѣ письменныя упражненія подобнаго рода могутъ быть составляемы учениками другъ для друга, по указаннымъ учителемъ отрывкамъ и статьямъ хрестомотіи, особенно удобна такая работа въ старшихъ классахъ; ученики исполняютъ ее съ удовольствіемъ и не безъ осмысленности: каждая партія старается сдѣлать для другой партіи задачу, какъ можно, позамысловатѣе, что, конечно, не бесполезно и для самихъ составителей и для рѣшающихъ задачу.

Въ заключеніе моихъ разъясненій, какъ вести письменныя упражненія новаго типа, считаю не лишнимъ сказать, что предлагаемый методъ долженъ оказаться тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ и дѣйствительнымъ, чѣмъ шире и чѣмъ чаще онъ будетъ примѣняться. Его примѣненіе отнюдь не должно ограничиваться только письменными упражненіями, напротивъ того, чѣмъ больше онъ найдетъ себѣ приложеніе при устныхъ упражненіяхъ учениковъ—при объяснительномъ чтеніи *), разсказѣ и разборѣ какихъ либо литературныхъ произведеній, тѣмъ для дѣла будетъ лучше. Такое живое обращеніе съ произведеніями отечественнаго слова на высотѣ его служенія логическимъ цѣлямъ подъ перомъ лучшихъ авторовъ изящной прозы, и только оно, можетъ перенести силу теоретическаго ученія словесности на собственныя письменныя работы учащихся; съ другой стороны только оно можетъ придать цѣну той опытности, какую приобрѣтетъ учащійся, упражняясь въ собственныхъ сочиненіяхъ, и сдѣлать эту опытность не бессознательнымъ дѣломъ набивающаго руку ремесленника, но сознательнымъ искусствомъ проходящаго хорошую школу ученика **).

Ю. Верещагинъ.

*) Образецъ такого ученія см. въ книжкѣ Басистова: «Замѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго языка». 2-е изд. въ приложеніяхъ за № 2, гдѣ помѣщены статьи П. Гедике.

***) Методическая русская хрестоматія Подиванова. Москва 1883. Стр. VIII.

ЗАЧАТКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ.

И дымъ отечества намъ сладокъ
и приятенъ.

Грибоѣдовъ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Пушкинъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

По выходѣ въ свѣтъ моей брошюры: „Зачатки русской литературной критики. Выпускъ 2-й. А. О. Мерзляковъ, какъ теоретикъ и критикъ“, — рецензентъ Московскихъ Вѣдомостей писалъ между прочимъ слѣдующее: „этюдь г. Бѣлоруссова заслуживаетъ полнаго вниманія; это очень полезная, весьма тщательно и добросовѣстно выполненная работа по теоріи русской словесности, области еще весьма мало разработанной. — Нѣсколько страннымъ является то, что этюдь этотъ составляетъ второй выпускъ изслѣдованія подъ названіемъ Зачатки русской литературной критики, между тѣмъ какъ первый выпускъ того же изслѣдованія еще только будетъ печататься въ Филологическихъ Запискахъ“. Почему второй выпускъ появляется ранѣе перваго? ¹⁾ Въ отвѣтъ на это справедливое замѣчаніе г. рецензента считаю нужнымъ объяснить слѣдующее. Когда въ 1886 году я началъ печатать на страницахъ „Филологическихъ Записокъ“ указанный этюдь свой о Мерзляковѣ, то думалъ было ограничиться изложеніемъ теоретико-критической дѣятельности одного только Мерзлякова, этого замѣчательнаго въ свое время русскаго профессора и писателя, представляющаго

¹⁾ Москов. Вѣдом. 1888 г., № 216.

собою весьма важное звено въ исторіи русской литературной критики. Потомъ же, въ виду отсутствія систематическихъ изслѣдованій по исторіи первоначальной нашей литературной критики ²⁾, я призналъ не бесполезнымъ попробовать, насколько возможно, восполнить этотъ пробѣлъ и, разобравшись въ томъ матеріалѣ, который имѣлся у меня подъ руками, рѣшилъ, что матеріалъ этотъ хотя и очень скудный, но тѣмъ не менѣе настолько достаточный, что на основаніи его можно составить небольшой очеркъ зарожденія и первоначальнаго развитія русской литературной критики вплоть до двадцатыхъ годовъ XIX вѣка. Вслѣдствіе этого этюдъ мой о Мерзляковѣ, какъ теоретикѣ и критикѣ, естественно долженъ былъ войти въ намѣченный мною очеркъ зачатковъ русской литературной критики въ видѣ втораго выпуска, такъ какъ Мерзляковъ и по времени, и по характеру своей критики долженъ быть отнесенъ ко второму фазису развитія русской литературной критики.

Зачатки литературной критики въ Россіи совпадаютъ съ появленіемъ въ нашей словесности такъ называемаго ложно-классическаго французскаго направленія. Вслѣдствіе этого, на русской словесности вообще и на литературной критикѣ въ частности всецѣло отражается вліяніе этого направленія. И какъ во Франціи, тогдашней законодательницѣ всякаго рода словесныхъ произведеній, литературная критика состояла въ оцѣнкѣ стили и въ примѣненіи правилъ

²⁾ Кромѣ систематически изложенныхъ указаній почтеннаго знатока новой русской литературы А. Д. Галахова въ его «Исторіи русской словесности» (Т. I, отд. 2, § 34 и Т. II, § 25), можно указать еще на Рѣчь о критикѣ В. Вѣлинскаго (соч. Вѣлин. т. VI. стр. 183), въ которой онъ, предположивъ сперва представить цѣлую исторію русской литературной критики, предлагаетъ однако только очеркъ критическихъ статей и замѣтокъ Сумарокова (стр. 239—259). Можно также указать на изслѣдованіе Н. Н. Булича: «Сумароковъ и современная ему критика» (1854 г.), гдѣ встрѣчаются иногда замѣтки о современной Сумарокову литературной критикѣ.

ложноклассической теории къ разбираемому произведенію, такъ точно и у насъ зачатки литературной критики представляли эти же двѣ характеристическія особенности. Сначала, когда еще не были надлежащимъ образомъ усвоены правила французской теории, наши критики почти исключительное вниманіе обращали на стиль сочиненій. Правда, у многихъ изъ нихъ, особенно же у тѣхъ, которые писали свои критическія статьи не по профессіи, а по какому нибудь отдѣльному поводу, встрѣчаются кромѣ стилистическихъ указаній замѣтки, напр., о характерѣ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ, о достоинствѣ перевода, если разбираемое произведеніе было переводное, и т. п.,—однакожь и у нихъ разборъ стиля сочиненій всегда занимаетъ чуть не первое мѣсто. Потомъ же, когда теорія Буало глубоко пустила свои корни и сдѣлалась литературнымъ кодексомъ въ русской словесности, тогда наши критики перестали уже довольствоваться однимъ стилистическимъ разборомъ и начали предъявлять требованіе къ разбираемымъ произведеніямъ, на сколько они удовлетворяютъ и соотвѣтствуютъ правиламъ французской теории. Такимъ образомъ, русская литературная критика въ зачаткахъ своихъ можетъ быть подраздѣлена на два отдѣла: на критику стилистическую, въ которой преобладаетъ разборъ стиля сочиненій, и критику теоретическую, въ которой, помимо разбора стиля сочиненій, рассматривалось еще, на сколько извѣстное сочиненіе удовлетворяло теории соотвѣстнаго рода или вида литературныхъ произведеній.

И. Сумароковъ. Отдѣльныя критическія статьи его. Обзоръ этихъ статей. Другія замѣтки и статьи, касающіяся стилистической критики. Теоретическіе взгляды Сумарокова на поэзію. Общее заключеніе о Сумароковѣ, какъ критикѣ. Критики на оды Державина въ «Собесѣдникѣ». — Письмо Ф. Визина о планѣ Россійскаго Словаря.

Первымъ по времени представителемъ, а слѣдовательно и отцомъ русской литературной критики, какъ особаго и самостоятельнаго вида прозаическихъ сочиненій, былъ А. П. Сумароковъ (1718—1777 г.). Перечень отдѣльныхъ критическихъ его статей и замѣтокъ слишкомъ не великъ: ихъ всего семь, а именно: 1) Критика на оду, 2) Разсмотрѣніе одъ г. Ломоносова, 3) Нѣкоторыя строфы двухъ авторовъ, 4) Отвѣтъ на критику, 5) Примѣчаніе къ трагедіи: „Димитрій Самозванецъ“, 6) Разсмотрѣніе содержанія „Евгенія“ и 7) Мнѣніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ. Но всѣ эти статьи и замѣтки, не смотря на ничтожный объемъ ихъ, настолько типичны и характерны, что могутъ служить образцомъ первоначальной и зарождавшейся у насъ стилистической литературной критики. Разсмотримъ содержаніе ихъ по порядку.

1) Первая три критическія замѣтки относятся къ разбору лирики Ломоносова. Въ „критикѣ на оду“³⁾, выписавъ два стиха изъ оды Ломоносова:

Возлюбленная тишина,

Блаженство сель, градовъ ограда,

Сумароковъ говоритъ: „Градовъ ограда сказать не можно. Можно молвить: селенія ограда, а не ограда града; градъ отъ того и имя свое имѣеть, что онъ огражденъ. Я не знаю сверхъ того, что за ограда града тишина. Я думаю, что ограда града—войско и оружіе, а не тишина.—Городъ имѣеть

³⁾ Полное собраніе сочиненій А. П. Сумарокова, ч. X, стр. 77—91. Изд. 2-е, Москва. 1787 г.

въ род. надежѣ множ. числа городѡвъ, а градъ — градѡвъ, а не градѡвъ, для того что въ именит. пад. множ. ч. городъ имѣеть званіе городá, а градъ — градѹ, а не градà и не градѹ⁴⁾. Затѣмъ Сумароковъ выписываетъ новые стихи изъ разбираемой оды и подвергаетъ ихъ подобному же анализу. Вотъ обычный приемъ стилистической критики Сумарокова.

На что жъ, однако, обращаетъ свое вниманіе нашъ критикъ?

Изъ разбора его приведенныхъ выше двухъ стиховъ мы видимъ, что онъ порицаетъ, во первыхъ, неправильно допускаемое удареніе на словахъ: градѡвъ вмѣсто градѡвъ; во вторыхъ, указываетъ на неточность выраженій: „Я думаю говорить Сумароковъ, что ограда града войско и оружіе, а не тишина“. Такую же неточность выраженій и неправильность удареній онъ отмѣчаетъ и далѣе. Напр., выписавъ стихъ: „На гробъ и на дѣла взглянуть“, онъ говоритъ: „На гробъ взглянуть можно, а на дѣла нельзя. А если можно сказать: я взглянулъ на дѣла, такъ можно и на мысль взглянуть молвить“⁵⁾. Или относительно стиховъ: „Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился, свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ“ Сумароковъ возражаетъ: „Мечъ бываетъ не въ рукахъ, но въ рукѣ.—Свой мечъ.—Марсъ видѣлъ въ рукѣ Петровой мечъ, а не свой мечъ“⁶⁾.

Кромѣ неточныхъ выраженій и неправильныхъ удареній, Сумароковъ отмѣчаетъ еще: неправильности синтаксическія, неудачные образы и фигуры, нехорошія рифмы, „подлыя“ слова, несвойственныя одамъ, и барбаризмы. Выпишемъ нѣсколько примѣровъ для подтвержденія.

Неправильности синтаксическія: „Сравнившись съ морю широтой“. Надобно по грамматическимъ правиламъ сказать: сравнившись съ моремъ широтой“⁷⁾. Или: „Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ.—Гдѣ надлежало поставить по грамматическимъ правиламъ предъ охот-

4) Ibid. стр. 77—78.

5) Ibid. стр. 86.

6) Ibid. стр. 84.

7) Ibid. стр. 90.

никомъ и сказать: гдѣ охотникъ не мѣтилъ лукомъ. А это только для мѣры стопъ испорчено“⁸⁾).

Неудачные образы и фигуры: „когда отъ радости премѣны возвышали стѣны до звѣздъ плесканіе и кликъ!— Не стѣны возвышаютъ кликъ, но народы. Говорится: весь градъ восклицаетъ, вся страна и вся земля восклицаетъ. Подъ именемъ града я разумѣю гражданъ, подъ именемъ страны разумѣются народы, живущіе въ ней, а подъ именемъ стѣнъ я одни кирпичи разумѣю“⁹⁾).— „О какъ тебѣ благодарить! Этотъ стихъ совсѣмъ своимъ восклицаніемъ слабъ, и нѣтъ ничего хуже, какъ слабое восклицаніе“¹⁰⁾).

Нехорошія рѣзмы и „подлая“ слова: „Въ рукахъ и флагъ не дѣлаютъ ни какой рѣзмы“. „Индія и Россія рѣзмы самыя бѣдныя“.— „Нептунъ чудился. Чудился слово самое подлое и такъ подло, какъ дивовался“.—Токмо есть слово приказное, равно такъ, какъ якобы и имѣется, а не стихотворное“¹¹⁾).

Барбаризмы: „Во второмъ стихѣ сей (XVII) строфы вмѣсто природы или естества поставлена натура, и хотя это и простительно, однако для чего слово: натура въ русскихъ рѣчахъ безъ нужды употреблять?“¹²⁾).

2) Въ „Разсмотрѣніи одъ г. Ломоносова“¹³⁾ критика Сумарокова еще примитивнѣе.—Онъ распредѣляетъ строфы изъ разныхъ одъ Ломоносова на слѣдующія рубрики: строфы прекраснѣйшія: Ода I, строфы 22, 25. Ода II, строфы 2 и т. д. Строфы прекрасныя: Ода I, строфа 9, 11, 17, 23 и т. д. Строфы весьма хорошія (слѣдуютъ цифры). Строфы хорошія, строфы

⁸⁾ Ibid. стр. 91.

⁹⁾ Ibid. стр. 80—81.

¹⁰⁾ Ibid. стр. 89.

¹¹⁾ Ibid. стр. 89, 85, 84 и 86.

¹²⁾ Ibid. стр. 90.—На подобные же недостатки Сумароковъ указываетъ и въ Ломоносовскомъ «Письмѣ о пользѣ стекла»: ч. X, стр. 73—77.

¹³⁾ Ibid. стр. 91 и 92.

изрядныя, строфы, по моему мнѣнію, требующія большаго исправленія. Строфы, о которыхъ я ничего не говорю.

3) „Нѣкоторыя строфы двухъ авторовъ“¹⁴⁾, въ смыслѣ критической статьи, представляются на столько же примитивными, на сколько и Разсмотрѣніе одъ г. Ломоносова. Здѣсь Сумароковъ выбираетъ шесть строфъ Ломоносова и сопоставляетъ ихъ со своими, предоставляя самому читателю судить о томъ, которыя строфы лучше и въ чемъ заключаются ихъ достоинства и недостатки. Однако изъ предисловія къ „нѣкоторымъ строфамъ“ видно, что критикъ сопоставленіемъ своихъ строфъ со строфами Ломоносова хотѣлъ указать, во-первыхъ, въ чемъ заключается достоинство и недостатки поэзіи Ломоносова, и во-вторыхъ, на сколько онъ, Сумароковъ, превосходитъ Ломоносова въ стихотворной дѣятельности. „Что до г. Ломоносова надлежитъ, такъ я, говоритъ Сумароковъ, похваляя его, думаю только о живности его духа, виднаго во строфахъ его. Великій былъ бы онъ мужъ во стихотворствѣ, ежели бы онъ могъ вычищать оды свои, а во прочія поэзіи не вдавался“¹⁵⁾. „Во стихахъ г. Ломоносова многое для почерпанія лирическимъ авторамъ сыщется; а я имъ совѣтую взирати на его лирическія красоты и отдѣляти хорошее отъ худаго.... Его достоинство въ одахъ не громкость. А чтожъ? объ этомъ долго говорить, а я прилагаю здѣсь предисловіе и нѣкоторыя, къ чести его, строфы для сравненія съ моими, а не толкованія.... Я свои строфы распоряжалъ, какъ распоряжали Мальгербъ (sic), Руссо и всѣ нынѣшніе лирики, а г. Ломоносовъ этого не наблюдалъ, ибо наблюденіе сего, какъ чистота языка, гармонія стопосложенія, изобильныя рѣзмы, разношеніе негласныхъ литеръ,—непривыкшимъ писателямъ толикаго стоять затрудненія, коликую приносятъ они

¹⁴⁾ Полное собраніе сочиненій А. П. Сумарокова. Изд. 1, Москва, 1781 г., ч. IX стр. 245—252.

¹⁵⁾ Ibid. стр. 248.

сладость“¹⁶⁾. Такимъ образомъ ясно, что Сумароковъ, сопоставляя свои строфы со строфами Ломоносова, видитъ въ сихъ послѣднихъ почти тѣ же недостатки, на которые указано было имъ въ „Критикѣ на оду“, свои же строфы восхваляетъ за то, что онѣ „распоряжены“ такъ, какъ „распоряжали“ ихъ Малербъ и Руссо.

Интересно при этомъ привести въ параллель другое мѣсто изъ Сумарокова, гдѣ также высказываетъ онъ свой взглядъ на оды Ломоносова, сопоставляя ихъ уже не съ своими одами, а съ одами Пиндара, и гдѣ въ образецъ ставитъ онъ не Малерба и Руссо, а сего греческаго одописца. „Многіе знаютъ Пиндара, говоритъ Сумароковъ, только по имени и по славі. Г. Ломоносовъ, не зная по-гречески (!) и весьма мало зная по-французски, можетъ быти, никогда не читалъ Пиндара, и хотя нѣкоторыя сего російскаго лирика строфы великолѣпнѣе и изобильны, но Пиндара въ нихъ не видно, ибо вкусъ Пиндаровъ совсѣмъ иной. А какъ писалъ Пиндаръ, я при семъ сообщаю его IV олимпійскую оду для желающихъ ему подражати. Пиндаръ порывистъ, но всегда пріятенъ и плавенъ: порывы и отрывы его ни странны, ни грубы, ни пухлы, и нѣтъ во стихотворствѣ ни пріятности, ни великолѣпія безъ плавности и нѣкоторой нѣжности. Многіе наши одослагатели не помнятъ, что они поютъ, и вмѣсто того говорятъ, рассказываютъ и надуваются. Истребите, о музы, сей несносный вкусъ и дайте познавать писателямъ истинное краснорѣчіе, и наставьте нашихъ пѣнцовъ убѣгать пухлости, многоглаголанія, тяжкихъ реченій, и просвѣтите ихъ въ родахъ поэзіи, дабы каждая поэма украшалася принадлежащими ей украшеніями и чтобы болѣе говорило во стихотворствѣ чувство, нежели умствованіе“¹⁷⁾.

Приведенныя слова весьма замѣчательны въ устахъ перваго нашего критика. Онъ, несомнѣнно, отдастъ пред-

¹⁶⁾ Ibid. стр. 247.

¹⁷⁾ Ibid. стр. 192—194.

почтеніе Пиндару, какъ истинному „одослагателю“, предъ другими одописцами. Онъ понимаетъ истинную сущность одъ Пиндаровыхъ, ясно и точно заявляя, что Пиндаръ хотя и „порывистъ“, но „порывы и отрывы его ни странны, ни грубы, ни пухлы“, а такой взглядъ, на оду при господствовавшей ложноклассической теоріи замѣчательнъ. Онъ требуетъ отъ современныхъ одописцевъ, чтобы въ одахъ ихъ „говорило болѣе чувствіе, нежели умствованіе“, и мѣтко подмѣчаетъ, что большая часть современныхъ лириковъ „говорятъ, рассказываютъ и надуваются“ въ своихъ одахъ, т. е., или вносятъ въ нихъ элементъ чисто эпическій, или же прославленіе героевъ облачаютъ въ „пухлыя“ фразы, вмѣсто того, что бы „воспѣвать“ ихъ по примѣру Пиндара. — То, что относить Сумароковъ ко „многимъ нашимъ одослагателямъ“, очевидно, приписываетъ онъ въ извѣстной степени и Ломоносову: „хотя нѣкоторыя сего російскаго лирика строфы великолѣпіемъ и изобильны, говоритъ онъ, но Пиндара въ нихъ невидно, ибо вкусъ Пиндаровъ совсѣмъ иной“. Такъ своеобразно и отчасти справедливо оцѣнилъ родоначальникъ нашей критики родоначальника же нашей лирической поэзіи. И вообще нужно замѣтить, что Сумароковъ очень часто и съ особенною охотою касается оцѣнки лирики Ломоносова, признавая въ немъ безспорный природный талантъ, хотя и не безъ недостатковъ. И если бы въ критикѣ его проглядывало меньше болѣзненного самолюбія и непомернаго самовосхваленія, какъ увидимъ послѣ, то она была бы и правдивѣе, и убѣдительнѣе. Но критикъ нашъ, почитавшій себя російскимъ Вольтеромъ, не въ силахъ былъ переносить никакого соперничества на литературномъ поприщѣ и потому, часто высказывая дѣльныя и правдивыя замѣчанія, нерѣдко доходилъ вмѣстѣ съ тѣмъ до смѣшнаго въ своей критикѣ. Такъ напр. въ предисловіи къ „нѣкоторымъ строфамъ“ онъ между прочимъ говоритъ: „О преимуществѣ себѣ (предъ Ломоносовымъ) я публику не прошу, ибо похвалы выпрошенные гадки; а если г. Ломоносову дается и въ одахъ преимущество, я объ этомъ тужить не стану“¹⁸⁾. И потомъ

¹⁸⁾ Ibid. стр. 247.

далѣе: „во надгробной надписи г. Ломоносова изображено, что онъ учитель поэзіи и краснорѣчія, а онъ никого не училъ и никого не выучилъ, ибо г. Ломоносова честь не въ риторикѣ его состоитъ, но въ одахъ. Потомки и мои и его стихи увидятъ и судить насъ будутъ; но потомки могутъ или должны будутъ подумать, что и я по сей ему надгробной надписи былъ его ученикъ, а я стихи писалъ еще тогда, когда г. Ломоносова и имени не слыхала публика. Онъ же во Германіи писати зачалъ, а я въ Россіи, не имѣя отъ него не только наставленія, но ниже зная его по слуху. Г. Ломоносовъ меня нѣсколькими дѣлами былъ постарѣе, но изъ того не слѣдуетъ сіе, что я его ученикъ, о чемъ я, не трогая ни мало чести сего стихотворца, предувѣдомляю потомковъ“¹⁹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Сумароковъ, разсуждая о лирическомъ талантѣ Ломоносова, жалуется, что ихъ ссорили между собою, и Ломоносовъ не хотѣлъ слушаться наставленій Сумарокова. „Ахъ если бы Ломоносова со мною не смучали, и слѣдоваль бы онъ моимъ совѣтамъ! восклицаетъ нашъ критикъ. Не былъ бы онъ и тогда столько расторопенъ, сколько отъ самаго искуснаго стопослагателя требуется, но былъ бы гораздо исправнѣе; а способности піитичесествовать, хотя и въ одной только одѣ, имѣлъ онъ весьма много. А нынѣ и въ то самое время, когда онъ меня восхищаетъ, отъ себя и отвращаетъ, хотя и есть при всѣхъ недостаткахъ, у него прекрасныя строфы. Размышленія о величествѣ Божіемъ при всѣхъ недостаткахъ хороши... Вспоманемъ его съ воздыханіемъ, подобно какъ творца Телемакиды со смѣхомъ, и утвердимъ тако, что г. Ломоносовъ толико отстоитъ отъ Тредьяковскаго, какъ небо отъ ада“²⁰⁾... „Итакъ, подражайте, авторы, красотѣ сего почтеннаго мужа (Ломон.) во красотѣ его лиричества“²¹⁾. Заключаетъ Сумароковъ статью свою „о стопосложеніи“.

Находили на Сумарокова иногда и такія минуты вдохновенія, что онъ, проникнутый чувствомъ уваженія къ ли-

¹⁹⁾ Ibid. стр. 248.

²⁰⁾ Соч. Сумарокова ч. X, стр. 72, 73, О стопосложеніи.

²¹⁾ Ibid. стр. 77.

рическому таланту Ломоносова, воспѣвалъ его даже стихами. Такъ, въ „Эпистолѣ о стихотворствѣ“²²⁾, давая наставленія лирическимъ поэтамъ, онъ говоритъ:

Когда имѣешь ты духъ гордый, умъ летущъ
И вдругъ изъ мысли въ мысль стремительно бѣгущъ,—
Оставь идиллію, элегію, сатиру
И драмы для другихъ: возьми гремящу лиру
И съ пышнымъ Пиндаромъ взлетай до небеси,
Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси:
Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пин-
дару подобенъ...

А ты, Штивеліусъ, лишь только вратъ способенъ²³⁾....

4) Но если къ Ломоносову относился Сумароковъ съ измѣнчивымъ доброжелательствомъ, то порицая, то восхваляя его, за то къ другому своему современнику, Тредьяковскому, который названъ въ приведенномъ отрывкѣ „Эпистолы“ Штивеліусомъ, онъ относился съ неизмѣннымъ и гордымъ пренебреженіемъ „Что до склада сего автора касается, говоритъ Сумароковъ, такъ это и критики не достойно, ибо всѣхъ читателей слуху онъ противенъ толико, что подобнаго писателя никогда ни въ какомъ народѣ отъ начала міра не бывало; а онъ еще былъ и профессоръ краснорѣчія! Всѣ его и стихотворныя сочиненія, и прозаическія, и переводы таковы“²⁴⁾. Въ подобномъ же тонѣ онъ начинаетъ и свой „Отвѣтъ на критику“²⁵⁾ Тредьяковскаго. „Не надлежало бы мнѣ отвѣтствовать на сочиненную противъ меня г. Т(редьяковскимъ) критику, ибо я въ ней кромѣ брани ничего не нашель; однако надобно его потѣшить и что нибудь на то написать, чтобъ онъ не подумалъ, что я его

²²⁾ Полное собраніе сочиненій А. П. Сумарокова. Изд. 2, 1787 г., ч. I стр. 336—348.

²³⁾ Ibid. стр. 347.

²⁴⁾ Полное собраніе соч. Сумарокова, ч. X, стр. 71.

²⁵⁾ Ibid. стр. 93—105.

такъ много уничтожаю, что ужъ и отвѣчать не хочу²⁶⁾. Затѣмъ, подраздѣливъ свою статью на 24 параграфа, онъ начинаетъ возрожать Тредьяковскому, частію приводя буквально слова изъ критики послѣдняго, частію же указывая только на смыслъ ея.—§ 1. Не дивлюсь, говоритъ Тредьяковскій, что поступка (sic) нашего автора (Сумар.) безмѣрно сходствуетъ съ цвѣтомъ его волосъ, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка и съ біеніемъ сердца. О какомъ онъ говоритъ біеніи сердца, того я не понимаю; впрочемъ сія новомодная критика очень преславна²⁷⁾. § 7. И хотя жъ оды свойство, говоритъ онъ, по мнѣнію авторову, что она

Взлетаетъ къ небесамъ, свѣргается во адъ
И, мчась въ быстротѣ во всѣ края вселенны,
Врата и путь вездѣ имѣетъ отворенны,
однако-де сіе не значить, чтобъ ей соваться
во всѣ стороны, какъ угорѣлой кошкѣ.—Я, какъ
угорѣлая кошка, не суюсь, а подлому изъясненію, какъ
угорѣлой кошкѣ, кромѣ его сочиненій ни въ какой
критикѣ мѣста не нахожу²⁸⁾. Подобная же пустая и,
большею частію, личная перебранка заключается и въ нѣ-
которыхъ другихъ параграфахъ; но есть и такія мѣста, ко-
торыя достойны замѣчанія по отношенію ко взглядамъ какъ
Тредьяковскаго, такъ и Сумарокова. Таковы параграфы 3
и 8.—§ 3. Въ одахъ требуетъ Тредьяковскій истори-
ческаго порядка и хулить, что Киръ упомянуть прежде
Юлія²⁹⁾, говоритъ Сумароковъ; но, продолжаетъ онъ: „исто-
рія въ одѣ должна быть непорядочна“²⁹⁾.—§ 8. Без-
порядокъ оды долженствуетъ быть порядо-
ченъ (говоритъ Тредьяковскій). Порядочный беспорядокъ
(возражаетъ Сумароковъ) есть любимое его изъясненіе, какъ
прекрасная красота, пріятная пріятность, горькая горесть,

²⁶⁾ Ibid. стр. 93.

²⁷⁾ Ibid. стр. 93.

²⁸⁾ Ibid. стр. 95.

²⁹⁾ Ibid. стр. 94.

сладкая сладость; а Буало не говорит, чтобъ въ Одѣ былъ порядочный беспорядокъ³⁰⁾, и въ подтвержденіе этого Сумароковъ приводитъ изъ *L'Art poétique* два стиха:

Son stile impetueux souvent marche au hazard,
Chez elle un beau désordre est un effet de l'art.

Изъ приведенныхъ параграфовъ не трудно замѣтить, что и тотъ и другой критикъ, основываясь на одномъ и томъ же источникѣ: *L'Art poétique* Буало, интерпретируютъ тогдашняго законодателя поэзіи различно. Дѣло идетъ о такъ называемомъ поэтическомъ беспорядкѣ въ одахъ. Тредьяковскій, требуя въ одахъ хронологическаго порядка при изложеніи историческихъ фактовъ и при упоминаніи историческихъ героевъ, не дѣлаетъ уступки и относительно пониманія „поэтическаго беспорядка“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: „беспорядокъ оды долженствуетъ быть порядоченъ“, заявляетъ онъ; Сумароковъ же, не допуская „историческаго порядка“ въ одахъ, не признаетъ порядочности и въ „поэтическомъ беспорядкѣ“, видя тутъ логическое противорѣчіе: да и самъ „Буало не говоритъ, чтобъ въ одѣ былъ порядочный беспорядокъ“, добавляетъ онъ. Оба критика стараются остаться послѣдовательными самимъ себѣ въ пониманіи этого важнаго теоретическаго пункта въ области лирической поэзіи, и между тѣмъ оба же на половину неправильно понимаютъ кодификатора, на котораго они ссылаются, такъ какъ Буало въ своей „Наукѣ о поэзіи“ съ одной стороны осмѣиваетъ тѣхъ римачей (*rimeurs*), которые даже въ поэтическомъ экстазѣ сохраняютъ дидактическій порядокъ времени при прославленіи подвиговъ героевъ³¹⁾, а съ другой—признаетъ поэтическій беспорядокъ въ одахъ (*désordre*) прекраснымъ (*beau*) и производящимъ въ своемъ родѣ эффектъ искусства (*un effet de l'art*)³²⁾.

³⁰⁾ Ibid. стр. 95.

³¹⁾ *L'Art poétique*, chant II, vv. 73—76.

³²⁾ Ibid., chant II, vv. 71—72.

Такимъ образомъ, Тредьяковскій не правъ въ пониманіи „историческаго порядка“ въ одахъ и правъ въ толкованіи „поэтическаго безпорядка“, осмѣливаясь называть его „порядочнымъ“, т. е., упорядоченнымъ съ внутренней стороны, въ смыслѣ психологическаго единства чувства, какъ понималъ это Баттѣ ³³⁾; Сумароковъ же обнаруживалъ узкое внѣшнее пониманіе „поэтическаго безпорядка“, но выказалъ осмысленное пониманіе „порядка историческаго“, заявивъ, что въ прославленіи героев нѣтъ нужды и не слѣдуетъ держаться такого порядка, такъ какъ-де „все равно, что о томъ героѣ говорить, котораго стихотворецъ воспѣваетъ, что о тѣхъ, которыхъ онъ съ нимъ сравниваетъ: исторія въ одѣ должна быть не порядочна“ ³⁴⁾.

Стоитъ обратить вниманіе и еще на нѣкоторые параграфы въ „Отвѣтѣ на критику“. Такъ въ § 13 Сумароковъ разсуждаетъ: „этотъ, эта, это за сей, сія, сіе имѣю (признаю) я за вольность, что въ одѣ положить нельзя, а въ трагедіяхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагать можно, ибо они слова не чужестранныя и не простонародныя; да я жъ кладу ихъ и очень рѣдко“ ³⁵⁾ — „Кладеть (Тредьяковскій) мнѣ въ порокъ, что я пишу опять за паки; но прилично-ли положить въ ротъ дѣвицѣ семнадцати лѣтъ, когда она въ крайней съ любовникомъ разговариваетъ страсти, между нѣжныхъ словъ паки, а опять слово совершенно употребительное, и ежели не писать опять за паки, такъ и который, которая, которое надобно отставить и вмѣсто того употреблять къ превеликому себѣ посмѣшеству неупотребительныя нынѣ слова: и же, я же, еже, которыя хорошо слышатся въ церковныхъ нашихъ книгахъ и очень будутъ дурны не только въ любовныхъ, но и въ героическихъ разговорахъ.... Я и общее употребленіе за уставъ же почитаю.... Тронуть сердце вмѣсто

³³⁾ Правила поэзіи. Сокращенный переводъ Аббата Баттѣ. 1808 г., стр. 90.

³⁴⁾ Полное собраніе соч. А. П. Сумарокова, ч. X, стр. 94.

³⁵⁾ Ibid. стр. 97.

привести въ жалость—говорить весь свѣтъ; такъ для чего такихъ мнѣ словъ не употреблять, которыхъ знаменованіе всѣ люди знаютъ и которыя всѣ люди употребляютъ. Это кажется мнѣ хуже, что г. Т(редьяковскій) сдѣлалъ себѣ правила, отмѣнныя отъ всего общества, и только самъ имъ слѣдуетъ“³⁶⁾. Въ этихъ ясныхъ и убѣдительныхъ разсужденіяхъ Сумарокова нельзя, конечно, не видѣть его стремленія расширить литературный русскій языкъ и сблизить его съ разговорнымъ.

Заслуживаютъ также указанія и параграфы 20 и 24. Изъ § 20 можно познакомиться съ тѣмъ интереснымъ фактомъ, какъ смотрѣли въ то время представители литературы на заимствованія изъ другихъ сочиненій не только нѣсколькихъ стиховъ, но и перевода цѣлыхъ мѣстъ. Тредьяковскій упрекаетъ Сумарокова за то, что его „Хоревъ“ взять весь изъ Корнелія, Расина и Вольтера, и паче изъ Расиновой Федры. Это не правда, возражаетъ Сумароковъ; а что есть въ ней подражанія, а стиховъ пять-шесть есть и переводныхъ, то я и укрывать не имѣлъ намѣренія, для того что то ни мало не стыдно. Самъ Расинъ, сей великій стихотворецъ и преславный трагикъ, въ лучшія свои трагедіи взялъ подражаніемъ и переводомъ изъ Еврипида въ Ифигенію *** стиховъ, въ Федру *** стиховъ, чего ему никто не поставитъ въ слабость, да и ставити невозможно“³⁷⁾. Подобный же взглядъ на заимствованія изъ другихъ авторовъ высказываетъ Сумароковъ и по поводу упрека Тредьяковскаго, что-де его „Эпистола о стихотворствѣ“ вся заимствована изъ Буало. „Кто захочетъ мою Эпистолу сличить съ Боаловыми о стихотворствѣ правилами, возражаетъ Сумароковъ,—тотъ ясно увидитъ, что я изъ Боало, можетъ быть, не болѣе взялъ, сколько Боало взялъ изъ Горациа, а что нѣчто изъ Боало взято, я въ томъ и запираюсь никогда не хотѣлъ“³⁸⁾.—Въ § 24 высказывается не лишенный интереса

³⁶⁾ Ibid. стр. 98.

³⁷⁾ Ibid. стр. 103.

³⁸⁾ Ibid. стр. 104.

взглядъ нашихъ критиковъ на количество дѣйствующихъ лицъ въ греческой и современной трагедіи. Тредьяковскій предупреждаетъ зрителей, чтобы они не удивлялись, что новая трагедія Сумарокова (Синавъ и Труворъ) будетъ состоять „изъ четырехъ только человѣкъ, ибо-де онъ всю ее возьметъ изъ Софокла, у котораго пять только человѣкъ дѣйствующихъ въ Эдипѣ лицъ и изъ сихъ-де пяти онъ одного выкинетъ“. — „Софокловъ Эдипъ съ хорами, возражаетъ Сумароковъ: такъ это дѣло весьма легкое, чтобъ изъ пяти дѣйствующихъ лицъ трагедію составить“³⁹). Это мѣсто интересно въ томъ отношеніи, что не только литературные представители, но и современное Сумарокову образованное общество сознавало необходимость въ большемъ количествѣ дѣйствующихъ лицъ въ драматическихъ произведеніяхъ, чѣмъ это было въ греческой трагедіи; Сумароковъ же объясняетъ и причину, почему возможное для греческой трагедіи является неудобисполнимымъ въ трагедіи современной: причина тому хоры, которые въ греческой трагедіи, до извѣстной степени, замѣняли собою дѣйствующихъ лицъ. Въ современной же драмѣ хоры не существуютъ, а потому и является необходимость въ увеличеніи числа лицъ для полноты развитія драматическаго дѣйствія.

5) Интересенъ взглядъ Сумарокова на такъ называемую слезную комедію. Извѣстно, что этотъ видъ драматической поэзіи, подвергся страшному гоненію въ эпоху процвѣтанія Французской классической драмы. Нашъ критикъ, желавшій быть „россійскимъ господиномъ Вольтеромъ“ и подражавшій ему во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи и прозы, тоже считалъ слезную комедію недостойною классическаго театра. Поэтому, когда одна изъ такихъ комедій „Евгенія“ Бомарше была переведена на русскій языкъ и съ большимъ успѣхомъ давалась на московской сценѣ, то Сумароковъ былъ крайне возмущенъ этимъ: онъ написалъ

³⁹) Ibid. стр. 105.

Вольтеру письмо съ жалобою на упадокъ общественнаго вкуса къ истинно драматическимъ произведеніямъ и, получивъ отвѣтъ отъ фернейскаго философа, разразился неистойвой филиппикой противъ переводчика „Евгеніи“ на русскій языкъ и, наконецъ, противъ самого общества. Негодующій протестъ этотъ выраженъ имъ въ Предисловіи ⁴⁰⁾ къ трагедіи „Димитрій Самозванецъ“. Жалуясь на общій упадокъ вкуса современниковъ, онъ между прочимъ говоритъ: „Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій... Такой скаредный вкусъ, а особливо въку Екатерины Великія, не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру; но онъ по сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургъ, и нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія и какъ нагло актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала; а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса Московской публики!... Конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ! Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ! и неужели вкусъ жителей московскихъ сходнѣе со вкусомъ сего подъячаго! Подъячему соплетать похвалы... толь маловмѣстно, коль не прилично... съѣзжавшимся видѣтъ Се миру, сидѣтъ возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи и думать, что, когда за вхоть заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ рассказывать исторіи своей недѣли громогласно. Вы, путешественники, бывшіе въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите, грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи, и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, съкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра... Отвѣтное письмо сего отличнаго автора (Вольтера)

⁴⁰⁾ Полное собраніе соч. А. П. Сумарокова, ч. 4, стр. 61—64.

и слѣдовательно отличнаго и знатока нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ, а особливо, что до скаредной слезной комедіи касается“⁴¹⁾.... И за тѣмъ слѣдуетъ письмо Вольтера⁴²⁾ къ Сумарокову. А такъ какъ письмо это находится въ тѣсной связи со взглядомъ нашего критика на слезную комедію, то мы приводимъ его цѣликомъ въ русскомъ переводѣ.

„Фернейскій замокъ, 26 февраля, 1769.

„Милостивый Государь!

„Ваше письмо и Ваши труды служатъ доказательствомъ, что гений и вкусъ свойственны всѣмъ странамъ. Очень ошибаются тѣ, которые говорятъ, что поэзія и музыка въ умѣренныхъ климатахъ ограничены. Еслибъ климатъ имѣлъ такую силу, Греція производила-бы и теперь Платоновъ и Анакреоновъ, какъ производитъ тѣ же самые плоды и тѣ же самые цвѣты; Италія имѣла-бы Горациевъ, Виргиліевъ, Аріостовъ и Тассовъ; а между тѣмъ въ Римѣ не осталось ничего кромѣ процессій, а въ Греціи кромѣ палочныхъ ударовъ. Значить, необходимы Государи, любящіе искусства, понимающіе и ободряющіе ихъ; они измѣняютъ климатъ, они заставляють произростать розы среди снѣговъ.

Такъ именно поступаетъ Ваша несравненная Государыня. Письма, которыми она меня удостоиваетъ, кажутся мнѣ полученными изъ Версаля, а Ваше-написаннымъ однимъ изъ моихъ собратовъ по французской Академіи. Князь Козловскій, передавшій мнѣ письма Ея (Императрицы) и Ваше, выражается такъ же, какъ и Вы, и я съ удовольствіемъ замѣчалъ это во всѣхъ Русскихъ дворянахъ, навѣщавшихъ меня въ моемъ уединеніи. Вы имѣете предо мною громадное преимущество, я не знаю ни слова изъ Вашего языка, а Вы владѣете моимъ въ совершенствѣ.—Я отвѣчу на всѣ

⁴¹⁾ Ibid. стр. 62—64. Ср. ч. VII, стр. 352: сатира Питъ и другъ его.

⁴²⁾ Ibid. стр. 64—67.

Ваши вопросы, въ которыхъ достаточно выражается Ваше чувство подъ видомъ сомнѣнія. Лъщу себя, милостивый государь, что схожусь съ Вами во мнѣнїи относительно всего.

Да, сударь, я смотрю на Расина, какъ на безспорно лучшаго изъ нашихъ трагическихъ поэтовъ, какъ на единственнаго, который говорилъ сердцу и разуму, какъ на единственнаго, который былъ истинно высокъ безъ всякой напыщенности, и который вложилъ въ дикцію неизвѣстное до него очарованіе. Онъ былъ также единственнымъ, который изображалъ любовь трагически, потому что до него Корнель хорошо выразилъ эту страсть только въ Сидѣ, а Сидъ не принадлежитъ ему. Почти во всѣхъ другихъ пьесахъ любовь или смѣшна, или нелѣпа.

Я также согласенъ съ Вами относительно Кино (Quinault). Это великій человекъ въ своемъ родѣ. Онъ не создалъ бы *L'Art poétique*; но и Буало не создалъ-бы *Армиды*.

Я подписываюсь подо всѣмъ, что Вы говорите о Мольерѣ и слезной комедїи, которая, къ стыду націи, замѣстила единственный истинный родъ комедїи, доведенный до совершенства неподражаемымъ Мольеромъ.

Со времени Ренара, который былъ рожденъ съ истиннымъ комическимъ гениемъ и одинъ приближался къ Мольеру, мы имѣли только какихъ-то уродовъ. Авторы, не способные даже на хорошую шутку, захотѣли составлять комедїи единственно изъ-за денегъ. У нихъ нѣтъ достаточно силы ума, чтобы создавать трагедїи; у нихъ нѣтъ достаточной веселости, чтобы писать комедїи; они не умѣютъ заставить говорить даже лакея. Они соединили трагическія приключенія съ буржуазными именами. Говорятъ, что есть нѣкоторый интересъ въ этихъ пьесахъ и что онѣ достаточно привлекательны, когда хорошо сыграны; это, быть можетъ, и такъ; я никогда не былъ въ состоянїи читать ихъ; но увѣряютъ, что комедїанты дѣлаютъ нѣкоторую иллюзію; эти незаконнорожденные я пьесы—ни трагедїи, ни комедїи; у кого нѣтъ лошадей, тотъ радъ тащиться и на лошакахъ.

Я двадцать лѣтъ не видалъ Парижа. Мнѣ сообщали, что тамъ не играютъ болѣе піесъ Мольера. Причина, по моему мнѣнію, та, что всѣ ихъ знаютъ наизусть; почти каждое мѣсто въ нихъ сдѣлалось пословицей; кромѣ того есть длиннота, интриги иногда слабы, а развязки рѣдко замысловаты. Онъ хотѣлъ только писать съ натуры, и онъ былъ, безъ сомнѣнія, величайшимъ живописцемъ.

Вотъ, милостивый государь, мое profession de foi, котораго вы желали. Мнѣ жаль, что Вы ходите на меня по плохому здоровью. Къ счастью, Вы моложе и далѣе будете приносить честь своей націи. Что касается меня, то я уже умеръ для моей.

Честь имѣю быть съ безграничнымъ уваженіемъ Вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою.

Вольтеръ.

Сопоставивъ страстную филиппику Сумарокова и письмо Вольтера, легко замѣтить, что и тотъ и другой относятся къ слезной комедіи съ явнымъ пренебреженіемъ и даже негодованиемъ, съ тою лишь разницею, что чувства эти у Сумарокова проявляются въ болѣе грубой формѣ, чѣмъ у Вольтера, такъ какъ у нашего критика, помимо тѣхъ причинъ, которыми руководствовался Вольтеръ, были еще свои поводы враждебно относиться къ слезной комедіи: это—чувство оскорбленнаго авторскаго самолюбія, чувство зависти, что этотъ новый „пакастый родъ“ драмы нашелъ „всенародную похвалу и рукоплесканіе“, тогда какъ во время представленія его собственныхъ трагедій, составленныхъ по всѣмъ правиламъ поэтическаго искусства, невѣжественная публика, сидя возлѣ самаго оркестра, грызла орѣхи... Какія жъ, однако, были истинныя и, такъ сказать, научно-литературныя причины быть недовольнымъ слезной комедіей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ письмѣ Вольтера, къ которому отсылаетъ читателей и нашъ критикъ, заявившій, что „отвѣтное письмо“ Вольтера „заключаетъ въ себѣ нѣсколько вопросовъ, а особливо, что до скаредной слезной комедіи касается“.

Засвидѣтельствовавъ свою солидарность со взглядами Сумарокова на Мольера и слезную комедію, Вольтеръ говоритъ, что эта комедія „къ стыду націи замѣстила единственный истинный родъ комедіи, доведенный до совершенства неподражаемымъ Мольеромъ... Авторы, не способные даже на хорошую шутку, захотѣли составлять комедіи единственно изъ-за денегъ. У нихъ нѣтъ достаточно силы ума чтобы создавать трагедіи... Они соединили трагическія приключенія съ буржуазными именами... Эти незаконнорожденные піесы—ни трагедіи, ни комедіи; у кого нѣтъ лошадей, тотъ радъ тащиться и на лошакахъ“. Значить, истинная причина недовольства слезной комедіей со стороны Вольтера (а слѣдовательно и Сумарокова) есть прежде всего изгнаніе со сцены „единственно—истиннаго рода комедіи, доведенной до совершенства неподражаемымъ Мольеромъ“: можно писать комедіи, можно и представлять ихъ на сценѣ, но комедіи эти должны быть въ духѣ Мольера, такъ какъ онъ довелъ этотъ видъ поэзіи до совершенства, и кодексъ поэтического искусства другого рода комедіи не признаеть. Между тѣмъ слезныя комедіи—это ни трагедіи, ни комедіи, въ нихъ „трагическія приключенія“ или высокое смѣшано съ низменнымъ, съ „буржуазными именами“, и такимъ образомъ піесы эти явились „незаконнорожденными (bâtardes)“ дѣтищами извращеннаго современнаго вкуса и не менѣе извращеннаго пониманія истинной комедіи современными драматическими писателями. Это другая причина недовольства слезными комедіями, и причина настолько серьезная, что, по сознанію самого Вольтера, онъ „никогда не былъ въ состояніи даже читать ихъ; онъ отъ другихъ только слышалъ, что „есть нѣкоторый интересъ въ этихъ піесахъ и что онѣ достаточно привлекательны, когда бываютъ хорошо сыграны“, но самъ провѣрить это явленіе не рѣшался и считалъ для себя излишнимъ, такъ какъ слезныя комедіи не подходили и не могли подходить подъ установленную и непреложную мѣрку классической французской комедіи.

6) Не удивительно поэтому, что нашъ критикъ въ „Разсмотрѣніи содержанія Евгеніи“⁴³⁾ признаетъ эту комедію незаконорожденною и героя ея считаетъ „достойнымъ висѣлицы за поруганіе религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ“. „Сей мерзкій повѣса, заключаетъ Сумароковъ, не слабости и заблужденію подверженъ, по безсовѣстности и злодѣянію“.

7) Остается указать на послѣднюю критическую статью Сумарокова... „Мнѣніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ“⁴⁴⁾. Послѣ небольшого предисловія, изъ котораго объясняется и самое названіе этой статьи,⁴⁵⁾ онъ представляетъ краткій разборъ слѣдующихъ трагедій: Цинны, Родогуны, Митридата, Ифигеніи, Федры, Анатолии, Брута, Заиры, Альзиры и Мероны. Разборъ этотъ можетъ служить образцомъ стилистической критики. Слѣдуя порядку содержанія разбираемой трагедіи, онъ высказываетъ свои „чувствія и разсужденія“ по поводу того или другаго мѣста, и разсужденія эти настолько однообразны, что о каждой трагедіи высказывается почти одно и то же. Приведемъ для характеристики нѣсколько примѣровъ.

Изъ разбора трагедіи Ифигенія: „Начало трагедіи прекрасно. Стихи великаго вкуса. Прологъ весь есть дѣло, достойное Расина. Второе явленіе прекрасно. Третье—прекрасно. Пятое явленіе достойно своего автора. Сіи стихи и слѣдующія въ сей Улисовой рѣчи весьма прекрасны (слѣдуютъ четыре стиха).—Второго дѣйствія первое явленіе меня не трогало, ибо сія эпіеда меня не оживляетъ, но усыпляетъ. Второе явленіе хорошо, но все сіе дѣйствіе почти не трогало сердца моего. Четыре первыхъ явленія прекра-

⁴³⁾ Ibid. стр. 67—68.

⁴⁴⁾ Ibid., стр. 325—356.—Судя по тѣмъ обращеніямъ, которыя дѣлаетъ Сумароковъ въ этой статьѣ, можно думать, что она написана была къ Вольтеру, какъ и предполагаетъ Новиковъ, первый издатель сочиненій Сумарокова.

⁴⁵⁾ Ibid. стр. 327: «былъ я сновидѣніемъ на театральныхъ представленіяхъ парижскихъ и видѣлъ нѣкоторыя трагедіи такъ живо, какъ на яву».

сны. Пятое явленіе весьма хорошо... Вся послѣдняя рѣчь Клитемнестры писана музами (приводится весь монологъ въ подлинникѣ). Волосы на мнѣ дыбомъ, сердце затрепетало, замерло, а по окончаніи явленія, въ минуту громчайшаго плеска, полилися изъ очей моихъ слезы. Въ сей статьѣ (т. е. мѣстѣ) восшелъ Французскій Еврипидъ на самый верхъ Парнаса“. „Агамемноновъ монологъ прекрасенъ. Явленіе шестое достойно Гомера.—Второе явленіе пятого дѣйствія весьма прекрасно; послѣднія рѣчи Ахиллеса и Ифигеніи мастерскія“, ⁴⁶⁾ и т. д., до конца, совершенно въ томъ же родѣ и томъ же духѣ, такъ что во всей статьѣ можно отмѣтить лишь два мѣста, выдѣляющіяся своею оригинальностью изъ приведеннаго выше шаблоннаго разбора. Одно мѣсто касается пролога въ Родогунѣ и другое— основной идеи въ трагедіи Заира. Относительно пролога Сумароковъ говоритъ: „по прослушаніи перваго дѣйствія Родогуну, былъ тѣмъ недоволенъ я, что прологъ составляютъ наперстники, и героя тутъ нѣтъ ни одного, что совсѣмъ моему вкусу противно, какими бы прекрасными стихами наперстники ни говорили“ ⁴⁷⁾. Взглядъ этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что критикъ нашъ вопреки ложноклассической теоріи, которой онъ слѣдовалъ, произносить правдивый судъ надъ наперстниками, вносящими эпическій и эпизодическій элементы, не свойственные драмѣ. Что же касается основной идеи въ Заирѣ, то Сумароковъ выражается такъ: „Брутъ когда нибудь можетъ войти больше въ моду въ Парижѣ, ибо изъ монархій республики дѣлаются; а Заира никогда изъ моды не выйдетъ; христіанскій законъ не исчезнетъ никогда, по словамъ вочеловѣчившагося Бога“ ⁴⁸⁾, т. е., другими словами: литературныя произведенія тѣмъ долговѣчнѣе, чѣмъ проводимая въ нихъ идея носить въ себѣ болѣе общечеловѣчскій характеръ.

⁴⁶⁾ Ibid. стр. 335—339. ⁴⁷⁾ Ibid. стр. 330.

⁴⁸⁾ Ibid. стр. 353.—Ср. соч. Сумароковъ ч. I, стр. 349: Не представляй того, что мнѣ на мигъ пріятно, но чтобы то дѣйствіе мнѣ долго было внятно (Эпистола о стихотворствѣ).

Вотъ краткій очеркъ тѣхъ немногихъ критическихъ статей Сумарокова, въ которыхъ онъ проявилъ себя, какъ присяжный критикъ и блюститель чистоты родного языка и порядка въ современной ему литературѣ. Но ограничиться разсмотрѣніемъ этихъ критическихъ замѣтокъ, хотя бы и типичныхъ самихъ по себѣ, было бы недостаточно, для того чтобы имѣть правильное сужденіе о Сумароковѣ, какъ критикѣ. Нужно знать во первыхъ, какими требованіями обусловливалась стилистическая наша критика того времени; во вторыхъ, сознавалъ ли Сумароковъ необходимость этихъ требованій, и, наконецъ, выходилъ ли общій литературный кругозоръ его за предѣлы чисто стилистической критики, по преимуществу обнаружившейся въ разсмотрѣнныхъ выше статьяхъ его и замѣткахъ. Только съ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ сдѣлается для насъ понятнымъ Сумароковъ, какъ критикъ.

Требованія, которыя должна была имѣть въ виду зарождавшаяся наша литературная критика, сводились къ „вычищенію російскаго слова“. Даже послѣ смерти Сумарокова, когда въ 1783 году учреждена была Россійская Академія, то въ уставѣ ея было написано: „Академія должна имѣть предметомъ очищеніе и обогащеніе русскаго языка; установленіе употребленія словъ; свойственное русскому языку витійство и стихотворство“. Въ 1786 году въ публичномъ собраніи славяно-греко-латинской академіи читана была рѣчь подъ названіемъ: „Разсужденіе о вычищеніи, удобреніи и обогащеніи російскаго языка“⁴⁹⁾, гдѣ литература прямо названа „чистословіемъ“⁵⁰⁾. „А чтобы и російскій языкъ обогатить и распространить, говоритъ авторъ названнаго разсужденія, для сего необходимо надлежитъ призвать въ помощь критическую грамматику, которая едина очищаетъ, удоб-

⁴⁹⁾ Это разсужденіе читано студентомъ философіи Вас. Протопоповымъ и напечатано въ Москвѣ «въ типографіи компаніи типографической» 1786 г.

⁵⁰⁾ Ibid. стр. 10.

ряетъ и обогащаетъ каждый языкъ“⁵¹⁾. Таковы были требованія отъ критики, не только современной Сумарокову, но и долгое время послѣ него. Поэтому справедливость требуетъ не тому удивляться, что критика Сумарокова прежде всего и по преимуществу касалась стили литературныхъ произведеній, а тому, что онъ первый печатно предъявилъ эти требованія критикѣ и что голосъ его нашелъ себѣ откликъ въ самой Россійской Академіи.

Сознавалъ ли Сумароковъ необходимость требованій стилистической критики? — Множество мѣстъ, разсѣянныхъ по разнымъ сочиненіямъ его, какъ прозаическимъ, такъ и стихотворнымъ, даютъ право думать, что онъ не только сознавалъ эти требованія, но и глубоко былъ убѣжденъ въ ихъ необходимости.

Начнемъ съ того, какъ смотрѣлъ Сумароковъ на русскій языкъ. Въ Эпистолѣ о стихотворствѣ и эпистолѣ о русскомъ языкѣ онъ даетъ такую общую характеристику его:

„Прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему“:⁵²⁾

„Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ“,⁵³⁾

„Языкъ нашъ сладокъ, чистъ, и пышенъ, и богатъ“.⁵⁴⁾

Поэтому не удивительно, что въ другомъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: „люблю я нашъ прекрасный языкъ и сталъ бы радоваться, ежели бы, познавъ онаго красоту, въ немъ русскіе люди больше нынѣшняго упражнялися и успѣха получали, и чтобы не языкъ, но свое нерадѣніе обвиняли“⁵⁵⁾.

Относясь съ такою любовію къ родному языку, само собою, Сумароковъ ненавидѣлъ всякую порчу его и искренно скорбѣлъ объ ней. Сочиненія его, можно сказать, испещрены жалобами на порчу языка. Кому только тутъ не

⁵¹⁾ Ibid. стр. 13.

⁵²⁾ Полное собраніе сочиненій А. П. Сумарокова, ч. I, стран. 348.

⁵³⁾ Ibid. стр. 331.

⁵⁴⁾ Ibid. стр. 334.

⁵⁵⁾ Соч. Сумарокова, ч. IX, стр. 310.

достается отъ нашего критика: и нѣмцамъ, и педантамъ и подъячимъ, и бездарнымъ пѣнтамъ, и даже самой Академіи наукъ. „Прекрасный и всѣхъ европейскихъ языковъ способнѣйшій языкъ російскій, говоритъ онъ, отъ иноплеменныхъ нарѣчій и отъ иноплеменническаго склада часть отъ часу въ худшее приходитъ состояніе⁵⁶⁾. Правописаніе наше подъячіе и такъ уже совсѣмъ испортили. А что свойственно до порчи касается языка, — нѣмцы насыпали въ него словъ нѣмецкихъ, петиметры — французскихъ, предки наши — татарскихъ, педанты — латинскихъ, переводчики Св. Писанія — греческихъ: опасно, чтобы Кирейки не умножили въ немъ и польскихъ словъ. Нѣмцы складъ нашъ по нѣмецкой учредили грамматикѣ. Но что еще больше портитъ языкъ нашъ? Худые переводчики, худые писатели, а паче всего худые стихотворцы“⁵⁷⁾. „Отъ чужихъ и не кстаги новосдѣланныхъ словъ погибли эллинскій и латинскій языки; варвары ихъ поразили. А мы прекрасный свой по естеству и древности языкъ, вмѣсто того чтобы вести его къ совершенству, сами портить начинаемъ... Но ежели умножатся у насъ стихотворцы и риторы, а при томъ по времени (современемъ) такое же, какъ у французовъ, учредится для исправленія и распространенія языка собраніе, — счастливы будутъ писатели потомковъ нашихъ“⁵⁸⁾. Но „о заведеніи ученаго въ словесныхъ наукахъ собранія, въ которомъ бы старались искусные писатели о чистотѣ російскаго языка и возрожденіи російскаго краснорѣчія, иноплеменники, наблюдая вражду къ російскому парнасу, никогда и не думывали, хотя такіа собранія необходимо нужны“⁵⁹⁾. Учреждается академическое собраніе, но оно, по словамъ Сумарокова, повело еще „къ пущему нашего языка паденію..., ибо сіе общество состоитъ частію изъ ученыхъ, но не изъ ученыхъ во словесности, а частію изъ неученыхъ. Такъ ни медикъ, ни

⁵⁶⁾ Ibid. стр. 317.

⁵⁷⁾ Ibid. стр. 311. Ср. «О коренныхъ словахъ Русскаго языка». ч IX, стр. 283.

⁵⁸⁾ Ibid. стр. 283.

⁵⁹⁾ Ibid. стр. 318.

господинъ пользы языку принести не можетъ, хотя бы медикъ тысячи людей освободилъ отъ чахотки, юристъ—отъ разоренія невиннаго отвѣтчика, физикъ постигъ бы первоначальныя частицы вещества, математикъ описалъ бы отстояніе дальнѣйшихъ неподвижныхъ нашему зрѣнію звѣздъ; но словесности потребенъ Овидій, Virgilій, Гораций, а не Локкъ, Невтонъ и Бургавенъ. Частію же сіе общество изъ дворянъ состоитъ, мало свѣдущихъ о словесныхъ наукахъ; а въ экипажахъ ихъ парнасу нѣтъ нужды, ибо на сію гору въ каретѣ никто не взѣзжалъ, а Пегасъ и въ одноколку никогда еще впрягаемъ не бывалъ. Опасно сіе собраніе словесности россійской нашего вѣка, а особливо ради того, что худо видящіе писцы, опираясь на цѣлое общество, и совсѣмъ ослѣпятся и въ неисходимую упадутъ бездну... Вы, нареченныя мною почтенныя особы, разберите мое предложеніе, скажите истину, ибо при такихъ обстоятельствахъ политика не вмѣстна. Языкъ нашъ сохраняемъ быти долженъ, ибо языкъ народа не бездѣлка. Впрочемъ, ежели сіе мое предложеніе маловажно, такъ я впередъ о семъ, можетъ быть, и упоминати не буду“⁶⁰⁾.

Читая столь пламенныя рѣчи и воззванія, можно ли сомнѣваться въ томъ, что Сумароковъ признавалъ стилистическую критику полезною и своевременною, и если онъ недостаточно проявилъ это въ отдѣльныхъ своихъ критическихъ статьяхъ, то взамѣнъ этого подробно развилъ требованія стилистической критики въ отдѣльныхъ статьяхъ по языку и во множествѣ другихъ замѣтокъ. Сюда относятся статьи: О правописаніи (ч. X, стр. 5—38), Примѣчаніе о правописаніи (ч. X, стр. 38—47), Наставленіе ученикамъ (ч. X, 47—50), Эпистола о русскомъ языкѣ (ч. I, стр. 331—336), О коренныхъ словахъ русскаго языка (ч. IX, стр. 279—287), О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка (ч. IX, стр. 274—278), О французскомъ языкѣ (ч. VII, стр. 368—370), О стопосложеніи (ч. X, стр. 50—77), Эпистола о стихотворствѣ (ч. I, стр. 336—349),

⁶⁰⁾ Полное собр. соч. Сумарокова ч. X, стр. 59, 60.

Наставленіе хотящимъ быти писателями (ч. I, стр. 357—369) и нѣкоторыя другія.

Систематическій обзоръ указанныхъ статей не можетъ входить въ задачу „зачатковъ русской литературной критики“, поэтому мы укажемъ только, на сколько широки были стилистическія требованія нашего критика.

Требованія стилистики начинаются у Сумарокова ab ovo: съ правописанія и грамматики. Вотъ напр. болѣе выдающіеся взгляды нашего критика на правописаніе.

Указывая на неправильное употребленіе Ломоносовымъ звука *e* вм. *i* въ словахъ достоенъ, бывшей и др. (вм. достоинъ, бывший), Сумароковъ замѣчаетъ: „наши потомки, конечно, истребятъ это, ибо сіе нововведенное правило не имѣетъ основанія ни на свойствѣ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на употребленіи, а единственно на произволеніи г. Ломоносова, или паче сказать—на семъ правилѣ, что г. Ломоносовъ былъ академикъ“ ⁶¹). „Сія литера *i* въ московскомъ нарѣчїи иногда перемѣняется въ половину *e* (на половину въ *e*), отчего, незная нѣжности Московскаго нарѣчїя, г. Ломоносовъ и во грамматику свою внесъ ее въ таковыхъ мѣстахъ литтерою *e*, что, къ удивленію моему и къ порчѣ языка, неискусными писателями и употребляется и что бы г. Ломоносовъ изъ своей грамматики, конечно, исключилъ, ежели бы еще нѣсколько пожилъ“ ⁶²). „Но чѣмъ пособить, когда Россія никакого не имѣетъ собранія, пекущагося о языкѣ и словесныхъ наукахъ (Россійская Академія, какъ извѣстно, учреждена была шесть лѣтъ спустя по смерти Сумарокова); да и въ школахъ ни россійскому правописанію, ни грамматикѣ россійской не учатъ. Это удивительно и достойно великаго примѣчанія. Какъ учить людей грамматикѣ и правописанію, ибо-де о томъ исправно не писано. Такъ на что же слѣдовати грамматикѣ г. Ломоносова? А грамматика во всѣхъ народахъ есть во естествѣ, и всегда писатели весьма хорошіе предшествовали грамматикѣ, ибо

⁶¹) Соч. Сумарокова ч. X, стр. 6.

⁶²) Ibid. стр. 16—17.

люди говорятъ и пишутъ не грамматикѣ слѣдуя, но разуму, основанному на естествѣ вещи; а грамматика устанавливается по народу и паче по авторамъ. Когда писалъ Гомеръ, тогда у Эллинь еще не было написано грамматики, но сей великій пійтъ и отецъ пійтовъ грамматику зналъ⁶³). Вотъ сколь высокое и оригинальное понятіе о грамматикѣ имѣлъ нашъ критикъ.

Не менѣе оригинальны, а иногда и справедливы сужденія Сумарокова и относительно нѣкоторыхъ другихъ звуковъ. Напр., по поводу *у* (ижицы) онъ говоритъ: „По какому правилу извергли мы изъ азбуки литеру *у*, которая есть краткое *у*? Ненадобна она ради слова синодъ, но необходима ради слова аурора (аурога)... и извержена сія изъ азбуки литера отъ короткаго (малаго?) разсмотрѣнія; чего ради ввести ее непремѣнно надлежитъ, ибо она необходима⁶⁴).

Относительно буквъ *ѳ*, *ѣ* и *з* (зѣло) Сумароковъ пишетъ: „литтеру *ѳ* извергъ г. Ломоносовъ по единому своему благоволенію. А что извержено *з*, такъ оно совсѣмъ ненадобно; такъ тѣ, которые его извергли, сдѣлали хорошо.— Спрашивалъ я г. Ломоносова, ради чего онъ *ѳ*, а не *ѳ* оставилъ, на что онъ мнѣ отвѣчалъ тако: эта-де литера стоитъ подпершися и, слѣдовательно, бодрѣе. Отвѣтъ издѣвочень, но не важень. А г. Тредьяковскій извергалъ литеру *з* и вводилъ *з*, оснуясь на азбукѣ, выданной при Государѣ Петрѣ I, но сей азбукѣ, соображающейся съ начертаніемъ латинскихъ литеръ, во типографіяхъ хотя и слѣдовали, однако отошли (отступили) отъ несвойственнаго намъ латинскаго начертанія и пристали ко своему, данному намъ отъ грековъ“⁶⁵). „*ѳ* и *ѳ* въ російскомъ языкѣ ве-

⁶³) Ibid. стр. 37. Ср. ч. VI, стр. 327, Къ типографскимъ наборщикамъ: «Законодавцемъ въ грамматикѣ быть не дерзаю, памятуя то, что грамматика повинуется языку, а не языкъ грамматикѣ».

⁶⁴) Ibid. стр. 9.—Ср. стр. 48: «литтера *у*, невинно изверженная изъ азбуки, тогда не надобна, когда она какъ *і* выговаривается, и необходима, когда яко краткое *у* произносится, напр. аурора и проч.»

⁶⁵) Ibid. стр. 10—11. Ср. стр. 30.

дены ради чужихъ словъ: *ѳ* ради всякихъ чужихъ, а *ѳ* ради только нѣкоторыхъ греческихъ; *ѳ* произносится хотя и не тако, какъ у грековъ, но гораздо нежнѣе, нежели *ф* ⁶⁶⁾.

Интересно, что Сумароковъ, отстаивая необходимость въ русской азбукѣ буквы *ъ*, высказываетъ почти такое же правило употребленія ея, какое практикуется и теперь въ школьныхъ грамматикахъ, а именно: „тамъ не ставится *е*, гдѣ сей гласъ въ *йо* не премѣняется, какъ: привелъ (привылъ) и проч.“ ⁶⁷⁾.

Основываясь на томъ, что „ни слова, ни связки словъ ⁶⁸⁾ никогда своего естества перемѣнять не должны, дабы они въ обновѣ не странны были взору нашему“ ⁶⁹⁾, Сумароковъ говоритъ, что въ предлогѣ *при*, даже передъ гласною, буква *и* никогда не должна замѣняться буквою *і* ⁷⁰⁾, и такого правописанія онъ держится повсюду. Между тѣмъ относительно другихъ предлоговъ, оканчивающихся на *э* (воз, раз и проч.), онъ создаетъ другое правило, хотя и согласное съ современнымъ правописаніемъ ⁷¹⁾, но противрѣчащее основному его принципу о „естествѣ“ языка. „Бывало ли отъ начала міра въ какомъ народѣ такое въ писаніи скардство, какого мы нынѣ дожили! восклицаетъ онъ противъ нарушителей этого правила. Возтокъ, источникъ, превозходительство! Конечно, паденіе нашего языка скоро будетъ, когда такая нелѣпица могла быть воспріята“ ⁷²⁾.

⁶⁶⁾ Ibid. стр. 49.

⁶⁷⁾ Ibid. стр. 18. Ср. стр. 49: «ежели *е* во престонародныхъ и во употребительныхъ общихъ и благороднымъ людямъ рѣчахъ претворяется въ *йо*, такъ тѣ слоги никогда съ *ъ* писаны быть не могутъ, а въ которомъ слогѣ *е* не претворяется въ *йо* въ разговорахъ, такъ рѣдко не *ъ* пишется».

⁶⁸⁾ Т. е. предлоги и союзы: стр. 13.

⁶⁹⁾ Ibid. стр. 16.

⁷⁰⁾ Ibid. стр. 15.

⁷¹⁾ Ibid. стр. 12.

⁷²⁾ Ibid. стр. 25.

Въ образованіи степеней сравненія Сумароковъ, какъ можно думать, придерживается современнаго говора. „Почему бы надлежало писать болѣе, прелестнѣе и проч., а не боляе и не прелестнае, я незнаю, говорить онъ: мы сокращаемъ иногда таковыя реченія, да и много мы такихъ вольностей къ украшенію нашего языка имѣемъ, хотя тѣмъ и мало пользуемся; такъ говоримъ мы: милія, а не милѣй, складняе, а не складнѣе и проч.“⁷³⁾ „Счетъ и мѣра степеней не имѣютъ, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ; но многіе пишутъ: первѣйшій, послѣднѣйшій, главнѣйшій, крайнѣйшій и проч. Такъ посему можно писать и говорить: камень трехпуднѣйшій, сукно шириною трехаршиннѣйшее и проч.“⁷⁴⁾ „Кто слыхалъ когда на какомъ другомъ языкѣ или читалъ и на нашемъ древнемъ такими степенями возвышаемыя и унижаемыя реченія: первѣйшій, главнѣйшій, послѣднѣйшій? Коль это правильно, такъ можно сказати будетъ: вторѣйшій, третѣйшій, четвертѣйшій и проч.“⁷⁵⁾ Очевидно, Сумароковъ не хочетъ соглашаться, что первый есть не только числительное порядковое, но и прилагательное качественное, какъ допускаетъ это, между прочимъ, и греческій языкъ: *πρώτος*.

Окончаніемъ для им. пад. мн. ч. именъ прилагательныхъ Сумароковъ признаетъ только я для всѣхъ трехъ родовъ. „Въ старину, говорить онъ, прилагательное въ разныхъ родахъ такъ писалось: великіи мужи, великія области, великія моря; съ чего же мы въ родѣ мужескомъ пишемъ великіе? Литтера *e* никогда роду мужескому не принадлежала въ нашемъ языкѣ; да и выговариваемъ мы: великія мужи; такъ, когда отставило употребленіе писать: великіи, — не должно ли писать во всѣхъ родахъ одинако? ибо великіе ни которому роду не свойственно, ниже роду мужескому въ нашемъ языкѣ, а великія свойственны двумъ родамъ, а по употребленію и третьему. Никто сего

⁷³⁾ Ibid. стр. 43.

⁷⁴⁾ Ibid. стр.

⁷⁵⁾ Ibid. стр. 60.

правила не устанавливалъ, но невѣжествомъ введено въ нашъ языкъ ко трудности и ко безобразію онаго⁷⁶⁾.

Указанными пунктами исчерпываются почти всё главнѣйшія правила Сумарокова относительно правописанія. Изъ нихъ мы видимъ, что Сумароковъ въ правописаніи своемъ держался прежде всего историческихъ традицій, какъ и самъ о томъ заявляетъ. „Мое правописаніе, говоритъ онъ, есть то же, которое наши разумные предки употребляли и которое несмысленные ихъ потомки, гордяся знаніемъ и не имѣя онаго, надменнымъ и дерзостнымъ умствованіемъ испортили“⁷⁷⁾. Затѣмъ, правила его основывались на природѣ или „естествѣ“ языка, и, наконецъ, на „употребленіи“ или живой рѣчи. Вслѣдствіе такого смѣшенія точекъ зрѣнія, и сужденія его о правописаніи отличаются большою оригинальностью и часто непослѣдовательностію; оттого-то у него на ряду съ разумными сужденіями о задачахъ грамматики о буквѣ *з* и о неправильной замѣнѣ Ломоносовымъ звука *і* звукомъ *е* (въ словѣ *достоенъ* и др.) встрѣчаются и такія толкованія, что сравнительная степень должна *де* оканчиваться на *яе* вм. *ѣе*, а им. падежъ мн. числа въ именахъ прилагательныхъ долженъ имѣть во всѣхъ родахъ одно окончаніе *я*, и т. п.

Требованія стилистической критики Сумароковъ не ограничиваетъ одними собственно грамматическими элементами: онъ слѣдитъ еще за ясностью, точностью и простотою языка⁷⁸⁾, за неологизмами и барбаризмами, за правильнымъ синтаксическимъ строемъ рѣчи, и наконецъ, посвящаетъ цѣлую статью русскому стихосложенію. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія мысли его относительно неологизмовъ и барбаризмовъ и статья о стопосложеніи.

И. Бѣлоруссовъ.

(Продолженіе будетъ).

⁷⁶⁾ Ibid. стр. 29, 30.

⁷⁷⁾ Ibid. стр. 32.

⁷⁸⁾ Соч. Сумарокова ч. I, стр. 332, 333: Эпистола о русскомъ языкѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ СВѢДѢНІЙ ИЗЪ ЛОГИКИ КЪ ЧТЕНІЮ И ПИСАНІЮ СОЧИНЕНІЙ.

(Добавленіе къ „Методикѣ преподаванія русскаго языка“).

Логика въ томъ видѣ, въ какомъ преподается у насъ въ школахъ, считается наукою трудною, мало доступною для учениковъ. Въ лучшемъ случаѣ ученики усваиваютъ ее какъ школьный предметъ, но потомъ не знаютъ, что дѣлать со свѣдѣніями изъ логики; развѣ только, ради шутки, кто-нибудь припомнитъ логическій курьезъ — „софизмъ рогатый, покрытый“ и проч. То обстоятельство, что логика отнесена къ высшимъ классамъ реальныхъ училищъ и гимназій, уже показываетъ, что на нее смотрятъ, какъ на предметъ нужный гдѣ-то впереди, а не при изученіи наукъ въ школахъ. Изъ этого само собою дѣлается понятнымъ то, что относится къ постановкѣ этого предмета. По настоящему, логика должна предшествовать изученію всѣхъ учебныхъ предметовъ или изучаться одновременно съ ними: въ самомъ дѣлѣ, при изученіи имени существительнаго, даже въ приготовительномъ классѣ, предметы дѣлятся на чувственные и отвлеченные, а объ отвлеченіи логика будетъ говорить только въ 7-мъ классѣ; о наклоненіяхъ нужно говорить въ первомъ классѣ, а въ 7 классѣ—о сужденіяхъ по степени достовѣрности. Ученикъ съ самаго начала въ разныхъ учебникахъ встрѣчается съ опредѣленіями, ощупью и самъ дѣлаетъ ихъ, дѣлаетъ и логическое дѣленіе, читаетъ и пишетъ общія описанія, анализируетъ разсужденія, пишетъ сочиненія на отвлеченныя темы, а между тѣмъ всѣ свѣдѣнія изъ логики, необходимыя для этихъ работъ, сообщаются далеко послѣ: не мудрено, что какъ анализъ, такъ и самостоятельныя сочиненія учениковъ отличаются пустословіемъ, отсутствіемъ опредѣленныхъ приемовъ; русскій языкъ

становится предметомъ безплоднымъ, вертящимся около стилистики и орѳографіи—иначе и быть не можетъ безъ поддержки логики.

Безплодности школьной логики много способствуетъ и порядокъ, принятый въ учебникахъ: говорится, напр., въ самомъ началѣ учебника объ основныхъ законахъ мышленія, тогда какъ ученики еще не знаютъ ни элементовъ, надъ которыми мышленіе работаетъ, ни процесса мышленія. Говорится, что есть какой-то странный законъ тождества, по которому мы мыслимъ: столъ есть столъ, дерево есть дерево, $A = A$; но для ученика совершенно непонятно, при чемъ законъ тождества въ такомъ сужденіи, какъ—дерево есть растеніе. Непонятно, какое примѣненіе можно сдѣлать изъ этого закона при повѣркѣ мышленія, при отыскиваніи истины.

По нашему мнѣнію, долженъ быть слѣдующій порядокъ:

1. Воспріятіе посредствомъ внѣшнихъ чувствъ.
2. Дѣйствіе способностей сохраняющей и воспроизводящей т. е. памяти и воображенія: продуктъ—представленіе.
3. Способность перерабатывающая—разсудокъ: продуктъ—понятіе.
4. Изъ понятій, по законамъ тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія, создаются сужденія.

5. Логическое опредѣленіе и дѣленіе.

6. По закону достаточнаго основанія могутъ быть высказаны и основанія—отсюда ученіе о доказательствахъ индуктивныхъ и дедуктивныхъ.

Все это должно въ общихъ чертахъ войти въ курсъ первыхъ четырехъ классовъ; потомъ уже выясняется въ деталяхъ и систематизируется.

Учить логики нужно на урокахъ всѣхъ предметовъ, но здѣсь имѣется въ виду только русскій языкъ. Необходимою частію логики, какъ видно изъ этого плана, я считаю нѣкоторыя свѣдѣнія, относимыя, обыкновенно, къ психологій.

Внѣшнія чувства.

Читается „Зимняя дорога“ Пушкина.

Дорога пролегаетъ по полянамъ; по ней бѣжитъ тройка; ни огня, ни черной хаты, только попадаются полосатые верстовые столбы; сквозь волнистые туманы свѣтитъ луна.

Все это можно видѣть глазами. Глаза—органы зрѣнія.

Мы видѣли куклу съ глазами; видитъ-ли она что-нибудь? Видѣть можетъ только живой предметъ: душа смотритъ на предметы глазами; объ этомъ говорятъ такъ: душа воспринимаетъ впечатлѣнія отъ предметовъ.

Гремитъ колокольчикъ однозвучный; ямщикъ поетъ пѣсни.

Это узнаемъ мы слухомъ. Органы слуха—уши.

Зрѣніе и слухъ—внѣшнія чувства. Какія еще внѣшнія чувства извѣстны вамъ?

Внутреннее чувство. Душа воспринимаетъ впечатлѣнія; отъ этого человѣку бываетъ иногда пріятно, иногда непріятно, то весело, то скучно, то страшно: у человѣка въ душѣ является внутреннее чувство. Печальны поляны, печально свѣтитъ луна; дорога скучна; колокольчикъ утомительно гремитъ. Какое внутреннее чувство здѣсь выражено? Какое чувство пробуждаютъ пѣсни ямщика?—(„то разгулье удалое, то сердечная тоска“).

Практическое приложеніе. При чтеніи художественныхъ произведеній—вообще, а лирическихъ и описаній—въ особенности полезно, производя анализъ, ставить вопросы: что и какимъ чувствомъ воспринято авторомъ? какое внутреннее чувство у автора? Въ такихъ описаніяхъ, какъ „Рейнскій водопадъ“ Карамзина и Жуковского, „Южно-русскія степи“ Гоголя, этимъ способомъ отчасти опредѣляется порядокъ изложенія. Анализируя такимъ образомъ, мы подсматриваемъ процессъ добыванія матеріала самимъ авторомъ; видимъ, что авторъ говоритъ о воспріятіяхъ то зрѣнія, то слуха... говоритъ и о внутреннемъ чувствѣ. Можно и учениковъ заставить дѣлать пересказы въ такомъ порядкѣ: а) воспріятія зрѣнія, б) слуха и т. д. Въ лири-

ческихъ произведенійхъ различается два элемента: а) явленія, воспріятыя внѣшними чувствами и б) внутреннее чувство, пробужденное явленіями.

Представленіе.

Прочитано уже стихотвореніе „Зимняя дорога“: Помните ли вы что-нибудь изъ прочитаннаго о зимней дорогѣ? Разъ въ нашей душѣ нарисовалась зимняя дорога—эта картина хранится въ нашей памяти; мы говоримъ: у насъ есть представленіе о зимней дорогѣ. Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ—прежнее забудемъ, но не совѣмъ: объ этомъ прежнемъ мы теперь только не думаемъ, или какъ говорятъ: не сознаемъ, оно находится за предѣлами нашего сознанія; когда понадобится, вспомнимъ—у насъ есть память; мы можемъ воспроизвести и представить себѣ картину дороги—эта способность воображеніе. Вы видѣли городской садъ; представьте его въ своемъ воображеніи, скажите, что тамъ вы видѣли, слышали, чувствовали и т. д.

У Жуковского читаемъ: „Гдѣ-же ты, птичка?

Гдѣ-жь ты, пѣвчичка?

Въ дальнемъ краю

Гнѣздышко въешь ты,

Тамъ и поешь ты

Пѣсню свою“.

Видѣли-ль вы птичку? есть-ли у васъ представленіе о птичкѣ? Видѣли-ль вы „дальній край“, въ который улетаеъ птичка? можетъ быть, слышали о немъ? читали? можете-ли вы вообразить, представить себѣ? Здѣсь нужно выяснитъ, что дальній край можно представить только съ тѣми чертами, какія намъ извѣстны изъ наблюденій; напр., еслибы намъ кто-нибудь сказалъ, что въ дальнемъ краю растутъ золотыя яблоки, то мы могли бы это представить только потому, что видѣли и золото и яблоки.

Мы можемъ представить себѣ предметъ, который никогда не видѣли; эта способность называется не просто воображеніемъ, а фантазіей. Фантазія можетъ создать изъ

готовыхъ представленій такой предметъ, какого вовсе не существуетъ. Разбираются баллады „Утопленникъ“ и „Бѣсы“; анализируются фантастическіе образы утопленника, бѣса, цѣлаго роя бѣсовъ: всѣ отдѣльныя черты окажутся не фантастическими.

Ассоціація представленій. Читается „Зимняя ночь въ деревнѣ“ Никитина. Предметы: мѣсяцъ, снѣгъ, храмъ съ крестомъ, замеченное снѣгомъ село, крестьянскій людъ. Все это отдѣльные предметы, но Никитинъ говоритъ обо всѣхъ, потому что представленія о нихъ появились на одномъ мѣстѣ — въ деревнѣ, въ одно время — въ зимнюю ночь: они смежны по мѣсту и по времени. Разсмотримъ порядокъ подробнѣе:

Упомянувъ о сіяніи мѣсяца, авторъ сейчасъ же говоритъ о блескѣ снѣга, потому что первое — причина, второе — слѣдствіе: они смежны и по времени, и по мѣсту, и по причинности; такое же отношеніе имѣетъ къ мѣсяцу и освѣщенный храмъ и блестящій крестъ. За храмомъ сейчасъ же говорится о крестѣ, потому что крестъ — часть храма: цѣлое и часть смежны по мѣсту. При упоминаніи о сверкающемъ снѣгѣ у автора является представленіе объ огнѣ, потому что сверкающій снѣгъ и огонь сходны; по сходству же при блестящемъ крестѣ является представленіе о свѣчкѣ.

Представленія обо всѣхъ этихъ предметахъ улеглись рядомъ въ первыхъ двухъ куплетахъ по ближайшей связи между ними — одни по смежности, другія по сходству; кромѣ того всѣ эти предметы еще сходны по дѣйствию на душу автора: они производятъ пріятное чувство. Въ остальныхъ куплетахъ — сонное село съ занесенными избами, тишина, сонъ измученныхъ крестьянъ — все производитъ чувство печали: между ними также сходство по дѣйствию на душу.

Упомянуто пустынное село и сейчасъ же избы: изба — часть, село — цѣлое (смежность по мѣсту); кромѣ того это можно видѣть. Тишина улицъ уже дѣйствуетъ на слухъ, а не на зрѣніе; вслѣдъ за этимъ вызывается представленіе о лаѣ собакъ по противоположности.

Все, о чемъ сказано въ первыхъ четырехъ куплетахъ, находится снаружи и это можно видѣть или слышать. Въ

послѣднемъ куплетѣ говорится о томъ, что́ внутри, въ избахъ; о томъ, что́ тамъ дѣлается, можно только догадаться и вообразить.

Порядокъ слѣдующій: а) рассказывается о томъ, что можно видѣть, б) что можно слышать и наконецъ—в) что можно вообразить. Въ каждой части о предметахъ, которые въ ближайшей связи между собою, говорится подрядъ: о предметахъ, близкихъ по мѣсту, времени, по сходству и проч. и представленія располагаются рядомъ, находятся въ связи. Это называется ассоціаціей представленій. Ассоціаціи основываются на смежности и сходствѣ (сюда же относится противоположность).

Для большаго выясненія дѣти могутъ анализировать и свои ассоціаціи: преподаватель можетъ назвать нѣсколько предметовъ и спросить, о какихъ предметахъ они сейчасъ же вспомнили; напр.: если назвать „лѣто“, то у одного явится представленіе о дачѣ, у другого — о деревнѣ, у третьяго — о городской духотѣ.

Тропы. На ассоціаціяхъ представленій основывается употребленіе троповъ. Сравненіе, метафора, олицетвореніе, аллегорія, гипербола и иронія основываются на ассоціаціи сходства, — метонимія и синекдоха — на ассоціаціи смежности.

1. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ.

При взглядѣ на степь, по сходству является представленіе объ океанѣ — отсюда сравненіе: „степь представлялась океаномъ“. Цвѣты, тоже по сходству, вызываютъ представленіе о брызгахъ — является метафора: „цвѣты брызнули“.

„Желтый дрокъ выскакивалъ своею пирамидальною верхушкою“. При взглядѣ на дрокъ, по сходству — вызывается представленіе о прыскавшемъ живомъ существѣ — отсюда олицетвореніе.

Крыловъ увидѣлъ, что Моська лаетъ на слона; по ассоціаціи сходства у него является мысль: а вѣдь и съ людьми бываетъ такъ же. Крыловъ и рассказываетъ о слонѣ

и Москвѣ такъ, что у всякаго читающаго является та-же ассоціація.

2. „А видѣлъ ли слона? каковъ собой на взглядъ! я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ“. Представленіемъ о слонѣ, по сходству, вызывается представленіе о горѣ (гипербола).

3. При взглядѣ на маленькаго слабаго человѣка у насъ, по сходству, является представленіе о другихъ людяхъ; но при этомъ мы замѣчаемъ и различіе, даже находимъ противоположность этого человѣка съ другими—съ болѣшими и сильными; противорѣчіе можетъ быть до того рѣзкимъ, что представляется смѣшнымъ—и вотъ это мы и выставляемъ на видъ, говоримъ: „вотъ великанъ!“

4. Утро освѣтило пушки и лѣса синія верхушки“. Солнце восходитъ утромъ—смежность по времени: если говоримъ: освѣтило утро, то по ассоціаціи является само собою представленіе о восходящемъ солнцѣ—отсюда и возможна метонимія. Метонимія образуется по закону смежности, исключая смежность части съ цѣлымъ: на смежности части съ цѣлымъ основывается синекдоха. Если изъ окна показалась рука, то у меня является представленіе о человѣкѣ, которому принадлежитъ рука (часть смежна съ цѣлымъ по мѣсту). „У него 5 головъ скота“: представленіемъ части вызывается представленіе цѣлаго—синекдоха.

В. Нѣтъ нужды подбирать такіе, какъ вышеприведенные примѣры для психологическаго объясненія троповъ: это дѣлается при случаѣ, когда встрѣчается тропъ при чтеніи.

Мышленіе.

Мышленіе работаетъ надъ представленіями; этой работѣ много способствуетъ наша способность къ ассоціаціямъ, особенно—основаннымъ на сходствѣ.

У Тургенева (въ Запискахъ охотника) представленъ лѣсокъ въ жаркій лѣтній день. Самъ Тургеневъ лежитъ на землѣ вверхъ лицомъ подъ кустомъ орѣшника, надъ которымъ возвышается кленъ. Касьянъ, его спутникъ, садится на сруб-

ленной березѣ; гѣни деревьевъ колеблются на лицѣ Касьяна. Тургеневъ смотритъ въ небо; оно ему представляется океаномъ, облака—островами; деревья, какъ будто, опускаются своими вѣтвями, похожими на корни, въ океанъ; листья переплетаются, колеблются; переливаются изумрудными, золотистыми, темнозелеными цвѣтами. Вотъ набѣжалъ вѣтерокъ—и листья такъ затрепетали, какъ будто океанъ подернулся рябью.

Здѣсь представленъ лѣсъ такъ, какъ видѣлъ его Тургеневъ въ извѣстный моментъ, представленъ именно тотъ, а не иной лѣсъ; взято только одно мѣсто, гдѣ орѣшникъ съ кленомъ; кромѣ того Тургеневъ смотритъ на лѣсъ, лежа вверхъ лицомъ. Измѣнись всѣ эти условія—и лѣсъ приметъ другой видъ. Тургеневъ далъ намъ свое представленіе (поэты, обыкновенно, даютъ представленія) объ одномъ лѣсѣ. У насъ при чтеніи, по ассоціаціи сходства, могутъ появиться представленія о всѣхъ видѣнныхъ нами лѣсахъ; въ этихъ лѣсахъ, кромѣ орѣшника и клена, встрѣчались и дубъ, и осина, и ель, и сосна и проч. Мы видѣли эти лѣса въ разное время, въ разныхъ пунктахъ, рассматривали ихъ сидя, лежа, стоя, ѣдучи и проч. Всѣ частности, мелочи мы забыли, а помнимъ только то, что общее во всѣхъ лѣсахъ: мы имѣемъ понятіе вообще о лѣсѣ—и объ этомъ можемъ сказать. Такъ поступаетъ Аксаковъ—онъ говоритъ вообще о лѣсѣ.

Вотъ признаки всякаго лѣса: лѣсъ—красота природы, защита отъ засухи, отъ жары.

Лѣсъ бываетъ (по породамъ) разный—двухъ видовъ: а) хвойный, б) лиственный.

Видовые признаки: а) у хвойнаго лѣса—иглы, не опадающія на зиму; б) у лиственнаго лѣса—листья, ежегодно мѣняющіеся.

Виды лиственныхъ деревьевъ: а) просто лиственные, б) ягодныя, в) кусты.

Виды просто лиственныхъ деревьевъ съ ихъ признаками: а) береза развѣсиста, свѣтло-зеленая, бѣлоствольная; б) липа стройна, кудрява...

Виды лѣса по возрасту: а) заросль и б) старый лѣсъ.

Далѣе говорится о признакахъ заросли, потомъ—старого лѣса.

Аксаковъ говоритъ въ своемъ описаніи не о томъ, какое у него представленіе о томъ или другомъ лѣсѣ, а о томъ, какое онъ имѣетъ понятіе о лѣсѣ вообще и о его видахъ.

Составленіе общаго понятія.

1. Рисуемъ, напр., нѣсколько треугольниковъ, четырехугольниковъ и пятиугольниковъ; замѣчаемъ: въ первыхъ случаяхъ нѣкоторое пространство заключено тремя прямыми линіями; во вторыхъ—нѣкоторое пространство заключено четырьмя прямыми линіями; въ третьихъ случаяхъ нѣкоторое пространство заключено пятью прямыми линіями.

Отдѣляемъ, или, какъ говорится, отвлекаемъ общіе признаки: а) нѣкоторое заключенное пространство, б) прямыя линіи, да еще замѣчаемъ у всѣхъ, в) углы.

Дѣлаемъ синтезъ, т. е. соединяемъ всѣ признаки въ одно цѣлое: нѣкоторое пространство, ограниченное прямыми линіями, сходящимися углами.... Остается дать названіе—угольникъ. „Угольникъ“—это общее родовое понятіе; найденные признаки называются содержаніемъ понятія. Какъ мы составили это понятіе? Сперва рассматривали, анализировали нарисованное; потомъ, сравнивая, нашли общіе признаки; далѣе общіе признаки отвлекли, и наконецъ соединили ихъ, синтезировали: произошло четыре процесса—а) анализъ, б) сравненіе, в) отвлеченіе, г) синтезъ.

2. Далѣе мы находимъ, что всѣ эти угольники можно раздѣлить на три группы, или вида: угольники перваго вида имѣютъ три стороны и три угла, втораго—четыре стороны и четыре угла, третьяго—пять сторонъ и пять угловъ. Родовое понятіе мы дѣлимъ на три вида или видовыя понятія: треугольникъ, четырехугольникъ и пятиугольникъ. Три вида—это объемъ понятія „угольникъ“.

Сказать признаки каждаго вида (при каждомъ повто-

рять и родовые признаки). Сравнить содержаніе родового и видового понятія.

3. Беремъ для разсмотрѣнія четырехугольники, замѣчаемъ, что и между ними есть разные: дѣлимъ на виды—тогда уже понятіе четырехугольникъ принимается за родовое. Дѣленіе производится до недѣлимыхъ.

4. Потомъ можно поступить обратно: Жуковъ, Волковъ, Петровъ, Лебедевъ и проч. это все ваши товарищи; отыскиваются общіе признаки и создается видъ—„ученикъ 2-го класса“. Берутся параллельные, соподчиненные виды: ученикъ 1-го класса, ученикъ 2-го класса и проч.; создается родъ—ученикъ N-ой гимназій и т. д.

Общее понятіе—родовое и видовое—имѣетъ имя, которое въ грамматикѣ называется общимъ или нарицательнымъ именемъ.

Отвлеченное понятіе. Мы видимъ въ классѣ нѣсколько столовъ—всѣ они желты; отвлекаемъ этотъ признакъ и представляемъ его отдѣльно, говоримъ—„желтизна“. Видимъ—человѣкъ ходитъ, лошадь ходитъ, птица ходитъ.... отвлекаемъ общій признакъ—ходьба. Понятія—желтизна, ходьба—называются отвлеченными понятіями (въ грамматикѣ—отвлеченные предметы). При образованіи этихъ понятій совершается не четыре, а три процесса: а) анализъ, б) сравненіе, в) отвлеченіе.

Это необходимо знать, такъ какъ отвлеченныя понятія очень часто встрѣчаются въ темахъ для разсужденій, напр. у Карамзина—„О любви къ отечеству и народной гордости“.

Единичное понятіе. Можно еще составить единичное понятіе.

Примѣчаніе. Въ логикахъ, обыкновенно, о единичныхъ понятіяхъ умалчивается: они отождествляются съ представленіями. По Миллю, собственныя имена—Марія, Петръ не даютъ намъ никакого понятія о лицахъ, которымъ принадлежатъ эти имена. Это такъ; но такія имена, какъ Дж. Стюартъ Милль, Петръ I, Суворовъ Рымникскій и проч. даютъ очень опредѣленное, обильное по содержанію понятіе. Тѣ же логики, которыя умалчиваютъ о единичныхъ понятіяхъ,

признають два способа образованія понятія: а) сравненіе нѣсколькихъ предметовъ между собою, б) сравненіе предмета съ самимъ собою. Вторымъ способомъ и можетъ образоваться единичное понятіе. Въ представленіе входятъ всѣ признаки—и постоянные и временные; напр.: если я видѣлъ человѣка съ прыщиками на лицѣ—они будутъ въ моемъ представленіи. Не то въ понятіи: для образованія понятія объ этомъ человѣкѣ я долженъ, по пословицѣ „сѣсть съ нимъ пудъ соли“, т. е. нужно наблюдать надъ нимъ въ продолженіе значительнаго періода жизни и найти признаки постоянные, отвлечь ихъ и синтезировать, т. е. произвести тѣ-же логическіе процессы, которые нужны для образованія общаго понятія. Характеристики и біографіи даютъ намъ матеріалъ для образованія единичнаго понятія.

Суворовъ. Милютинъ (конспектъ).

Суворовъ отъ природы былъ малоросль, худоцавъ, слабъ физически; но у него былъ бойкій, живой умъ, твердый характеръ.

Отецъ предназначалъ его къ гражданской службѣ, потому не записалъ въ полкъ, а заставлялъ учиться разнымъ наукамъ и языкамъ. Читая Плутарха и Корнелія Непота, Суворовъ плѣнился военною славою и потому поступилъ въ военную службу, которую началъ рядовымъ и медленно проходилъ всѣ степени.

При своемъ развитіи Суворовъ сознавалъ нужду спеціальнаго военнаго образованія: вмѣсто развлеченій онъ предавался этому дѣлу.

При энергіи и твердой волѣ онъ исполнялъ прямыя обязанности педантически.

Страя честолюбіемъ, онъ избралъ средствомъ выдвинуться—оригинальность.

Подъ странностями скрывался русскій оригинальный умъ съ нѣкоторою хитростію. Суворовъ усвоилъ и внѣшніе приемы, языкъ и обрядность солдатъ и простолюдина—вообще.

Странностями Суворовъ создалъ независимое положеніе при Дворѣ.

Какъ интеллигентный человекъ, Суворовъ не былъ чуждъ интересовъ высшаго общества.

Содержаніе понятія—Суворовъ:

1. Суворовъ былъ малоросль, худощавъ, слабъ.
2. У него былъ бойкій, оригинальный русскій умъ съ хитростію.
3. При твердой волѣ на службѣ онъ развилъ предприимчивость, энергію, находчивость, привыкъ къ спартанскому образу жизни и къ строгому выполнению обязанностей.
4. Умъ съ твердостью воли, а также исключительныя условія жизни развили въ немъ оригинальность, приемы, языкъ и религиозную обрядность простолюдина. Сильный умъ привелъ къ серьезному развитію.

Это синтезъ постоянныхъ признаковъ понятія „Суворовъ“: всѣ эти признаки были въ натурѣ Суворова, какъ русскаго человека съ бойкимъ хитрымъ умомъ и твердою волею при физической невзрачности, и вслѣдствіе этого, при неблагоприятныхъ условіяхъ жизни.

С у ж д е н і е.

Много разъ я видѣлъ лошадь и составилъ о ней понятіе; теперь я увидѣлъ еще лошадь и говорю: „это тоже лошадь“, т. е. это такой же предметъ, какіе я видѣлъ прежде и которымъ я далъ имя „лошадь“. О томъ предметѣ, который теперь вижу, я сужу: вышло сужденіе (въ грамматикѣ—предложеніе). Въ сужденіи „—это лошадь“—замѣнимъ мѣстоименіе „это“ именемъ, выйдетъ: „лошадь есть лошадь“, т. е. теперешняя лошадь равняется прежней лошади. Формула этого сужденія: $A = A_1$.

Въ сужденіи сопоставляются два понятія, между которыми есть тождество въ признакахъ.

Законъ тождества. Въ правильномъ сужденіи соблюдается, такъ называемый, законъ тождества. Формула приведена выше.

Но положимъ—этотъ предметъ не лошадь (напр. осель): потому же закону мы говоримъ: „это не лошадь“. Формула: $A \neq N$.

Скрытое тождество. „Рѣка течетъ“—по видимому, нѣтъ тождества; но слово „рѣка“ значитъ „текущая“ (отъ „рѣю“—теку); выходитъ: „текущая течетъ“—тождество есть. „Бирюкъ—волкъ“, „географія—землеописаніе“—между подлежащимъ и сказуемымъ тождество, хотя слова по звукамъ разныя: это синонимы. Формула: $A = B$.

Отсутствіе тождества въ словесномъ выраженіи. Въ сужденіи—„лошадь домашнее животное“—подлежащее видовое понятіе, сказуемое—родовое: число предметовъ, означаемыхъ словомъ „лошадь“ меньше, чѣмъ означаемыхъ словомъ „домашнее животное“: объемъ видового понятія меньше объема родового; содержаніе же, наоборотъ, больше. По объему: $A < B$, по содержанію $A > B$; слѣдовательно: $A = B$. Но строгость такого положенія трудно доказать. Равенство между подлежащимъ и сказуемымъ проще выясняется болѣе точнымъ выраженіемъ: „лошадь—одно (нѣм. ein, фр. un) домашнее животное“. Повѣрка тождества производится „превращеніемъ“: если $A = B$, то и $B = A$; „лошадь есть одно изъ домашнихъ животных“, превращеніе: одно изъ домашнихъ животныхъ есть лошадь“.

Логическое опредѣленіе. „Лошадь—одно домашнее животное“; какое же, именно, одно?—Однокопытное нежвачное. Въмѣсто „одно“ поставимъ найденный признакъ—выйдетъ: „лошадь—однокопытное нежвачное домашнее животное“; здѣсь уже тождество ясно. Такое сужденіе называется „логическимъ опредѣленіемъ“. Въ сказуемомъ опредѣленіи два признака: одинъ—родовой (дом. жив.), другой—видовой.

Логическое дѣленіе. Если подлежащимъ возьмемъ родовое понятіе, а сказуемымъ—всѣ его виды, то выйдетъ сужденіе, называемое „логическимъ дѣленіемъ“: „Домашнія животныя суть лошадь, корова“ и проч.

Въ опредѣленіи мы рассказываемъ содержаніе подлежащаго, въ дѣленіи—объемъ.

Законъ противорѣчія. „Лошадь—животное“ и

„лошадь не животное“; одно изъ этихъ сужденій положительное, другое—отрицательное; оба вмѣстѣ по закону противорѣчія не могутъ быть истинны.—
Законъ исключеннаго третьяго. По закону исключительнаго третьяго приведенныя сужденія не могутъ быть оба ложны, т. е. между ними не можетъ быть третьяго, средняго.

Законъ достаточнаго основанія. Если мы утверждаемъ или отрицаемъ что-нибудь, то, непременно, имѣемъ основаніе, хотя не всегда высказываемъ.

По силѣ основаній сужденія дѣлятся на три вида: а) дѣйствительныя: Петръ I умеръ. Соответствующая грамматич. форма сказуемаго въ такомъ сужденіи—изъявительное наклоненіе. б) Возможныя: Петръ можетъ выздороветь. Баснь эту можно бы и больше пояснить, да чтобъ гусей не раздражить. Сослагательное наклоненіе имѣетъ назначеніе выражать возможность. в) Необходимыя: Безрравственный человекъ не можетъ быть счастливымъ; необходимость здѣсь выражена описательно; но въ языкѣ есть форма, назначеніе которой выражать необходимость—это повелительное наклоненіе: работай, т. е. тебѣ необходимо работать. Неопредѣленное накл. выражаетъ еще сильнѣе: „смирно сидѣть“, „быть бычку на веревочкѣ.“

Разсужденія.

„О любви къ отечеству“ Карамзина. Отвлеченное понятіе—„любовь къ отечеству“ логически дѣлится на три вида; о каждомъ сказано отдѣльно.

1. Дается опредѣленіе физической любви къ отечеству; она—привязанность (родовой признакъ) общая всѣмъ (видовой признакъ, свойственный и 2-му виду), привязанность къ мѣсту рожденія (2-й видовой признакъ, отличительный).

Причины физической любви: а) плѣнительныя воспоминанія, связанныя съ родиною; б) родина—начало жизни, перваго счастья; в) приноравливаніе нервовъ.

Доказательства положеній, или тезисовъ:
а) Положеніе: человекъ всегда любитъ мѣсто рожденія; къ нему доказательство: житель Лапландіи любитъ свою жалкую родину. б) Второстепенное положеніе: человекъ любитъ свою родину, какъ начало счастья; къ нему доказательство: нѣжные друзья освящаютъ первый день своей дружбы. в) Второст. положеніе: нервы приноравливаются къ родинѣ; доказательства: аа) мнѣніе медиковъ, бб) примѣръ изъ жизни жителя Гельвеціи и вв) жизнь растений.

2. Опредѣленіе нравственной любви: она—привычка (родовой признакъ) къ близкимъ людямъ (видовой признакъ) общая всѣмъ (2 видовой, какъ и раньше).

Причина нравственной любви—приноравливаніе душъ и отсюда взаимное удовольствіе отъ сообщества, слѣдовательно—и взаимная привязанность.

Положеніе: человекъ любитъ близкихъ людей; доказательства изъ обыденной жизни: а) встрѣча единоземцевъ, б) голландскій патріотъ.

3. Опредѣленіе политической любви или патріотизма: патріотизмъ есть привязанность (родовой признакъ) къ благу и славѣ отечества (видовой признакъ), требуетъ разсужденія: всѣмъ хорошо и мнѣ хорошо; нѣтъ всеобщности, т. е. не всѣмъ свойственна эта любовь, а только развитымъ. (2-й видовой признакъ въ отличіе отъ первыхъ).

Источникъ, причина патріотизма въ извѣстномъ направленіи мыслей.

Положеніе: эта любовь не обща; доказательство: патріотизмомъ отличаются не всѣ, а только нѣкоторые народы.

Элементы разсужденія. Изъ разбора видимъ, что въ разсужденіе входятъ слѣдующіе элементы:

1. Выясненіе содержанія (опредѣленіе) и объема (дѣленіе) понятій.

2. Выясненіе причинъ явленій.

3. Положенія, или тезисы.

4. Доказательства положеній.

Составленіе сочиненій вообще.

Собираніе матеріала. Предположимъ—дана тема изъ сочиненія—„Море“. Какъ приняться за дѣло?—Прежде всего собрать нужно матеріаль.

1. Знанія о всякомъ предметѣ приобрѣтаются внѣшними чувствами: зрѣніемъ мы узнаемъ цвѣтъ, безбрежность, тихое или бурное состояніе моря, присутствіе кораблей и проч.; слухомъ чувствуемъ шумъ моря и т. д.

2. Въ нашей душѣ—въ памяти могутъ сохраняться знанія, приобрѣтенныя прежде—и мы можемъ возстановить ихъ или въ видѣ представлений, или въ видѣ готовыхъ понятій и сужденій.

3. Слухъ и зрѣніе доставляютъ намъ возможность воспользоваться наблюденіями другихъ людей: можемъ слушать рассказы, читать описанія.

4. Нужно прислушаться къ голосу нашей души, къ внутреннему чувству.

5. Для направленія этого чувства и выясненія его можно прочесть нѣсколько лирическихъ стихотвореній о морѣ.

Такимъ образомъ три источника матеріала для сочиненій: а) внѣшній міръ, б) душа и в) произведенія другихъ людей—устныя и письменныя.

При пользованіи книгами нужно особенное вниманіе обратить на авторитетныя: Св. писаніе, сочиненія философовъ, историковъ, путешественниковъ, поэтовъ и вообще извѣстныхъ авторовъ, разныхъ специалистовъ—естествовѣдовъ, математиковъ и проч.

Сортированіе матеріала. Матеріаль собранъ—нужно сдѣлать выборъ; а для этого нужно избрать точку зрѣнія—при обиліи матеріала одну, въ другомъ случаѣ нѣсколько; все, что относится къ избранной точкѣ, оставляется, остальное отбрасывается. Нужно также взвѣсить критически, достаточно-ли достовѣрный и цѣнный матеріаль.

Группировка. Все однородное, ближайшее между собой соединяется по группамъ.

Расположеніе. Группы, а также отдѣльныя мысли

въ каждой группѣ располагаются въ надлежащемъ порядкѣ. Въ различныхъ сочиненіяхъ порядокъ создается на разныхъ основаніяхъ.

1. Въ описаніяхъ принимается въ расчетъ мѣсто: представленія слѣдуютъ одно за другимъ, ассоціируясь на основаніи смежности по мѣсту; значитъ важно избрать начальный пунктъ. Можно начать съ ближайшаго, съ главнаго, съ самаго высокаго—и наоборотъ; можно помѣстить себя въ центрѣ и описывать концентрическими кругами, представить себя въ движеніи.

2. Порядокъ повѣствованія опредѣляется ассоціями смежности по времени (хронолог. порядокъ) и причинной зависимостью (прагматизмъ).

3. Въ разсужденіи возможенъ двоякій порядокъ: аналитическій и синтетическій.

Въ первомъ случаѣ въ началѣ высказывается главное положеніе; потомъ слѣдуетъ выясненіе объема и содержанія понятій, входящихъ въ положеніе, выясненіе причинъ и доказательства. Въ синтетическомъ разсужденіи главное положеніе представляется конечнымъ выводомъ.

Выраженіе. Когда опредѣлится порядокъ расположенія мыслей, остается выразить все словами. Отъ выраженія требуется правильность, ясность и проч.

Приложеніе законовъ мышленія къ открытію истины.

Беру, напр., тему „о пользѣ ученія“. Возможны два положенія: а) ученіе полезно и б) ученіе не полезно. По закону противорѣчія оба не могутъ быть истинны, по закону исключеннаго третьяго оба не могутъ быть ложны; значитъ—нужно избрать одно изъ нихъ. Которое же?—По закону тожества: „истина всегда и вездѣ одна и таже, согласна сама съ собою; она никогда и нигдѣ не измѣняетъ своего содержанія“. Людямъ, конечно, свойственно заблуждаться; но заблужденіе есть только уклоненіе отъ истины, состояніе временное и исключительное, а не постоян-

ное; слѣдовательно — мы можемъ остановиться на всеобщемъ (за небольшими исключеніями) мнѣніи: всегда и вездѣ люди признаютъ пользу ученія; образованный классъ людей обнаруживаетъ это тѣмъ, что учитъ своихъ дѣтей; простой народъ издревле создалъ пословицу: „Ученье — свѣтъ, неученье — тьма“.

Но, хотя и въ меньшинствѣ, есть противники ученія; выходитъ — въ общемъ, въ массѣ человѣчество, какъ будто, нарушаетъ законъ противорѣчія, признаетъ, что ученіе полезно и не полезно; но это исключеніе кажущееся. Люди смотрятъ на ученіе иногда съ исключительной точки зрѣнія; напр. бѣдныхъ людей ученіе можетъ отрывать отъ добыванія ежедневнаго пропитанія; люди могутъ также отрицать не вообще ученіе, а ту или иную форму обученія, которая установилась въ данной мѣстности, въ извѣстное время, при томъ, а не иномъ учителѣ. Положеніе — „ученіе полезно“ остается въ силѣ, не смотря на противорѣчія.

По закону тождества, далѣе, устанавливается истинное тождество между названіемъ и его значеніемъ: это дѣлается выясненіемъ объема и содержанія понятій, входящихъ въ положеніе, устанавливается тождество сказуемаго съ подлежащимъ. Это — развитіе „положенія“.

Принятое положеніе по закону достаточнаго основанія мы не принимаемъ на вѣру, а ищемъ доказательствъ.

Развитіе положенія. Раскрыть объемъ родового понятія — значитъ показать его виды; но на практикѣ этимъ не ограничивается дѣло: пишущій, показавъ виды понятія, большею частію нисходитъ также къ единицамъ, къ конкретнымъ предметамъ. Это мы видѣли у Карамзина: говоря, напр., о нравственной любви, какъ объ одномъ изъ видовъ любви къ отечеству, онъ указываетъ на голландскаго патріота, видѣннаго имъ. Чѣмъ больше такихъ указаній, тѣмъ полнѣе развитіе положенія, тѣмъ убѣдительнѣе и живѣе сочиненіе. Полнота, дальше которой нельзя итти, должна бы состоять въ перечисленіи всѣхъ единицъ, изъ которыхъ образовано понятіе; но это, конечно, невозможно: чтобы сдѣлать такое раскрытіе объема понятія „человѣкъ“, мы бы должны были перечислить по-именно не только всѣхъ жи-

выхъ людей, но и умершихъ и будущихъ. Авторы, обыкновенно, ограничиваются указаніемъ на немногія единицы. При данномъ положеніи—„ученіе полезно“ мы можемъ указать на нѣкоторыя народы древняго и новаго періода, которые извлекли большую пользу изъ образованія. Раздѣливъ понятіе „ученіе“ на виды: ученіе ремеслу, искусству, наукамъ, мы можемъ на каждый случай привести примѣры; напр. что ученіе ремеслу полезно, мы видимъ на Гуттенбергъ и т. д.

При раскрытіи содержанія, параллельно съ раскрытіемъ объема, мы естественно касаемся содержанія и видовъ и даже единичныхъ понятій. Съ другой стороны—мы можемъ коснуться содержанія высшихъ родовъ: Карамзинъ, говоря о физической любви людей, сопоставляетъ ихъ съ растеніями, т. е. восходитъ къ роду „все живущее“. При развитіи положенія—ученіе полезно—можно тоже коснуться и дрессировки животныхъ и культиврованія растеній.

Доказательства. Продолжая раскрытіе понятія за предѣлы обыкновеннаго логическаго дѣленія и опредѣленія, ниспускаясь къ единицамъ и восходя къ высшимъ родамъ, авторъ показываетъ путь, которымъ онъ пришелъ къ данному положенію; а это уже доказательство.

1. Карамзинъ указываетъ на встрѣчу соотечественниковъ и на голландскаго патріота; этимъ онъ говоритъ слѣдующее: а) два соотечественника радуются при встрѣчѣ, значитъ—обрадуется и каждый, потому что любитъ своихъ соотечественниковъ. б) Голландскій изгнанникъ скучалъ по близкимъ людямъ, потому что ихъ любилъ, значитъ—каждый человекъ любитъ близкихъ людей. То, что свойственно одному или немногимъ предметамъ, мы приписываемъ всѣмъ однороднымъ—это называется индукціей, или индуктивнымъ доказательствомъ. Для индуктивнаго доказательства можно брать явленія обыденной жизни, природы, примѣры изъ исторіи.

2. Если авторъ выходитъ за предѣлы обыкновеннаго опредѣленія и дѣленія въ восходящемъ направленіи, то онъ даетъ намъ дедуктивное доказательство. а) Карамзинъ говоритъ: „всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ сво-

емъ климатъ“; „законъ природы для человѣчества не измѣняется“; доказательство это облекается въ такую логическую форму: по общему закону природы все живое лучше живетъ въ своемъ климатѣ; человѣкъ живое существо; слѣдовательно въ своемъ климатѣ ему лучше живется. б) „Самая лучшая философія есть та, которая всѣ должности человѣка основываетъ на его счастіи“, говоритъ Карамзинъ. Логическое построеніе этого доказательства Карамзина должно быть такое: всѣ обязанности человѣка должны служить къ его счастію, любовь къ отечеству есть обязанность человѣка, слѣдовательно—любовь къ отечеству должна служить къ счастію человѣка. Карамзинъ беретъ готовое мнѣніе философовъ и изъ него выводитъ мнѣніе о любви къ отечеству. Что свойственно роду, то свойственно и видамъ—это дедуктивное доказательство, которое можно выразить въ формѣ силлогизма.

Для дедуктивнаго доказательства служатъ мнѣнія авторитетовъ, а также мнѣнія самого автора, выработанныя обобщеніемъ.

Причина. Нѣкоторыя доказательства потому и служатъ доказательствами, что показываютъ причинную зависимость одного явленія отъ другого: въ вышеприведенномъ доказательствѣ любовь къ благу отечества—причина, счастіе слѣдствіе. При развитіи положенія: „ученіе полезно“—оба понятія въ причинной связи: если окажется, что слѣдствіемъ ученія была польза въ данномъ случаѣ, то мы можемъ обобщить.

Подготовительная работа при написаніи сочиненія и отдѣлка. Подготовительною работою при написаніи разсужденія служитъ слѣдующее:

1. Приложение законовъ мышленія къ отысканію истиннаго положенія.
2. Дѣленіе на виды понятій—„ученіе“ и „польза“ (въ данной темѣ).
3. Составленіе опредѣленій.
4. Подборъ примѣровъ изъ обыденной и исторической жизни людей и указанія на явленія природы.
5. Указанія высшихъ родовъ.

О ДОМАШНЕМЪ ЧТЕНІИ КНИГЪ УЧЕНИКАМИ.

(Изъ рѣчи на годичномъ актѣ).

Въ день годичнаго акта каждое учебное заведеніе считаетъ обязанностію знакомить съ состояніемъ училища и бесѣдовать о вопросахъ, близко относящихся къ учебно-воспитательному дѣлу. Избранный нами вопросъ — о домашнемъ ученическомъ чтеніи — одинъ изъ важнѣйшихъ и близко касается родителей и воспитателей; но онъ такъ мало разработанъ, что трудно сказать о немъ послѣднее рѣшительное слово: мы предполагаемъ только обратить вниманіе на него просвѣщенныхъ слушателей.

Думаю, нѣтъ нужды долго останавливаться на томъ, — нужно или не нужно читать дѣтямъ; опытъ показываетъ, что читающія дѣти, безъ особыхъ усилій, по успѣхамъ стоятъ выше своихъ товарищей: ихъ кругозоръ шире, поступки сознательнѣе, рѣчь правильнѣе и изящнѣе. У насъ, въ Баку, этотъ вопросъ имѣетъ еще мѣстное значеніе: ученики, по окончаніи курса поступающіе въ высшія учебныя заведенія, въ практическомъ знаніи русскаго языка должны стоять не ниже учениковъ чисто — русскіхъ учебныхъ заведеній; но возможно-ли это, если здѣсь во многихъ семьяхъ даже не говорятъ по-русски? Не будетъ виновата школа, если родители не позаботятся дать дѣтямъ, по крайней мѣрѣ, такого собесѣдника, какъ книга.

Но что читать? Предъ нами три вида произведеній: а) спеціальныя сочиненія, относящіяся къ той или иной области знаній, б) дѣтскія книги и в) собственно литературныя произведенія.

Успѣхи по каждому учебному предмету много зависятъ отъ чтенія спеціальныхъ сочиненій: безъ этого мысль ученика всегда будетъ чувствовать на себѣ узы, будетъ бессильна выбиться изъ узкихъ рамокъ учебника.

Но вопросъ о спеціальномъ чтеніи сравнительно простъ: каждый преподаватель компетентенъ рекомендовать сочиненія, относящіяся къ его предмету.

Изъ дѣтскихъ книгъ однѣ, популяризуя для дѣтей свѣдѣнія изъ разныхъ наукъ, часто въ массѣ пустословія даютъ очень ничтожныя знанія; другія съ претензіями на литературность въ безцвѣтной формѣ рассказываютъ на многихъ страницахъ о мелкихъ явленіяхъ дѣтской жизни. Тѣ и другія безвредны, но за-то не приносятъ и большой пользы.

Насъ занимаетъ въ настоящее время чтеніе литературное. Безъ этого чтенія всегда останется пробѣлъ въ воспитаніи: науки, хотя бы въ объемѣ университетскаго курса, могутъ сообщить знанія, сдѣлать ученыхъ, а на нравственность вліяютъ только косвенно. Даже законъ Божій и русскій яз. не представляютъ полного исключенія; они не могутъ сдѣлаться исключительно орудіями воспитанія, потому что должны быть учебными предметами. Всѣ учебные предметы сообщаютъ знанія; литература же учитъ жить, вліяетъ на умъ, чувство и волю—воспитываетъ нравственно, образуетъ характеръ, даетъ убѣжденія. Она, вмѣстѣ съ другими искусствами, украшаетъ нашу жизнь; безъ этого жизнь наша была бы пустыня.

Въ литературѣ большое разнообразіе: сказки, басни, повѣсти и проч.

Большею частію дѣти начинаютъ чтеніе со сказокъ—это и естественно: богатая наивная фантазія сказки, сочувствіе ко всѣмъ слабымъ, обиженнымъ, бѣднымъ, изящная простота языка дѣйствуютъ на дѣтей увлекательно; предъ ними открывается иной блестящій міръ, отличный отъ обыденнаго сѣренькаго міра. «Шехерезада, говоритъ Аксаковъ, свела меня съ ума; я не могъ оторваться отъ книжки. Прибѣгу, бывало, въ ту комнату, въ которой мы съ матерью спали, разверну Шехерезаду, чтобъ только прочесть страничку—и забудусь совершенно». Такимъ образомъ на сказкахъ начинается воспитаніе таланта Аксакова. До какой степени

увлекательна сказка, можно видѣть изъ того, что Пушкинъ и Жуковскій въ періодъ зрѣлости своего таланта удѣляли время на переложеніе сказокъ въ стихи.

Вслѣдствіе увлекательности сказки многіе педагоги боятся вреднаго вліянія ея на дѣтей: она отрываетъ отъ дѣйствительности. Но, я думаю, въ нашъ практическій вѣкъ это даже полезно и нужно, хотя изрѣдка, вводитъ нашихъ дѣтей въ міръ идеальный: «Средь мрака ненастнаго вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія, во имя прекраснаго дружно гребите противъ теченія». На сказкахъ лучше всего можно воспитать фантазію, что необходимо: человѣкъ безъ фантазіи въ свое дѣло не вложитъ жизни, ничего не сдѣлаетъ выдающагося. Чтобы изобрѣсти машину, телеграфъ, прокопать Суэзскій каналъ, оживить Закаспійскія степи, нужна недюжинная фантазія: все это до своего осуществленія кажется сказочнымъ. Но не говоря уже о такихъ дѣлахъ, безъ фантазіи нельзя быть порядочнымъ ремесленникомъ; чтобы изъ груды камней построить татарскую саклю, нужна фантазія. Вредна не сказка, а излишество и неумѣнье воспользоваться ею. У насъ на сказки привыкли смотрѣть, какъ на праздную забаву; между тѣмъ въ сказкахъ отображается весь народъ съ его мудростію, идеалами, правами, обычаями, вѣрованіями — со всѣмъ міровоззрѣніемъ; не вредна сказка: нужно только умѣть отдѣлать изображенную дѣйствительность отъ фантастическихъ образовъ — этимъ парализуется вредное вліяніе сказки. Если мы съ дѣтьми прочитаемъ основательно одну сказку, слѣдующая уже представитъ умную занимательную задачу для нихъ.

Такими же задачами представляются и басни, въ которыхъ нужно раскрыть аллегорію, найти нравоученіе, сдѣлать приложеніе къ жизни; нужно провести параллель между данными образами и дѣйствительными предметами. Не смотря на высокое воспитательное значеніе, и у басни есть противники, между которыми самый значительный Руссо; онъ боится, что дѣти научатся изъ басни не тому, чему слѣдуетъ: роли сля-

ныхъ, жестокихъ въ баснѣ всегда, сравнительно, красивы; ребенокъ скорѣе изберетъ красивую роль. «Чтеніе—бичъ дѣтей», говоритъ Руссо. Но онъ упустилъ изъ виду, что дѣтское чтеніе должно регулироваться взрослыми; кромѣ того у дѣтей есть вѣрное нравственное чутье.

При осмысленномъ чтеніи и баллада, подобно сказкѣ и баснѣ, представляетъ прекрасное чтеніе: въ ней за фантастическими образами скрывается реальная идея: нужно отыскать эту идею. По моему мнѣнію, дѣтское чтеніе должно начинаться со сказокъ, басенъ, балладъ; онѣ не велики по объему, по конструкціи очень просты, фабула ихъ и детали усваиваются дѣтьми очень легко. Послѣ этихъ произведеній начинается чтеніе болѣе серьезныхъ сочиненій: лирическихъ стихотвореній, повѣстей, поэмъ, драмъ.

Говорятъ, что книги, написанныя для взрослыхъ, не годятся для дѣтей, потому что имъ не понятны мысли, чувства, интересы взрослыхъ: для дѣтей нужны дѣтскія книги. Но ребенокъ—человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо. Не слѣдуетъ постоянно пригибаться къ дѣтямъ, нужно возвышать ихъ до себя; намъ нужно дѣтей приготовить къ жизни. Книги для дѣтей пишутся взрослыми и потому, естественно, представляютъ подѣлку подъ дѣтскій складъ языка и мысли. Воспитывая дѣтей только на этихъ искусственныхъ произведеніяхъ, мы рискуемъ воспитать ихъ теплично. Но вѣдь будетъ время, когда наши дѣти примутся читать безъ нашего руководства, даже безъ вѣдома: лучше заблаговременно приучить ихъ къ надлежащему чтенію. Въ раннемъ возрастѣ можно руководить живыми разказами, объясненіями; можно подборомъ книгъ образовать желательное душевное настроеніе, создать почву для воспріятія нравственныхъ взглядовъ при послѣдующемъ чтеніи.

Выборъ книгъ облегчается существующими программами русской словесности: нужно приготовить дѣтей къ теоретическому изученію литературы; нужно ихъ приготовить къ чтенію произведеній, о которыхъ будетъ

говорено на урокахъ исторіи литературы. Для начала нужно выбрать простѣйшія и меньшія по объему. По моему мнѣнію, для приготовленія къ серьезному чтенію годятся слѣдующія сочиненія: народныя сказки, басни, баллады, лирич. стихотворенія Кольцова, сочиненія Григоровича (въ изд. для дѣтей), Бѣжинъ лугъ Тургенева, Дѣтство и Отрочество Толстого, Капитанская дочка Пушкина, Вѣдная Лиза Карамзина, Шинель, Тарасъ Бульба и Старосвѣтскіе помѣщики Гоголя, Скупой рыцарь Пушкина, Недоросль Фонвизина. Всѣ эти сочиненія, при надлежащемъ чтеніи, послужатъ введеніемъ въ чтеніе большихъ сочиненій авторовъ, изучаемыхъ въ школѣ.

Очень важно сдѣлать надлежащій выборъ книгъ, но вопросъ о чтеніи этимъ не исчерпывается: еще важнѣе выработать методъ чтенія. Нужно, чтобы дѣти не привыкли къ поверхностному чтенію, при чемъ читаютъ нервно, скачками, интересуются только завязкою и развязкою, и потому заглядываютъ въ конецъ. О поверхностномъ чтеніи, дѣйствительно, можно сказать съ Руссо: «чтеніе—бичъ дѣтей»; отъ такого чтенія молодые люди, по-видимому, самые начитанные попадаютъ на ложный путь. Это естественно: только что прочитана книга, въ которой бѣлое называется бѣлымъ,—дѣлается переходъ къ другой книгѣ, въ которой убѣдительно доказывается, что это бѣлое—черно; думать некогда—скорѣе дочитать до конца и переходить къ слѣдующей книгѣ. При торопливости мысль не разберется въ противорѣчійхъ: въ результатъ—отсутствіе всякаго убѣжденія; что послѣдняя книга скажетъ, то наверхъ и ляжетъ. У разныхъ писателей также характеры получаютъ различную окраску, одно и то-же явленіе вызываетъ различныя чувства, такъ что у быстро читающаго не можетъ выработаться опредѣленнаго характера; вообще—умъ, чувство и воля теряютъ всякую энергію, устойчивость. Отъ такого вреднаго чтенія нужно оградить дѣтей; а это школа можетъ сдѣлать только при содѣйствіи родителей.

Во избѣжаніе быстрой смѣны книгъ и поверхностности чтенія нужно, чтобы каждая книга оставляла возможно твердый слѣдъ, и извлекалось изъ нея все, что слѣдуетъ извлечь. Для этого есть различныя средства: самое простое изъ нихъ — пересказъ прочитаннаго; но отъ этого не увеличивается количество усвоеннаго. Другое средство — перечитываніе книги нѣсколько разъ, средство, испытанное вѣками. Лучше же, если всему прочитанному будетъ придана болѣе твердая и наглядная форма: нужно приучить читать съ перомъ въ рукѣ и дѣлать записи; одно то, что читающій долженъ задумываться надъ формулированіемъ прочитаннаго, закрѣпляетъ прочитанное, заставляетъ уловить существенное. Конечно, дѣти не знаютъ, какъ записывать: необходимо ихъ научить. Записи должны быть направлены такъ, чтобы дѣти могли усвоить, во-1-хъ, свѣдѣнія объ идеяхъ, нравахъ, обычаяхъ, обстановкѣ, вѣрованіяхъ изображенныхъ лицъ; во-2-хъ, нужно сохранить яркость красокъ; въ-3-хъ, требуется воздѣйствіе на волю и чувство. На первое время, у маленькихъ дѣтей, записи эти должны быть, по возможности, просты: записываются имена изображаемыхъ лицъ съ отмѣткою, хорошей или дурной это человѣкъ, что сдѣлалъ или сказалъ хорошее или дурное; записывать можно названія мѣстностей и предметовъ, находящихся въ указанной мѣстности, съ поименованіемъ признаковъ предметовъ. Въ дальнѣйшемъ — можно сочиненіе разбивать на части и каждую часть выражать въ одномъ — двухъ предложеніяхъ, дѣлать оглавленіе содержанія, наконецъ — записывать конспективно. Каждый видъ сочиненій, кромѣ того, вызываетъ особыя записи. При чтеніи сказки, басни, баллады выдѣляются два элемента — фантастическій и реальный; при чтеніи лирическихъ произведеній указывается предметъ, явленіе, событіе, вызвавшее душевное настроеніе автора, и формулируется въ словахъ настроеніе. Повѣсть, романъ даютъ поводъ сдѣлать нравственную оцѣнку лицъ. При драмѣ — задаются вопросы: кто борется? изъ-за-чего? ка-

кими средствами? нравственна-ли цѣль? нравственны-ли средства? достаточны-ли силы?

Послѣ чтенія должно быть собесѣдованіе съ дѣтьми, для чего не нужно быть спеціалистомъ; интеллигентные родители по своему возрасту достаточно окажутся сильными: мышленіе у нихъ строже; у нихъ есть уже принципы: всѣ родители, любящіе своихъ дѣтей, дурное непремѣнно назовутъ дурнымъ, а это только и нужно. Самый простой вопросъ: кто изъ изображенныхъ лицъ хорошъ? можетъ вызвать продолжительную и плодотворную бесѣду; при неправильности взгляда ребенка есть возможность установить правильный; есть возможность прослѣдить малѣйшіе изгибы души ребенка и направить его по надлежащему пути. При такихъ только условіяхъ мы будемъ знать своихъ дѣтей и избѣгнемъ печальныхъ неожиданностей въ ихъ развитіи.

Дѣти, читающія подъ руководствомъ своихъ родителей, благотворно подѣйствуютъ на своихъ товарищей, внесутъ много свѣта въ школу. Взять на себя весь трудъ контроля надъ чтеніемъ у школы нѣтъ физической возможности при большомъ количествѣ учениковъ. Результаты воспитанія—продуктъ не учителей только, а всего общества: дать общество дѣтей съ моральнымъ содержаніемъ—школа будетъ безусловно отвѣтственна за нихъ. Прямое дѣло школы, выражаясь фигурально, обработать руду; школа—мастерская художника, въ которой педагоги только изъ хорошаго матеріала могутъ создать нѣчто умное, нравственное, изящное; школа—не исправительное заведеніе—ея дѣло въ готовый матеріалъ вложить жизнь. Безъ воспитательнаго вліянія родителей школа можетъ создать кабинетнаго ученаго, не пригоднаго къ жизни.

А. Барсовъ.

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМѢЮТЪ СЛОВА НЕСТОРА:
«СОБРАВШЕ КОСТИ, ВЛОЖАХУ ВЪ СУДИНУ МАЛУ И ПОСТАВЯХУ
НА СТОЛПѢ НА ПУТЕХЪ, ЕЖЕ ТВОРЯТЪ ВЯТИЧИ И НЫНЕ?»
(Поля. Собр. Р. Л. 1, 6).

(22-й вопросъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, предложенный для разработки къ VIII Археологическому съѣзду въ Москвѣ).

Славяне—позднѣйшая отрасль арийцевъ, поселившихся въ Европѣ; тѣмъ не менѣе у славянъ вообще и у восточныхъ славянъ (русскихъ) въ частности, къ моменту ихъ выступленія на поприще жизни народа историческаго, много накопилось твердо сложившихся религіозныхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ, ясно свидѣтельствующихъ о продолжительной доисторической жизни славянина. Многіе вопросы языческаго народнаго міросозерцанія и быта съ достаточною полнотою и опредѣленностію выяснены въ капитальныхъ трудахъ такихъ ученыхъ, какъ *О. И. Буслаевъ*, *А. А. Котляревскій*, *А. Н. Афанасьевъ*, *И. И. Срезневскій*, *О. О. Миллеръ* и друг.; иные же вопросы, касающіеся народнаго умовозрѣнія, нравовъ и обычаевъ затронуты какъ бы мимоходомъ или же въ своихъ частностяхъ не разрѣшаются хотя съ относительною, при современныхъ научныхъ данныхъ, полнотою и убѣдительностію. Къ числу такихъ неразрѣшенныхъ вопросовъ принадлежитъ слѣдующее мѣсто въ Лѣтописи Нестора: „Собравше кости, вложяху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и ныне“ (П. С. Р. Л. 1, 6).

Научныя археологическія изслѣдованія и случайныя раскопки кургановъ и могильниковъ, а равно и литературныя свидѣтельства (св. Бонифація о слав. Балтійскихъ, Ибнъ-Доста, Ибнъ-Фоцлана, Массуди, Льва Діакона, Дитмара, пр. Нестора, свид. Краледворской рукописи о погреб-

бальныхъ обычаяхъ чеховъ) ясно доказываютъ, что у славянъ-язычниковъ существовало два способа погребенія умершихъ: погребеніе въ собственномъ смыслѣ и сожженіе; но обычай сожженія умершихъ взялъ перевѣсъ надъ другимъ, болѣе первобытнымъ, способомъ погребенія въ землѣ трупа, и въ эпоху, предшествовавшую христіанству въ Россіи, былъ у русскихъ славянъ едва ли не господствующимъ; по крайней мѣрѣ, въ лѣтописи Нестора только не говорится о погребальномъ обычаѣ сожженія у полянъ и древлянъ ¹⁾, другія же славянскія племена, населявшія Россію, сожигали своихъ покойниковъ, а вятичи, какъ самая сѣверо-восточная вѣтвь русскихъ славянъ, болѣе удаленная отъ тогдашнихъ центровъ движенія и развитія нравственной и общественной жизни—Кіева и Новгорода, даже въ XII столѣтіи, по свидѣтельству первоначальной лѣтописи, сожигали своихъ умершихъ. Сожженіе умершихъ у русскихъ славянъ, по свидѣтельству лѣтописца, обставлялось еще нѣкоторыми иными религіозными обычаями, а именно: сожженные останки не зарывались въ землю, но ихъ ставили „на столпѣ при путехъ“.

Покойный проф. Котляревскій въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи — „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“ не могъ не коснуться этого мѣста лѣтописи; но, приводя его въ своемъ почтенномъ трудѣ, онъ считаетъ это лѣтописное извѣстіе «загаднымъ». „Если, говоритъ онъ, понимать его (извѣстіе) въ современномъ обыкновенномъ смыслѣ, то придется допустить странность: прахъ усопшаго собирали затѣмъ, чтобы не сохранить его, ибо выставленный на столбѣ, хотя и въ сосудѣ, онъ подвергался всѣмъ случайностямъ непогоды и быстрому уничтоженію. Очевидно, что выраженіе слѣдуетъ понимать иначе“ ²⁾. Затѣмъ почтенный ученый обращается къ санскриту и, производя отъ корня stûr существительное stûpa = cumulus, т. е.

¹⁾ Впрочемъ, когда Несторъ говоритъ: «си же творяху обычая прочія погании», то вѣроятно, онъ не исключаетъ отсюда и древлянъ.

²⁾ О погр. об. яз. сл., стр. 122.

возвышеніе изъ земли и камней, думаетъ, что столпъ лѣтописи нужно понимать не въ буквальномъ современномъ смыслѣ, а въ смыслѣ холма (кургана), и что сожженные останки ставились не на поверхности земли, а въ срединѣ холма (кургана), такъ какъ погребальныя урны, какъ свидѣтельствуютъ археологическія раскопки, обыкновенно находятъ не на поверхности могилы, но въ срединѣ ея, во всякомъ случаѣ—подъ слоемъ земли.—Такое толкованіе мѣста лѣтописи почтеннымъ ученымъ нельзя признать убѣдительнымъ.

Въ Лаврентіевскомъ спискѣ лѣтописи мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ слово столпъ: „И умножившемся человекомъ на земли, помыслиша создати столпъ до небесе“; „аще бы человекомъ Богъ реклъ столпъ дѣлати, то повелѣлъ бы самъ Богъ словомъ...“; „поставяху на столпѣ на путехъ“; „явися столпъ огненъ отъ земля до небеси“ и дал.; „се (Савва) вѣѣха в шатерь великій королевъ золотроверхий и подѣсѣче столпъ шатерный“³⁾. Изъ приведенныхъ нами пяти мѣстъ изъ Лаврентіевскаго списка лѣтописи четыре относятся собственно къ лѣтописи Нестора, а послѣднее—къ Суздальской лѣтописи по списку монаха Лаврентія подѣ 1263 годомъ. Выше приведенныя выписки изъ лѣтописи ясно указываютъ, какъ въ древности понималось слово столпъ; оно означало: 1) искусственное зданіе, имѣющее округленную форму (столпъ Вавилонскій); 2) столпъ огненный, въ видѣ котораго, по мнѣнію лѣтописца, являются ангелы; „ангелъ бо сице является: ово столпомъ огненнымъ, ово же пламенемъ“, при чемъ лѣтописецъ строго различаетъ явленіе ангела просто въ видѣ пламени („ово же пламенемъ“) и въ видѣ столпа огненнаго, имѣющаго опредѣленную (округленную) форму („ово столпомъ огненнымъ“⁴⁾); а въ продолженіи „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, въ лѣтописи Суздальской по сп. монаха Лаврентія, мы встрѣчаемъ реченіе столпъ, 3) въ совре-

³⁾ Лѣтоп. по Лавр. сп., изд. Археогр. ком. 1872 г. стр. 4, 89; 13; 273—4; 456.

⁴⁾ Ibid. стр. 274.

менномъ значеніи этого слова: „шатерьъ великій королевъ золотоверхій“ былъ утвержденъ на столпѣ (столбѣ, большомъ обрубкѣ дерева), и когда Савва „подьсѣче столпъ шатерный“, шатерь упалъ; холмъ же понимается въ начальной лѣтописи какъ природное возвышеніе: „и постави (Володимеръ) кумиры на холму“; „и постави церковь святаго Василья на холму...“⁵⁾. — Допустить испорченность текста интересующаго насъ мѣста лѣтописи мы не имѣемъ никакихъ основаній. Такимъ образомъ, обращаясь къ извѣстію „Временника“ Нестора о погребальныхъ обычаяхъ русскихъ славянъ, мы имѣемъ только одинъ исходъ — притти къ заключенію, что сожженные останки мертвыхъ, собранные въ „судину малу“, ставились на столбахъ въ буквальномъ смыслѣ, т. е. на обрубкахъ дерева, или прямо поставленныхъ на поверхности земли, или же немного вкопанныхъ въ нее, и возвышающихся надъ поверхностію земли, вѣроятно, не выше роста взрослого человѣка, а быть можетъ и ниже, — смотря по возрасту умершаго⁶⁾.

Теперь намъ предстоитъ разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) Что были за столбы, которые, какъ видно изъ лѣтописи, находились на „путехъ“ (на раздорожьяхъ и вообще на дорогахъ)? 2) Въ какое, приблизительно, время могъ возникнуть погребальный обычай ставить сожженный прахъ покойниковъ „на столпѣ“? 3) Зачѣмъ сожженные останки мертвыхъ ставились на этихъ столбахъ (обрубкахъ, стволахъ древесныхъ)?

Чтобы разрѣшить эти вопросы, мы должны начать издалека, потому что народное языческое міросозерцаніе, несмотря на запутанность во многихъ отношеніяхъ, имѣетъ все-таки нѣкоторую послѣдовательность въ своемъ развитіи; эта послѣдовательность можетъ быть уловима особенно для изслѣдователя погребальныхъ обычаевъ, такъ какъ всеобщее глубокое почитаніе предковъ не давало возможности скоро

⁵⁾ Ibid. стр. 116.

⁶⁾ Такъ предполагать даетъ право обычай прикладниъ, но объ этомъ ниже.

видоизмѣняться установившимся погребальнымъ обычаямъ и сообщало послѣднимъ продолжительную устойчивость.

При состояніи осѣдломъ, земледѣльческомъ, когда старшій въ родѣ⁷⁾ являлся не только домовладыкой (набольшимъ въ своей семьѣ), но и лицомъ приносящимъ жертву божествамъ, почтеніе къ старшимъ въ родѣ, а также и къ усопшимъ предкамъ достигло у славянъ высокаго развитія и значенія. Умершій домовладыка, по умовозрѣнію славянина-язычника, и по смерти не оставлялъ совсѣмъ своего прежняго жилища, домашняго очага и своихъ кровныхъ родныхъ; переходя по смерти отъ живыхъ родичей въ другую сферу, онъ, по понятіямъ славянъ, все-таки невидимо, а иногда и въ какомъ-либо видимомъ для нѣкоторыхъ образѣ⁸⁾ (конечно, воображаемомъ) присутствовалъ съ родичами, заботился объ ихъ благосостояніи; однимъ словомъ, и по смерти старикъ—дѣдъ хозяйничалъ въ своемъ прежнемъ жилищѣ.

По многимъ уцѣлѣвшимъ обычаямъ и до сего времени и преданіямъ, можно съ полною вѣроятностію думать, что старшій въ родѣ—семья погребался подъ однимъ изъ угловъ или же среди своего скромнаго жилища, построеннаго для осѣдлаго мѣстопребыванія. „Изъ глубочайшей древности“, говоритъ покойный проф. Котляревскій, „доносятся къ намъ слухи, отголоски, позволяющіе мечтать, что усопшихъ предковъ когда-то хоронили въ самомъ жилищѣ подъ семейнымъ порогомъ, помостомъ или въ переднемъ углу избы: тамъ коегдѣ и теперь хоронятъ некрещенныхъ младенцевъ, тамъ, по повѣрью, живутъ домашніе пенаты—покровители, которыми становились души предковъ⁹⁾. Эта черта едва ли не общая всѣмъ арійцамъ, заселившимъ Европу. Ф. Куланжъ въ своей книгѣ *La Cité antique* указываетъ на свидѣтельство Сервія,

7) Когда мы говоримъ о родѣ, то разумѣемъ не родъ—племя (Радимичи, Вятчи); а родъ—семью, общину.

8) Въ огнѣ на домашнемъ очагѣ, въ вихрѣ, шумѣ («навьѣ бьютъ полочаны», лѣт. 1092 г.), въ видѣ мотылька, птицы и проч.

9) О погреб. обыч. яз. слав., стр. 226.

который говоритъ, что обычай погребать мертвыхъ въ самомъ жилищѣ идетъ изъ временъ глубокой старины. Поэтическое сказаніе про „зиданье Скадра“, подобное же преданіе о построеніи Новгорода, нѣмецкія преданія, приведенныя у Я. Гримма ¹⁰⁾, ясно указываютъ на древній обычай класть челоуѣка (преимущественно дѣтей) въ основаніе новаго зданія ¹¹⁾. Обычай перенесенія старухой домового (горшка съ углемъ) во вновь выстроенное жилище, встрѣча его (домового) хозяевами съ хлѣбомъ-солью, оставшееся и до сего времени уваженіе къ переднему углу (куту), бросаніе подъ столъ оставшихся отъ обѣда корокъ или кусочковъ хлѣба и выливаніе туда же остатковъ вина и другіе обычаи, соединенныя съ священнымъ угломъ (кутомъ), есть остатки того чествованія, которое въ сѣдую старину оказывалось умершимъ предкамъ.

Умершій глава рода, несмотря на замѣну его живымъ представителемъ семьи, все-таки, какъ мы сказали, оставался въ воображеніи народномъ незримымъ покровителемъ своего рода; онъ дѣлался тѣмъ невидимымъ хозяиномъ, который, на языкѣ простолюдина, называется и до сихъ поръ домовымъ, домовикомъ. Таково первое значеніе домового; по этимъ въ послѣдующее время осѣдлой жизни русскаго челоуѣка оно не оканчивалось. Понятіе о домовомъ современемъ должно было расширяться. Условія осѣдлой жизни требовали, чтобы было жилье не только для людей, но и помѣщеніе для животныхъ, такъ какъ земледѣліе безъ домашнихъ животныхъ не мыслимо. Нужно было такимъ образомъ пристраивать къ челоуѣческому жилью помѣщеніе и для домашняго скота. Районъ дѣйствій и покровительства домового черезъ это расширялся: онъ становился не только невидимымъ блюстителемъ домашняго очага и покровителемъ избы и живущихъ въ ней, но и—домашнихъ животныхъ; у него, по понятію народному, являются даже излюбленныя и нелюбимыя животныя; первыхъ онъ холить,

¹⁰⁾ D. Myth. 1095—7.

¹¹⁾ У сіамцевъ, кажется, и до сихъ поръ существуетъ такой обычай.

на вторыхъ неистово ѣздить и лишаетъ ихъ корма. Съ образованіемъ такихъ понятій о домовомъ, послѣдній получаетъ у народа уже иныя, добавочныя названія: хлѣвника, сарайника, конюшника, табунника¹²⁾.

При первоначальной малочисленности постоянныхъ поселковъ осѣдлыхъ родовъ—семей и обилии земли, о правѣ частной земельной собственности еще не могло быть и рѣчи: всякій родъ разрабатывалъ земли столько, сколько могъ и сколько нужно было для пропитанія. Однимъ словомъ, права собственности опредѣлялись границами владѣнія и пользованія („куда соха, коса и топоръ ходили“). Разраставшіеся роды и обособлявшіяся семьи, вышедшія изъ одного рода и селившіяся вблизи другъ къ другу, силою жизненныхъ обстоятельствъ должны были притти къ мысли частной поземельной собственности. Въ Судѣ Любуши читаемъ: „По zákonu vékožiznýchъ bohůvъ budeta imъ (наслѣдствомъ) vъ jedno vlásti či se rozdělita rovnú mѣrú; но прежде чѣмъ создалось юридическое право частной поземельной собственности, слѣды котораго мы находимъ въ „Русской Правдѣ“¹³⁾, долгое время должно было существовать право собственности обычное, непосредственно вытекавшее изъ народнаго умозрѣнія, а также изъ пониманія частныхъ матеріальныхъ интересовъ вновь выдѣлившейся изъ общины семьи, и вслѣдствіе усвоенной болѣе или менѣе продолжительной практики. Какъ же должно было слагаться, привиться и окрѣпнуть право поземельной собственности при отсутствіи опредѣленныхъ законовъ, поддерживаемыхъ силою и авторитетомъ государственной власти? Русскіе славяне въ этомъ отношеніи прошли путь, подобный другимъ народамъ арійскаго племе-

¹²⁾ Доп. обл. слов., 291; послов. Даля, 1042.

¹³⁾ А еже между переореть, либо перетесь, то за обиду 12 гривнѣ. Списокъ Академич. стат. 33.

А еже борть разнаменуеть, то 12 гривенъ продажи. Оже межоу перетнеть бортную, или роленую межоу разореть, или дворною межоу тыномъ перетынить, то 12 гривенъ продажи.

Оже дубъ перетнеть знаменыи, или межъны перетнеть, 12 гривенъ продажи. Спис. Карамз. ст. 82, 83, 84.

ни, поселившимся въ Европѣ. Какъ у греко-италійцевъ были божества, покровительствовавшія границамъ поземельной собственности и опредѣлявшія ихъ, такъ и у русскихъ славянъ было второстепенное божество, которое сослужило въ свое время службу идеѣ образованія частной собственности. Это второстепенное излюбленное божество—тотъ же самый домовой (обожаемый умершій предокъ—пращуръ), которому въ данномъ случаѣ прилично было бы называться какимъ либо именемъ, происходящимъ отъ словъ: село, нива, какъ онъ получилъ названія хлѣвника, сарайника и др., но онъ получилъ названіе Чура (Щура)—дѣда по преимуществу, умершаго старшаго въ родѣ—семьѣ. Названіемъ Чуръ (щуръ—пращуръ—прадѣдъ) русскій славянинъ инстинктивно, по психологическому народному чутью, выразилъ состояніе обособленія въ осѣдломъ состояніи небольшой общественной единицы—рода-семьи, общины, а не рода—племени въ состояніи неполной осѣдлости, когда семейное начало поглощалось начальнымъ лицомъ цѣлаго рода-племени и вообще родствомъ отдаленнымъ, племеннымъ, а не ближайшимъ—родовымъ, семейнымъ. Семейно-родовой бытъ въ предшествовавшую водворенію христіанства въ Россіи эпоху такъ уже былъ силенъ, что даже главныя божества являются въ народномъ сознаніи какъ бы дѣдами: „погибашеть жизнь Дажь бога внука“, читаемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ; Бояна пѣвецъ Слова называетъ внукомъ Велеса; даже явленія природы, одушевленные народной фантазіей, поставлены пѣвцомъ Слова во внучатное родство: „се вѣтри, Стрибожи внуци“ и проч. Чтобы мысль о единствѣ и прочности родственнаго союза получила болѣе реальный характеръ, чтобы каждый членъ семьи имѣлъ не отвлеченное только понятіе о покровителѣ рода и домашняго хозяйства, но въ видимомъ для всѣхъ образѣ, русскій славянинъ, подчиняясь общему психическому росту человечества—стремленію представить религіозно-чтимые предметы въ какомъ либо видимомъ образѣ, создалъ для себя грубый образъ домового дѣда—Чура въ видѣ древеснаго обрубка. Такимъ образомъ въ Чурахъ мы видимъ слабое проявленіе собственно русско-народнаго (а не варяжскаго, выразившагося въ постав-

леніи кумировъ) антропоморфизма въ религіи. Этого-то Чура наши предки и ставили „на путехъ“, сперва какъ видимаго покровителя полевого хозяйства (домового въ обширномъ смыслѣ), а потомъ Чуръ (чурбанъ) сталъ уже считаться и за нерушимую границу частныхъ семейно-общинныхъ владѣній—конь, переступать которую и нарушать уже никто не осмѣливался; „чуръ за конь!“ и до сихъ поръ еще говорить съ увѣренностію русскій человекъ. Почтеніе, оказываемое Чуру, было до того общее, что даже въ настоящее время нерѣдко произносятъ имя Чура: „чуръ не трогать, чуръ вмѣстѣ, чуръ пополамъ, чуръ наше мѣсто свято.“ При суевѣрныхъ исканіяхъ кладовъ, отъ нечистой силы, по повѣрію народному, можно зачураться,—стоитъ только обвести вокругъ себя углемъ съ произнесеніемъ формулы заклинанія („чуръ наше мѣсто свято“), и нечистая сила не посмѣетъ коснуться. Здѣсь умѣстно упомянуть и о томъ, что въ умовозрѣніи русскаго славянина почти нераздѣльно было связано представленіе Чура съ домашнимъ очагомъ (огнемъ); иначе и быть не могло: глава семьи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и блюстителемъ очага, огня, жрецомъ, приносящимъ жертвы богамъ; и по своей смерти онъ какъ бы продолжалъ присутствовать въ видѣ огня на очагѣ въ своемъ прежнемъ жилищѣ. Такимъ образомъ получилось отождествленіе или сліяніе представлений (ассимиляція).

Вѣроятно то, что каждая отдѣльная семья выставила на полѣ своего Чура, покровителя—пената, и каждый Чуръ являлся, какъ и домовый, покровителемъ нивъ и полей только ко той семьи или общины, къ которой, по памяти народной, самъ принадлежалъ, какъ живой представитель рода; ко всѣмъ же другимъ родамъ онъ относился недружелюбно и даже враждебно. Такое недружелюбное соревнованіе домашнихъ пенатовъ породило вѣрованіе въ добраго и лихого домового и убѣжденіе народа въ томъ, что на перекресткахъ (раздорожьяхъ), гдѣ обыкновенно ставились Чуры, болѣе всего дѣйствуетъ „нечистая сила“; и до сихъ поръ еще многіе изъ простонародья крестятся, когда случается проходить или переѣзжать перекрестки.

Почитаніе Чура, какъ бога—пената, впоследствии, при

поступательномъ движеніи и ростѣ народной жизни, не теряя вовсе и своего прежняго значенія, приняло отчасти практически-житейскій характеръ, опредѣляя и освящая важнѣйшіе порядки общинно-семейнаго обычнаго права; такимъ образомъ Чуры явились, какъ мы уже и упомянули выше, опредѣлителями границъ частной поземельной собственности извѣстной общины и выдѣлявшихся изъ общины небольшихъ семей, и къ прежнему значенію ихъ еще прибавилось новое; оно-то современемъ и затемнило въ народной фантазіи прежнее представленіе о Чурахъ, какъ видимыхъ образахъ давно умершихъ обожаемыхъ предковъ. Отъ затемненія въ народной фантазіи первоначальнаго значенія Чуровъ могъ бы спасти рельефъ, т. е. изваяніе на подобіе человѣка; но отсутствіе искусства ваянія и ассимиляція представленій (чуръ=огонь, чуръ=дѣлъ) и общее психическое состояніе народа, не доросшее до полного антропоморфизма въ религіи, не сохранили Чуровъ въ ихъ первоначальномъ значеніи, такъ что Чуры въ народномъ воображеніи обезличились. Съ одной стороны, святость мѣста (межі, границы), на которомъ стояли Чуры, съ другой—поблекшее отъ времени въ народной фантазіи первоначальное представленіе о Чурѣ, какъ видимомъ изображеніи умершаго предка—пената и, вслѣдствіе этого, стремленіе подновить въ новомъ сочетаніи символа съ самымъ предметомъ затемнившуюся старину, затѣмъ умовозрѣніе народа, что умершіе—обитатели воздушной сферы, наконецъ естественная попытка опытныхъ и мыслящихъ людей закрѣпить навсегда въ сознаніи молодыхъ поколѣній глубокое уваженіе къ памяти родоначальника и освятить такимъ образомъ семейный бытъ и родственныя отношенія,—вотъ въ чемъ скрываются причины возникновенія обычая ставить сожженный прахъ домовладыки на пограничномъ столбѣ—Чурѣ. Поставленіе пепла лишь только домовладыки на пограничномъ Чурѣ могло впослѣдствіи вызвать болѣе общую практику такового способа погребенія, такъ что не только главные въ родѣ, но и другіе уважаемые члены семьи, а потомъ вообще и всѣ умершіе, ко времени возникновенія государственнаго и христіанскаго періода на Руси, при окончательномъ сложившемся вѣрованіи въ

воздушныя свойства души, погребались у большинства русскихъ племенъ такимъ же образомъ, и „столпъ“ уже могъ быть впоследствии не Чуромъ съ первоначальнымъ значеніемъ, а только имитацией и даже просто столбомъ, подставкой („столомъ“ Радзивиловск. и Академич. списковъ лѣтописи); нѣкоторые же изъ русскихъ славянъ ставили, вѣроятно, сожженный прахъ на камнѣ вмѣсто деревяннаго обрубка.

Отсюда получаютъ все свое высокое значеніе свидѣтельства лѣтописи Нестора, Ибнъ-Доста, Маршалка, археол. изслѣдованія Фонъ-Гагена (von Hagenow), отчасти Мекленбургская система Лиша, гдѣ онъ говоритъ о Вендскихъ могилахъ; имѣетъ нѣкоторый смыслъ даже сказка Длугоша о томъ, что разсыянные по полямъ урны вырастаютъ сами изъ земли и суть произведенія природы ¹⁴⁾.

Свидѣтельство Нестора весьма ясно и опредѣленно. „И Радимичи, и Вятичи и Сѣверь..., аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложашуть ѳ на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь сбравше кости вложашу въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и ныне (т. е. въ XII стол.). Си же творяху обычаи Кривичи и прочии погании не вѣдуще Закона Божия, но творяще сами собѣ законъ ¹⁵⁾“. Текстъ лѣтописи такъ ясенъ и понятенъ, что о какой—либо испорченности его не можетъ быть и рѣчи. Правда, въ Радзивиловскомъ (Кенигсбергскомъ тожъ) и Академическомъ спискахъ мы встрѣчаемъ вмѣсто „на столпѣ“ „на столѣ“; но такое различіе въ чтеніи, если даже принять его во вниманіе, не имѣетъ серьезнаго значенія: и до сихъ поръ во многихъ избахъ крестьянъ, которыхъ не особенно коснулось вліяніе города, можно найти чурбаны большаго или меньшаго размѣра, которые употребляются обыкновенно при раздробленіи на части убитаго животнаго и которые, вѣроятно, въ старину употреблялись вмѣсто столовъ ¹⁶⁾; подобные же дре-

¹⁴⁾ Histor. Polon. lib 1, p. 45.

¹⁵⁾ Лѣт. по Лавр. сп., изд. Арх. ком. 1872 г., стр. 13.

¹⁶⁾ Такіе чурбаны теперь особенно употребляются въ мясныхъ лавкахъ.

весные чураки ставились въ древности и на межах¹⁷⁾. Въ-
 сто деревянныхъ чурбановъ, при недостаткѣ лѣсного матеріа-
 ла или же подъ вліяніемъ мысли, что изъ камня добывается
 огонь, какъ и изъ дерева, могли у нѣкоторыхъ родовъ, какъ
 мы сказали выше, употребляться и камни. Особеннаго внима-
 нія заслуживаетъ приписка въ лѣтописи: „еже творять Вя-
 тичи и ныне“. Составитель лѣтописи или ея древній списа-
 тель такъ былъ хорошо знакомъ съ погребальными обычаями
 у вятичей, что счелъ долгомъ сдѣлать особую приписку.
 Если затѣмъ обратимся къ источникамъ иностраннымъ, то
 увидимъ также подтвержденіе относительно того, что сож-
 женный прахъ покойниковъ—простолюдиновъ ставился сна-
 ружи. Обычай поставленія снаружи сожженнаго праха
 былъ, какъ можно думать, въ большомъ употребленіи у сла-
 вянъ и служилъ ступеню въ психическомъ ростѣ славянина.

Арабскій писатель Ибнъ-Достъ, писавшій около 903 г.
 по Р. Х., въ своей „Книгѣ драгоценныхъ драгоценностей“
 говоритъ, между прочимъ, о погребальныхъ обычаяхъ сла-
 вянъ слѣдующее: „по соженіи мертвеца они (славяне) со-
 бираютъ пепель съ пожарища, складываютъ его въ сосудъ
 и ставятъ послѣдній на холмѣ“. Свидѣтельство Ибнъ-
 Доста замѣчательно сходно съ свидѣтельствомъ первоначаль-
 ной лѣтописи; здѣсь только различіе въ томъ, что вмѣсто
 „столпа“ лѣтописи мы находимъ „холмѣ“. Тѣмъ не менѣ
 въ данномъ случаѣ мы не видимъ противорѣчія: говоря „на
 холмѣ“, Ибнъ-Достъ, опуская незначительную съ его точки
 зрѣнія подробность, занесенную въ лѣтопись („на столпѣ на
 путехъ“), говоритъ только о томъ, что славяне ставили со-
 суды съ останками на возвышенныхъ мѣстахъ, быть можетъ,
 иногда утилизуя для этого насыпные курганы когда-то жив-
 шихъ народностей, оставившихъ по себѣ могильныя насыпи.
 Но для нашего вопроса не важно то, ставили-ль славяне
 сожженные останки на природной возвышенности, или же на

¹⁷⁾ Въ Жур. М. Н. П. за 1851 г. № 10 встрѣчаемъ из-
 вѣстіе, что встарину на раздорожьяхъ ставились столбы, чураки,
 и мимо ихъ никто не проходилъ безъ какой либо жертвы.

насыпномъ курганѣ,—главное то, что сожженный прахъ покойника ставился на холмѣ, т. е. снаружи.

Маршалкъ (1470—1525)¹⁸⁾ въ сочиненіи „*Annales Hegulorum*“ и въ особенности въ „*Риёмованной хроникѣ*“ говоритъ, что у Балтійскихъ славянъ останки (трупы) простолоудиновъ сожигали, собирали пепель въ урны и вмѣстѣ съ вещами (*cum insignibus*) ставили прямо при дорогахъ (*recht an die Strassen*). Покойный проф. А. А. Котляревскій, придерживаясь мнѣнія, что такой странности, какъ оставленіе сожженныхъ останковъ на столбѣ, хотя и въ сосудѣ, допустить нельзя, такъ какъ прахъ „подвергался всѣмъ случайностямъ непогоды и быстрому уничтоженію“, (О погреб. об. стр. 122), призналъ несостоятельной археологическую систему Маршалка, но все-таки назвалъ ее „любопытною и изумительною по своему согласію съ древнѣйшими источниками и въ особенности со свидѣтельствами русской Повѣсти временныхъ лѣтъ“¹⁹⁾. По нашему убѣжденію, такое изумительное согласіе возможно только въ томъ случаѣ, если Маршалкъ, излагая древнюю исторію Мекленбурга, располагалъ достаточнымъ въ количественномъ и вѣрнымъ въ качественномъ отношеніи матеріаломъ, а въ этомъ, какъ кажется, Маршалку отказать нельзя. Онъ говоритъ о себѣ такъ: „я ничего не писалъ, чего самъ не видѣлъ или не почерпнулъ изъ источниковъ самыхъ достовѣрныхъ («*nisi quorum testis fuerim oculatus et praeterea quae ex monumentis fidissimis transcripserim*»)). И если возможно отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ свидѣтельству Маршалка о способѣ погребенія у бодричей людей знатныхъ (надъ прахомъ усопшаго воздвигали изъ земли и камней огромный холмъ, послѣдній окружали торчащими камнями, а на верху могилы полагали огромный камень), то съ неменьшимъ основаніемъ возможно признать достовѣрность свидѣтельства его и о способѣ погребенія у людей незнатныхъ, простыхъ. Если даже Маршалку самому

¹⁸⁾ Николай Маршалкъ—ученый и государственный человекъ мекленбургскаго герцогства.

¹⁹⁾ О погр. об. яз. сл., стр. 141.

и не приходилось видѣть при дорогахъ въ дѣломъ видѣ урнъ, наполненныхъ пепломъ, костями и вещами изъ житейскаго обихода, то преданіе объ этомъ было еще такъ живо между остатками славянскаго населенія Мекленбурга, что Маршалкъ могъ слышать его изъ живыхъ устъ.

Систематическія археологическія изслѣдованія фонъ-Гагенава (von Hagenow) и Лиша представляютъ, при настоящихъ средствахъ археологической науки относительно вопроса о погребеніи славянъ, послѣднее звено, имѣющее соприкосновеніе съ свидѣтельствами первоначальной русской лѣтописи и Маршалка. Фонъ-Гагеновъ, дѣлая общіе выводы о могилахъ древнихъ Ранъ и Поморцевъ, полученные изъ сличенія огромнаго количества этихъ памятниковъ, раздѣляетъ могилы на 8 видовъ. Для нашего вопроса важно описаніе 8-го вида. Въ сѣверной Прибалтійской Германіи повсюду встрѣчаются кладбища, которыя можно замѣтить только опытнымъ глазомъ или открыть случайно. Кладбища эти заключаютъ въ себѣ цѣлые склады урнъ, зарытыхъ просто въ песокъ или иногда обложенныхъ небольшими камнями; наружныхъ примѣтъ не бываетъ, развѣ только нѣкоторые разбросанные черепки. Урны стоятъ и лежатъ другъ подле друга и другъ надъ другомъ иногда въ порядкѣ, съ извѣстными промежутками, иногда въ совершенномъ безпорядкѣ²⁰⁾. Такого рода кладбища археологъ Лишъ прямо называетъ славянскими (вендскими Wenderkirchhöfe). Хотя въ общемъ археологическая (такъ называемая мекленбургская) система Лиша и не можетъ быть признана состоятельной, такъ какъ въ ней проводится предвзятая мысль²¹⁾, тѣмъ не менѣе названіе извѣстнаго рода кладбищъ и могилъ славян-

²⁰⁾ Zweiter Jahresbericht der Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde, въ Neue Pommersche Provinzialblätter II, 232. Ист. Балт. слав. Гильфердинга стр. 194.

²¹⁾ Лишъ старается доказать, что первоначальное населеніе Балтійскаго поморья было германское и что пришедшіе славяне вытѣснили германцевъ въ V вѣкѣ, а потому и германцы имѣли право вытѣснять различными средствами славянъ въ XII и XIII вв. Ист. Балт. слав. Гильферд. 196.

скими (вендскими) нѣтъ вѣскихъ основаній признать неправильнымъ: эти общія возвышенія, замѣтныя только для опытнаго глаза, а иногда и вовсе незамѣтныя, не глубоко зарытыя урны въ „невѣроятномъ количествѣ“, иногда попадающіеся цѣлые склады урнъ—такой способъ погребенія по простотѣ и по общимъ признакамъ можетъ быть названъ родственнымъ съ погребеніемъ у русскихъ славянъ, съ тѣмъ, конечно, различіемъ, что славяне Балтійскіе, имѣя развитую антропоморфическую религію, не употребляли Чуровъ, какъ слабаго еще проявленія антропоморфизма въ религіи; но они также, какъ и русскіе славяне, ставили нѣкогда (вѣроятно на камняхъ) урны на поверхности земли на дорогахъ, какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ Маршалкъ. Такимъ образомъ обычай ставить снаружи сожженные остатки покойниковъ былъ у славянъ въ извѣстный періодъ ихъ психическаго роста, какъ мы сказали объ этомъ выше, весьма распространеннымъ.

Установивъ тотъ взглядъ, что въ осѣдломъ состояніи, при развитіи семейно-родового начала, поглощавшагося прежде началомъ племеннымъ, сожженный прахъ покойниковъ у русскихъ славянъ ставился на Чурахъ при дорогахъ (у балтійскихъ, вѣроятно, на камняхъ), мы не можемъ не коснуться и слѣдующаго вопроса: навсегда ли сожженный прахъ умершаго оставался „на столпѣ на путехъ“, или же спустя нѣкоторое время онъ зарывался, хотя и не глубоко, въ землю? Категорически—опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, при отсутствіи письменныхъ свидѣтельствъ, конечно, дать нельзя; но историческія соображенія, уцѣлѣвшіе до сего времени обычаи и поблекшія отъ времени вѣрованія и преданія, идущія отъ глубокой старины, даютъ полное право, если не абсолютно утверждать, то по крайней мѣрѣ дѣлать весьма вѣроятныя предположенія относительно этого вопроса. Постоянная вражда племенъ и родовъ между собою естественно уклоняли русскихъ поселянъ отъ соблюденія укоренившагося обычая ставить сожженный прахъ покойника „на столпѣ на путехъ“: непріязненное племя или родъ, при нападеніи на сосѣда, особенно изъ жажды мести, конечно, прежде всего могло осквернить домашнюю святыню другого пле-

мени или рода, т. е. ниспровергнуть тѣ останки мертвыхъ, которые, какъ религіозная святыня, тщательно охранялись русскимъ язычникомъ²²). Для предупрежденія такого святотатственнаго цокушенія, урны съ прахомъ покойниковъ зарывались скрывающимися отъ враговъ жителями неглубоко въ землю. Это же могло практиковаться и въ томъ случаѣ, когда какой-либо родъ, по матеріальнымъ расчетамъ, активно переселялся на другое мѣсто и желалъ укрыть отъ взора новоприсельцевъ почитаемую святыню²³). Вѣроятно то, что, при активной эмиграціи, прахъ старшаго въ родѣ былъ бережно уносимъ на новое мѣстопробываніе.

Необезпеченное, такимъ образомъ, миромъ и спокойствіемъ будущее, при несложившемся еще строѣ прочной государственной жизни, могло породить у нѣкоторыхъ племенъ еще предъ принятіемъ христіанства обычай хоронить въ землѣ сожженный прахъ чрезъ извѣстный промежутокъ времени спустя 40 дней или годъ. Сороковой день (а частію 3 и 9) и годичный срокъ въ судьбѣ покойника, по умовозрѣнію славянина-язычника, перешедшему въ видоизмѣненіи и въ христіанство, имѣли важное значеніе: до 40 дней, по народному вѣрованію, душа витаетъ вблизи своихъ родичей²⁴) и

²²) Вѣроятно, надъ урнами устроился навѣсъ, или бѣлила, для предохраненія отъ дождя, снѣга и т. п. вредныхъ атмосферическихъ вліяній.

²³) Съ этою цѣлію могли утилизироваться и насыпные могильные курганы.

²⁴) Это вѣрованіе имѣло благодарную почву для своего развитія у тѣхъ племенъ и родовъ, у которыхъ было погребеніе въ собственномъ смыслѣ (у родовъ, предававшихъ покойниковъ сожженію, оно оставалось по преданію), такъ какъ все тѣло кромѣ костей въ шесть недѣль, по какому либо случайному наблюденію (напр. во время продолжительной осады укрѣпленія), въ лѣтнее время совершенно разлагается и уничтожается. Такое мнѣніе вошло и въ письменные памятники; въ «Новой Скрижали» 1816 г. читаемъ: «иные говорятъ, что третинны того ради творимъ, что въ третій день умершей человекъ премѣняется зракъ, девятины пакы, понеже тѣло не скорѣе какъ въ девятый день въ гниль превращается и едино точію сердце остается вѣтлѣнно, сорокоусты

прежняго жилища, а спустя годъ она уже окончательно приобщается къ сонму отошедшихъ въ другую жизнь предковъ. Еще Ведійскіе индусы думали, что по истеченіи года умершій приобщается къ сонму предковъ и уже вмѣстѣ съ ними участвуетъ въ поминальной трапезѣ живыхъ потомковъ²⁵). Уцѣлѣвшій и до сихъ поръ, особенно у бѣлорусовъ, обычай прикладинъ, состоящій въ томъ, что на могилу покойника кладутъ соразмѣрную росту умершаго дубовую колоду (а при недостаткѣ дуба—изъ другого дерева или же камень) не указываетъ ли на то, что вызванное неблагоприятными обстоятельствами древняго быта періодическое погребеніе у нѣкоторыхъ племенъ въ землю сожженныхъ останковъ сопровождалось накладываніемъ на мѣсто похоронъ тѣхъ самыхъ чуровъ и камней (при недостаткѣ дерева), на которыхъ стоялъ прежде сожженный прахъ?

Все сказанное нами по вопросу о нѣкоторыхъ обычаяхъ погребенія у русскихъ славянъ, въ періодъ, предшествовавшій началу государственной жизни и христіанству на Руси, мы обобщаемъ въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ:

1) Мѣсто лѣтописи Нестора: „собравшѣ кости, вложу въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и ныне“, нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ, разумѣя подъ словомъ „на столпѣ“—на чурѣ. Знаменательная приписка: „еже творять Вятичи и ныне“ указываетъ на близкое знакомство съ такимъ способомъ по-

же, что къ сороковому дню и самое сердце разливается и истлѣвается.» Стр. 115.

На зарожденіе и образованіе человѣческаго организма также существовалъ подобный, но обратный взглядъ. Въ библіотекѣ П. Θ. Симсона, въ рукописи подъ № 38 отд. II на оборотѣ 95 листа читаемъ: «Въ зачатіи бо сице младенцу бываетъ: въ третій день живописуется сердце, въ 9-й же составляется плоть, въ 40 же въ совершенъ видъ воображается». Прологъ, ноябрь є день.

²⁵) О погреб. обыч., стр. 183.

гребенія или самого составителя первоначальной лѣтописи, или древняго ея писателя.

2) Поставленіе Чура въ видѣ обрубка дерева есть слабое проявленіе неразвившагося у русскихъ славянъ антропоморфизма въ религіи; Чуръ представлялъ собою какъ бы видимый образъ умершаго предка рода—семьи (пращура).

3) Почитаніе Чура развилось въ то время, когда вмѣсто прежняго племеннаго быта, поглощавшаго и затемнявшаго власть старшаго въ извѣстной семьѣ, развился и достаточно окрѣпъ бытъ родовой, семейный, и когда создавалось обычное семейно-общинное право поземельной собственности; Чуръ, такимъ образомъ, являлся покровителемъ семьи—рода (домовымъ въ обширномъ смыслѣ слова) и обозначалъ границу владѣній одной семьи или общины.

4) На Чурѣ сперва ставили, вѣроятно, только сожженный прахъ домовладыки, потомъ болѣе уважаемыхъ въ родѣ умершихъ, а затѣмъ уже и другихъ членовъ семьи. Обычай поставленія сна руж и сожженнаго праха у простого народа былъ едва ли не обще-славянскимъ въ извѣстный періодъ психическаго роста славянъ, когда покойниковъ народное воображеніе рисовало какъ обитателей воздушной сферы.

5) Поставленіе праха покойниковъ у русскихъ славянъ на Чурахъ явилось вслѣдствіе почитанія тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояли Чуры, а также—какъ подновленіе померкшаго въ воображеніи народномъ первоначальнаго значенія Чура (слабо антропоморфированнаго предка рода).

6) Поставленіе на Чурахъ праха покойниковъ болѣе усиливало почитаніе власти главы семьи или общины со стороны остальныхъ членовъ ея, такъ какъ умершій пращуръ служилъ главнымъ звеномъ, соединяющимъ родъ, а живущій глава рода былъ какъ бы его намѣстникъ, и, кромѣ того,—болѣе обезпечивало за извѣстнымъ родомъ или общиной неприкосновенность поземельныхъ границъ.

7) Можно думать, что сожженные останки, поставленные „на столпѣ на путехъ“, чрезъ извѣстные промежутки времени, хотя и не у всѣхъ русскихъ племенъ, зарывались неглубоко въ землю, съ положеніемъ на нихъ (останкахъ) прикладинъ, частію вслѣдствіе приданія этимъ проме-

Какое знач. имѣютъ слова Нестора: „собравшѣ кости...“ 19

жуткамъ времени особаго значенія, но главнымъ образомъ— вслѣдствіе не установившагося еще общаго строя Русской земли, не позволявшаго оставлять на продолжительное время сожженный прахъ снаружн.

8) Кладбища русскихъ поселянъ, предававшихъ тѣла покойниковъ сожженію съ обычаемъ поставленія праха „на столпѣ на путехъ“, въ эпоху, предшествовавшую христіанству на Руси, должны быть подобны кладбищамъ, описаннымъ у Фонъ-Гагена (8 й видъ) и отчасти у Лиша (Вендскія могилы), вслѣдствіе чего многія изъ нихъ, по отсутствію бросающихся въ глаза внѣшнихъ примѣтъ, не доступны для археологическихъ изысканій; открытіе ихъ (кладбищъ) въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ быть только случайнымъ.

Калуга.

1889 г. августа 2.

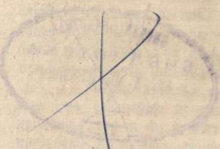
И. Четыркинъ.

Уставом времени освобождения...
...некоторые из них...
...в настоящее время...
...вследствие чего...
...в настоящее время...
...вследствие чего...
...в настоящее время...
...вследствие чего...

...в настоящее время...
...вследствие чего...
...в настоящее время...
...вследствие чего...
...в настоящее время...
...вследствие чего...
...в настоящее время...
...вследствие чего...

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзіи, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, мѣткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной міеологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются

въ ВОРОНЕЖѢ. Выходятъ безсрочными выпусками— по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп. съ пересылкой. За границу 7 руб.

Подписка преимущественно принимается:

въ ВОРОНЕЖѢ въ Редакціи Филологическихъ Записокъ; также въ извѣстныхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ и въ другихъ городахъ.

Въ Редакціи можно получать:

Годовое изданіе «Филологическихъ Записокъ» и за прежніе годы, а равно и нѣкоторыя отдѣльныя изданія, а именно:

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр. А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер. съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна. Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова. Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній, въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго составляютъ Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи, изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель А. Хованскій.